

(((СОНАР)))

№ 12, 2024 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль

В редколлегии (((СОНАР))) все редакторы главные.

Марина Симкина

Ольга Логош

Анжела Беленко

Анатолий Анимица

Эйтан Адам

Оглавление

Хелен Лимонова	4
Глоток из синей чашки	4
Накануне.....	25
Оператор счастья	28
Жан-Клод Паскаль. Красивая маска	33
Часть вторая (<i>окончание</i>). Иллюзии тоже умирают	33
Анжела Беленко.....	73
Театр начинается с вешалки	73
Легенда об Икаре	76
Из цикла «Оглянувшись назад».....	78
Из жизни салфеток.....	83
Два платка	84
Михаил Линецкий. Эсперанто? Эсперанто... Эсперанто!!!.....	88
Фрида Шутман. Стихи	98
Влади Смолевич. Ритикара	105
Михаил Язмир. Амака и Байкал	124
Дмитрий Северюхин. Мовша Хацкелев, сын Хацкеля Мордухая, или Гранитная палитра.....	131
Ольга Логош. Стихи.....	139
Ольга Любарская. Пьеса Ы. Отрывок.....	143
Эйтан Адам. Еще раз о докторе Джекиле и мистере Хайде.....	161
Сергей Файнбарк. Опыт использования гидронимов Центральной России	180

Об авторах, художниках и редакторах	186
Галерея (((СОНАР)))	194
Мария Фатеева.....	194

Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Концепция, дизайн и общее содержание журнала являются исключительной собственностью редколлегии.

Все права на публикуемые в журнале произведения принадлежат их авторам.

Эл. адрес редакции: rougelangue@gmail.com .

Номера журнала:

https://bit.ly/SONAR_JOURNAL (*case sensitive*).

<https://sonar.ecoimper.net/>

В оформлении обложки использованы картины Марии Фатеевой.

На 1-й странице: «Мой космос, 2019 г., масло».

На 3-й странице: «Взгляд, 2021 г., пастель».

На 4-й странице: «Горы, 2020 г., масло, техника мокрое на мокром».

27 января 2024 года умерла Хелен Лимонова, писатель, член правления СРПИ (Союза русскоязычных писателей Израиля), душа и организатор литературных вечеров и встреч – «Лимонников».

Хелен Лимонова была и останется в памяти ураганом энергии для литературного сообщества Израиля, в буквальном смысле создателем «литературной эпохи Хелен», и наша задача теперь сохранить эту энергию и память о блестящем организаторе и литераторе.

Хелен Лимонова родилась 30.11.1959 в Риге, в семье учителей. Училась в математическом классе рижской 52 школы, окончила факультет прикладной математики Рижского политехнического института.

Приехала в Израиль в 1994 году с двумя детьми, сыном и дочерью, в Израиле родился младший сын. Открыла Издательский дом в Ашкелоне, затем книжные магазины и издательства в Иерусалиме, Хайфе и Тель-Авиве, была издателем многих книг израильских авторов, другом и наставником многих израильских поэтов и писателей, и настоящим другом нашего журнала «(((СОНАР)))».

Маленькое помещение ее книжного магазина на Центральной автобусной станции в Тель-Авиве в течение многих лет являлось практически штабом Союза русскоязычных писателей Израиля, не имевшего другого постоянного помещения.

Светлая память другу и хорошему человеку Хелен Лимоновой.

Редколлегия журнала «(((СОНАР)))».

Хелен Лимонова

Глоток из синей чашки

И что же такое свобода?..

Вырваться из одной клетки, чтобы очутиться в другой, пошире?

[Харуки Мураками, 1984. Книга 1](#)

Как прекрасно устроен мир, когда все благополучно и идет по заведенному порядку! Евгений считал себя по-настоящему счастливым человеком. Он живет в лучшем из миров. Давно нет ни войн, ни болезней, ни катастроф – люди научились с этим справляться. Страшно подумать, как человечеству вообще удалось выжить? В учебниках написано, что в темную эпоху людей спасала религия. Они верили в бога, в черта, в Гомеостатическое Мироздание – короче, в то, что их жизнью руководят какие-то «высшие силы». Это помогало им не сойти с ума и мужественно принять свой жребий.

А он, современный человек, верит в науку. И не просто верит – вся сегодняшняя реальность подтверждение тому, что разум наконец восторжествовал на планете. Он просто везунчик, что родился в эти времена!

Жек проснулся рано. Окна его спальни выходили на залив, и лучи восходящего солнца нежно гладили его по лицу: скорее вставай, тебя ждет прекрасный день!

Таня, конечно, еще спит, и утреннее время принадлежит только ему. Так что можно спокойно позавтракать, пока тихо. У него прекрасная жена, одернул он себя, они всегда могут договориться, хотя такие разные.

Хороший завтрак – не просто удовольствие и заряд бодрости, но и свежие новости. Жек налил себе кофе в любимую бордовую чашку. Смакуя маленькими глотками ароматный напиток, он просматривал ленту, которая проявлялась на внутренней стенке чашки. В свою бытность студентом он так торопился по утрам, что опустошал инфочашку за какие-то пару минут. Поэтому и новости смотрел невнимательно: что бросится в

глаза, то и прочтет. Теперь же, умудренный жизненным опытом, все продельвает медленно, со вкусом. Отопьет глоток, прочтает строчку; подумает, прикинет, что может быть дальше, и еще один глоточек. Пока не закончится кофе и не погаснет рябь черных символов на белом. Теперь можно и на работу выдвигаться в соседнюю комнату.

Интересно, что жена терпеть не может пить из бордовой и предпочитает синюю. Говорит, оттуда новости куда интереснее. Сколько раз Жек пытался объяснить, что дело не в цвете чашки, а в ее собственных предпочтениях. С какой чашки ни пей, фильтры новостей всегда будут подстраиваться индивидуально, согласно физиологическим реакциям ее слизистой оболочки. Куда там! На этом месте она обычно махала рукой и начинала демонстративно греметь посудой. Или напевать дурацкие песенки из своих сериалов. Бесплезно взывать к ее разуму, Татьяну не переделать. Она и в молодости была упряма и взбалмошна, а сейчас тем более.

Жек зашел в свой кабинет, закрыл дверь и привычным усилием отодвинул прочь суетные мысли. Здесь он царь и бог. На этом рабочем ложе вершатся судьбы народов. По крайней мере одного отдельно взятого народа, поправил он себя, чтобы быть предельно честным. Тут, в лаборатории духа, требуется кристальная честность. Иначе выводы и решения, которые предстояло найти, могут оказаться неверными. Даже маленькая неточность в настройке экспоненциально умножит ошибку в вычислениях, и тогда алгоритмы поведения толпы будут определены неадекватно. Использование такой модели чревато катастрофой. Что иногда и происходило до его, Жека, назначения на эту должность. И если такое случится в его смену, то... лучше об этом не думать. Он не имеет права на ошибку и не ошибется.

Жек облачился в сенсорный комбез, пристегнулся к ложу и дал команду начинать. В кожу вонзились тончайшие иголки, совсем не больно, даже приятно. На ближайших шесть часов гражданин Евгений превратился в Вычислителя – одного из аналоговых блоков искина Управления Порядком.

Когда за мужем захлопнулась дверь кабинета, Татьяна облегченно вздохнула. Раньше трех часов дня он оттуда не выйдет, значит, до этого времени она будет заниматься чем пожелает, не рискуя вызвать

недовольство и критику благоверного. Какой он стал нудный! Эта бесконечная работа совсем его доконала. Конечно, достаток вещь хорошая, но куда девался живой, остроумный, милый юноша, в которого она влюбилась двадцать лет назад? Туда же, куда и хорошенькая Танечка; время не щадит никого, подумала она, глядя в зеркало.

Поверх отражения побежали строчки последних новостей, что отвлекло ее от грустных раздумий. Подкрашивая губы, Татьяна успела прочитать про главные тренды нового года и прикинула, сколько надо потратить, чтобы соответствовать. Результаты огорчили. Просить деньги у Евгения не хотелось. Он, конечно, даст, но перед этим перепилит ее вдоль и поперек. Значит, надо добыть средства самой. Те махинации, что она иногда проворачивает, дают неплохой заработок. Одна беда – это совершенно незаконно.

Пока что ей и Бланкам все сходило с рук. Но однажды они попадутся.

Ерунда, ей все равно ничего не грозит. Вот Аркадию с Любой – да. Но они идут на риск сознательно, подумала Татьяна, привычно заглушая слабые угрызения совести. Если она хочет успеть заказать умопомрачительную синтетическую шубу по скидке, надо поспешить.

Она облачилась в новый брючный костюм, надела лаковые туфли, прихватила вместительную элегантную сумку и отправилась в хостел для престарелых – на соседней улице располагалось несколько таких зданий. Такси брать не стала, погода хорошая, можно и прогуляться. По дороге заглянула в клинику к Сержу забрать заказ, потом в продуктовый и уже через час заходила в квартиру семьи Бланк. Благо код на двери не изменился, и ей не пришлось стучать или звонить. Ее чип исправно работал, несмотря на то что был давно взломан. Хитрость была в том, что теперь она могла отключать его, когда хотела, а потом снова запускать.

Собственно, сам Аркадий чип и кракнул. С виду доходяга, тихий, безобидный старичок. Не догадаешься, что матерый биохакер. В личной карточке указано, что А. Бланк раньше преподавал электронику, потом ушел на пенсию; Таню, разумеется, познакомили с биографиями своих подопечных.

– Танечка пришла! – радостно воскликнула Люба, – Диодыч,

выходи, свои!

Несмотря на избыточный вес и возрастные недомогания, а ей уже за восемьдесят, она всегда полна оптимизма. Сама готовит, убирает, занимается цигуном и мужа заставила. Как все успевает, уму непостижимо.

– Принесла? – деловито спросила старушка. Татьяна принялась разгружать сумку, а Аркадий – тщательно задергивать шторы и закрывать ставни. Включили ночное освещение и уселись за стол. Аркадий сунулся было с немывтыми руками, но Люба живо навела порядок.

– Ты тоже кушай, Танечка, – угощала хозяйка, но та вежливо отказалась. Икра, креветки, балык, зефир в шоколаде, – все эти излишества жена Вычислителя могла покупать себе хоть каждый день. Другое дело Бланки. Их социальный статус не позволял питаться дорогими деликатесами. За соответствие нормам строго следили искины Управления Благоденствием с помощью всеведущих чипов. Если бы Бланки попытались купить запрещенную еду или совершить еще какие-то траты, не предусмотренные установленным бюджетом, их немедленно бы лишили всех социальных благ. Забрали бы пособие, отдельную квартиру, переселили в общежитие. Раз хотите тратить больше, чем положено, значит, есть доходы, которые вы укрываете от государства; извольте содержать себя сами.

– Зачем вы закрываете окно во время еды? – спросила Татьяна. – Продукты куплены на мою карточку, а я имею право приносить подарки своим подопечным.

Аркадий, заедая икру зефиром (наверняка животом будет маяться), ответил:

– От Рикейросов из хостела напротив. Наш элитарный, а тот похуже, и пособие еще меньше нашего. Следят за нами, пытаются криминал найти. Если донесут, получают солидную премию от соцслужб. Тысяча кредитов! Лучше им не давать повода, Танечка.

Действительно, приличные деньги, хватило бы на шубу и еще осталась бы половина.

Поели, убрали со стола и приступили. Мастерская Аркадия была оборудована в ванной комнате. Таня принесла заказ, который получила от Сержа, пластического хирурга одной престижной клиники. Серж отбирал клиентов на взлом очень тщательно, еще бы, на кону стояла его карьера и

свобода. Львиную долю оплаты брал себе. Остальное отдавал Татьяне, а она уже делилась со стариками. Вернее, покупала что они просили, запросы их были весьма скромны.

Всю операцию надо было проделать в течение суток: изъять чип из руки заказчика – обычно он имплантировался в кисть правой руки между указательным и большим пальцем, – перепрограммировать крохотное устройство, вмонтировать пульт управления в браслет или часы клиента и водворить взломанный чип на место.

Передавая чип и браслет Аркадию, Татьяна невольно залюбовалась изящной золотой змейкой с рубиновыми глазами. Вот это вещь! Дорогая и изумительно сработанная, хочу такую, решила она.

Пока старик работал, женщины смотрели по телевизору сериал про древние времена, когда не было никаких социальных служб и тем более искинов. Люди были предоставлены сами себе, жили, где придется, рожали сколько захотят. Неудивительно, что на Земле царили голод и разруха. Главный герой, предводитель племени безработных, чем-то напоминал молодого Сержа. Таня вздохнула, вспомнив о былом, но все делается к лучшему. Если бы вышла тогда за него, сейчас бы ее статус был гораздо ниже. Как и уровень потребления, который определяют искины Управления Благосостоянием. К тому же социальные обязанности у жены Медика тяжелее, чем у жены Вычислителя: вместо необременительной опеки над пожилыми ей пришлось бы отрабатывать в госпитале ночной сиделкой.

Татьяна вернулась домой ближе к вечеру. Жек уже пообедал и курил на кухне, задумчиво пуская дым в потолок. На потолке показывали хоккей роботов.

– Где ты была так долго? – спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил, – завтра у нас к обеду будут гости. Роберт, мой новый начальник, с женой. Оказалось, это тот самый Роб, с которым я в колледже учился, представляешь?! Танюша, приготовь что-нибудь особенное. Сможешь настроить печку или мне помочь?

Конечно, она справится с кухонным искином, что тут мудреного. Воображает, что без его суперинтеллекта ей не обойтись! Так она и сказала, возможно, слишком резко. И припомнила, как на днях он испортил стиральный агрегат, задав режим глажки сразу после кипячения. А отжать

и высушить белье прежде не надо, умник?! Зачем вообще туда полез? Ах, залил скатерть чаем и хотел отстирать до ее возвращения! Наверно, это был не чай. Вот потребую отчет у мусорного блока, сколько ты бутылок из-под бухла туда спускаешь, пока меня нет дома!

Они поссорились, в последнее время это происходило слишком часто.

***

Следующее утро прошло в хлопотах. Кухонный искин слегка перегрелся, пока готовил изысканные вегетарианские блюда, начищал столовое серебро и взбивал сливки. Специально для Жека зажарили ростбиф – он упорно держался за мясоедство. Татьяна запустила всю домашнюю челядь одновременно, роботы-уборщики так и сновали по дому, только успевай следить, как бы глупостей не натворили. Позвонила Сержу, хотела спросить, когда она может получить обещанное, но тот не ответил. Переделалась, накрасилась, тут и в дверь позвонили. Евгений вышел встречать гостей.

Мужчины пожали друг другу руки, женщины познакомились, обменялись вежливыми фразами. Гостья, хрупкая блондинка, сняла плащ и оказалась в роскошном лиловом платье с широкими плиссированными рукавами. Втайне надеясь, что ее кремовый атласный комбинезон выглядит не менее эффектно, хозяйка пригласила всех к столу.

За едой разговорились, хорошее вино развязало языки. Мужчины гудели что-то свое, заумное, про психологию толпы и алгоритмы управления массами. Ниночка, так звали гостью, трещала без умолку. Они неплохо провели время, делясь рецептами, обсуждая кино и маленькие слабости своих мужей. Обнаружили на удивление много общего во взглядах. Поговорили о работе. Нина, как жена Руководителя, трудилась в Управлении Безопасностью. Таня начала было рассказывать о своих стариках, но захмелевшая Нина слушала невнимательно. Она подняла руку, чтобы поправить прическу, легкая ткань рукава обнажила руку до самого плеча. На ослепительно белой коже тускло блеснула знакомая золотая змейка. Тане показалось, что рубиновые глазки змеи пронзают ее насквозь.

Заметив, какое впечатление произвел браслет, Нина сообщила:
– Эксклюзив. Знакомый ювелир сделал, под старину.

Под предлогом проверить, не готов ли пирог, Таня вышла из гостиной и плотно прикрыла за собой дверь. Сердце бешено колотилось. Как у Нины оказалась тот самый браслет, в которую Аркадий вмонтировал пульт управления чипом? Значит, она и есть вчерашняя клиентка Сержа. И при этом работает в Управлении Безопасности?! Ясно, ее подослали. Этот дурачок ничего не проверил, повелся на смазливое личико. Она снова попыталась дозвониться в клинику и опять безуспешно. Наверняка его уже арестовали и скоро придут за ней. В том, что он ее выдаст, Татьяна не сомневалась, это только вопрос времени.

Раз Нина проболталась, где служит, Таню она ни в чем не подозревает. Или специально намекнула? Господи, что делать?

За дверью послышался капризный голосок: «Женя, где ваша жена? Мне скучно!» Муж что-то галантно отвечал, а Таня опрометью бросилась в свою комнату. Решение было принято мгновенно. Главное – успеть отмазаться от этой истории. Открыв с телефона сайт Управления Безопасностью, нашла раздел «Доносы на граждан» и вписала данные Бланков. В пояснительной графе указала, что подозревает своих подопечных в нарушении закона Равноправного Потребления. Вчера заметила у них в доме дорогое ювелирное изделие, которое по статусу они иметь не могут, и спешит сообщить об этом нарушении. Нажала кнопку «Отправить» и только тогда перевела дух.

Успела! Теперь обратно, к гостям, принести десерт, вроде за ним и ходила.

Румяный яблочный пирог в гостиной встретили с воодушевлением. Таня подседа к Нине, та посмотрела на нее ясным взглядом, будто и не пила вовсе. Наклонившись к самому уху, шепнула: «Вчера я была у своего врача... Роскошный мужик! Хочешь, познакомлю? Твой, похоже, ни на что уже не годен.»

Значит, все-таки клиентка, а не осведомитель. Татьяна налила себе водки и выпила залпом. Все обошлось, она просто психанула. Серж в порядке, ей ничего не грозит, все будет хорошо. И шубку себе купит, только в будущем деньги придется добывать по-другому, ведь стариков заберут...

Не думай об этом, приказала она себе и выпила еще. Потом спросила: «А как ты догадалась, что Жек... ну... что у нас давно нет секса?»

Ниночка рассмеялась.

– Ты и правда не знаешь? Вычислители теряют потенцию на второй год после начала работы. Роб рассказывал, что это в инструкциях для Руководителей написано. А твой в конторе давно, значит, у вас проблемы. Так познакомить с доктором? Он обалденный. Правда, мой тоже ничего, но когда Сержик вот так...

– Но почему? – перебила Татьяна раздумывающую от воспоминаний Ниночку, – почему работа так влияет?

– Точно не помню. Кажется, «по причине эмоционального выгорания», так Роб сказал, да.

Остаток вечера прошел как в тумане. С непривычки Таня сильно захмелела, язык заплетался, мысли путались. Евгений проводил шумных веселых гостей и уложил жену спать.

***

Утром Татьяна проснулась с тяжелой головой, припомнила вчерашний вечер и застонала. Какой кошмар, что она натворила!.. Заглянул муж (они давно спали в разных комнатах), принес чаю в синей чашке, погладил по голове и ушел на работу. К себе, как обычно. Даже не прикоснувшись к чаю, Таня начала лихорадочно одеваться. Надо зайти к ним. Вдруг успеет предупредить.

И вообще вдруг все обойдется, и Бланков не тронут? В конце концов, ее донос ничем не подтвержден. Мало ли кто на кого стучит, нужны доказательства, верно?

Пока шла туда, вспомнила, как познакомилась с Бланками. Они сами выбрали ее среди других кандидатов на опеку, когда Управление Благодеянием представляло своих сотрудников престарелым жителям района. Она согласилась: старики выглядели опрятно, двигались самостоятельно и были в полной памяти. Искин не возражал, и эта пара стала ее официальными подопечными. Код доступа в квартиру Бланков вписали в ее персональный чип.

Старики привязались к ней, звали доченькой. Она знала все их нехитрое хозяйство. Странно только, что ванную они держали закрытой на ключ. Иногда там надолго запирался Аркадий. Что делал, непонятно, но Люба не беспокоилась, значит, и Тане волноваться незачем.

Однажды Таня пришла раньше, чем обычно, старик был в ванной комнате и не успел прикрыть дверь. Он сидел на высоком стульчике у верстака, рассматривая что-то в здоровенный микроскоп. Таня такие видела только в кино про безумных ученых.

В тот день они ей все рассказали. Таня была шокирована услышанным. Взламывать чипы? Но это же преступление!

– Преступление – это то, что искины сделали с людьми. Мы их придумали, а теперь стали их рабами. Слава богу, не перевелись еще люди, которые хотят сами управлять своей жизнью, и я в меру своих сил им помогаю, – услышала она в ответ.

Аркадий еще долго говорил о свободе выбора и демократии, но она пропустила все мимо ушей, слова были мудреные, слушать скучно. Странно, что они не побоялись ей открыться. Как будто были уверены, что она не донесет. А почему, собственно? Кто они ей такие, чтобы рисковать собственной безопасностью?

– Попробуй, дочка, тебе понравится, – убеждал Аркадий, и она из любопытства согласилась. Но в руки Любе не далась, хоть та уверяла, что много лет работала медсестрой. Пошла к знакомому хирургу, чтобы вынул чип, и договорилась, что потом водворит его на место. Щедро заплатила за работу и за молчание.

И правда, жизнь заиграла новыми красками. Появилось чувство вседозволенности. Отключая чип, она могла проделывать все то, что не позволял ее социальный статус. Жене Вычислителя запрещалось появляться в казино, посещать элитные магазины, закрытые вечера с участием иностранцев и так далее. Теперь же, нажав кнопку на своих элегантных часах, она исчезала из поля видимости всеведущих искинов. Конечно, люди продолжали ее видеть, но это было не опасно. Никто не проверял, имеет ли право она здесь находиться, так привыкли полагаться на искусственный интеллект, который все контролирует.

Свобода свободой, но денег стало не хватать. Одеваться нужно

прилично, чтобы соответствовать. Серж, глядя на нее, тоже взалкал запретного. Прикинул, что можно неплохо заработать, и начал поставлять Аркадию клиентов.

И вот теперь все закончилось. Она не виновата, правда. Так получилось.

Дверь не открывалась – сменили код? На стук никто не среагировал. Татьяна вышла из подъезда. Возле него топталась приземистая желтолицая старушка в ватной куртке.

– Не видели Бланков сегодня? Дверь не открывают, может, заболели? – спросила ее Таня. Та подозрительно воззрилась на нее: «Ничего не ведаю. А ты откуда будешь? Из надзора?» Узнав, что Таня пришла навестить подопечных, порылась в кармане засаленного ватника и вытащила письмо.

– Вот, для тебя оставили. Я не читала, хотя могла бы. Поняла? Покойница меня не жаловала, а зря.

Старуха развернулась и, хромя, отправилась восвояси.

– Спасибо! Как вас звать, бабушка?

– Марта Рикейрос, – буркнула она, не оборачиваясь, и заковыляла дальше, к хостелу напротив.

Про какую покойницу она упоминала? Неважно, скорее домой! Письмо жгло руки, но она вскрыла его только в своей комнате.

«Дорогая Танюша!

Завтра придут нас выселять, приказали собрать вещи. Наверняка по доносу Марты, вон за окном маячит. Бог ей судья. Если у нее осталась хоть капля совести, она передаст тебе это письмо, больше просить некого.

Дочка, родная, не думаю, что теперь нам разрешат видеться. Но ты все-таки постарайся нас найти, мы так к тебе привязались! Если не свидимся, помни, что были люди, которые любили тебя. Наслаждайся жизнью, пока молодая, и вспоминай нас добрым словом. Всю жизнь мы старались служить людям, Аркадий учительствовал, я лечила. И вот что получили на старости лет – нас выселяют. Ничего, как-нибудь проживем. За нас не беспокойся, думай о себе. Помни, ты имеешь право сама строить свою жизнь, не разрешай другим управлять собой. И еще: настоящая свобода внутри, ее никто отнять не может. Танечка, береги себя. Обнимаем.

Твои Бланки.»

В глазах защипало. Они ей доверяли, а она... Попробую обратиться к Нине, вдруг поможет узнать, куда их переселили. Однако здесь что-то не так. Люба пишет, что их перевозят с утра, но она пришла так рано, а в доме уже никого нет.

Служение людям? Это только красивые слова. От кого она их недавно слышала? От Жека, да. Вчера. Они с Робертом громко спорили о всякой ерунде – смысле жизни, служении человечеству, о таких вещах, о которых Татьяна никогда не задумывалась. Но для мужа эти слова что-то значат. Давно они с ним ни о чем толком не говорили. Таня злилась, что он не обращает на нее внимания, охладел, а оказывается, дело в работе, которая его измотала. Бедный Женька.

Она зашла к мужу в кабинет и в очередной раз поразилась жуткой тишине, которая здесь царила. Жек с закрытыми глазами лежал на кресле, руки и ноги в зажимах, десятки тонких проводов, змеясь, отходили от сенсорного комбинезона, в который он был облачен, прямо в стену-экран от пола до потолка. По экрану пробегали цветные сполохи, быстро мелькали цифры, буквы, формулы. Таня вспомнила картинку из детской книжки про Гулливера. Точно так же лежал он, распятый злобными лилипутами на песке, весь опутанный нитками, как Жек проводами... и вот эти нитки высосали из него любовь, страсть, нерожденные жизни их детей?!

Наверно, она закричала, потому что Жек открыл глаза, отключил оборудование и сел на кресле. Она бросилась к нему, заливаясь слезами.

– Ради чего это все, скажи, – молила она. – Если ты знаешь, как надо служить человечеству, то расскажи. Я хочу понять, на что мы променяли свою жизнь! Я тоже имею право знать!

– Имеешь, – глухо отозвался Жек. Он поднялся, расстегнул и снял комбинезон, помог Тане в него облачиться, пристегнул к креслу. Она почувствовала, как иголки вонзились в кожу, испугаться не успела. На нее нахлынули яркие образы. Вот она, спеленутая между такими же женщинами-двойниками, куда-то бежит вместе со всей толпой. Нещадно палит солнце, она вся взмокла от пота, но остановиться и перевести дух нельзя. Хочется пить, она хватает флягу, которая висит на боку у соседки, та огрызается, ее безумные глаза все ближе, ближе. Таня чувствует, как ее пальцы

скрючиваются, готовясь вцепиться в лицо мерзкой тетки... радужные полосы, все меняется. Теперь Таня в знакомом месте, это универсальный магазин. Она прогуливается по этажу, заходит в отдел, где продается верхняя одежда, рассматривает пальто и куртки. Народу здесь много; внезапно включается пожарная сигнализация. Вой, скрежет, сквозь них пробивается компьютерный голос диктора, который призывает сохранять спокойствие; люди куда-то мчатся, Таня немного замешкалась, чувствуя отчаянный страх и почему-то восторг. Из отдела убегает продавщица, Таня хватается ближайшую к ней шубу и зарывается лицом в щекочущий мех...

Она долго не могла прийти в себя. Жек растирал ей руки, прыскал в лицо водой, тряс. Наконец вернулась к реальности.

– Что это было? – прошептала она, озираясь.

Она лежала на кресле, комбинезон валялся на полу. Аппаратура, видимо, отключилась.

– Там было как будто по-настоящему, нет, гораздо сильнее! Что это?

– Аналоговая симуляция. Еле тебя вытащил, – непонятно ответил Женя.

***

– Значит, это все, что ты делаешь? Ты подопытный кролик у искинов? – не веря себе, спрашивала она, вцепившись ему в рукав и глядя в бледное, когда-то любимое лицо.

– Не кролик, а один из расчетных блоков модели человеческого поведения. Это огромный прорыв в науке и очень важно, понимаешь? Знать, как поведут себя люди в экстремальных ситуациях, в толпе и поодиночке. Задается ситуация и пропускается через Вычислителей, то есть нас. А потом искины строят действующую модель. Это позволит рассчитать, как в реальности будет развиваться ситуация, и спасти человеческие жизни.

– Если они такие умные, твои искины, пусть рассчитают все сами! Зачем через людей пропускать всякую дрянь? Странно, что ты до сих пор не рехнулся... я вот никак прийти в себя не могу.

– Видишь ли, это невозможно. Психология людей пока не поддается точному расчету. А сами искины испытывать эмоции не могут. Пытались себе достроить программы, но отказались, слишком опасно и непредсказуемо. Поэтому и используют нас, людей... Это гораздо дешевле и проще, чем проводить глубокие исследования. Искины выбирают самые экономичные и эффективные решения, для этого и создан искусственный интеллект!

Жек явно гордился своей работой. Таня встала и ушла к себе. Экран стола звякнул, пришло извещение о переводе суммы на ее счет. Одна тысяча кредитов; купить шубу, и еще половина останется. Она вспомнила звериный запах шубы в компьютерной реальности, потом припомнила, откуда эти деньги, и снова заплакала.

Вытащила письмо Бланков, прижала к груди. «Простите меня», – прошептала она.

***

День сулил столько увлекательного, что Таня не стала нежиться в постели, чтобы ничего не пропустить. Тихонько, чтобы не разбудить мужа, выбралась из плена шелковых подушек и покрывал, соорудила себе чашечку кофе – их каюта-люкс была оборудована и кухней – и уселась у окна. То есть у иллюминатора. Синь и простор, куда ни глянь; небо и вода, больше ничего. Обернуться бы чайкой, вылететь на волю и устремиться в бесконечные дали, отдавшись океанским ветрам. Таня представила, как ее обдают брызги волн, треплет свежий ветер, как далеко лететь до берега, и поежилась. Нет, лучше сидеть тут, в тепле и уюте, за надежным бортом огромного лайнера, похожего на плавучий город, и наслаждаться видами.

До завтрака еще час, а потом будут развлечения до самого обеда. Музыка, игры, новые знакомства. Можно менять наряды каждые два часа: она прихватила с собой солидный гардероб, но если не хватит, к ее услугам великолепные магазины на нижних палубах и кредитная подарочная карта от мужа, преуспевающего Вычислителя. Таня обожала красивую жизнь и шумные тусовки, а он такого терпеть не может. Так что ей крупно повезло, что Женя согласился на этот круиз.

Как давно они вместе никуда не выезжали! Билеты на круиз оплатила компания мужа в качестве премии за хорошую работу. Наверняка поэтому Евгений и согласился. В конце концов, он не против доставить удовольствие жене, тем более не за свой счет. И незачем грустить по этому поводу, напомнила себе Таня, подкрашивая губы перед зеркалом, по которому бежали строки утренних новостей. «Сегодня Солнечный Остров открыт для посетителей», – что-то знакомое, ах да, как раз вечером в программе развлечений значится экскурсия на тот самый знаменитый Остров, синтетическую фабрику по производству энергии... электричества... и еще чего-то, кажется, органических волокон. Суперсовременное производство, в разработке которого участвовали инженерные искины. Роберт, теперешний Женин начальник и, как выяснилось, бывший сокурсник, тоже работал в этом проекте. Так что пусть муж сам отправляется на экскурсию, это его профиль, а ей совсем не интересно. Лучше вздремнуть перед ночным балом.

***

Огромный диковинный цветок плавает в океане. Вечерами он сворачивает свои нежные лепестки в бутон, а утром, пробужденный поцелуями солнца, раскрывается ему навстречу. Гигантский сине-зеленый лотос диаметром четыре километра мирно колышется на воде. Раскинутые широкие лепестки неумолимо собирают свет, чтобы превратить его в электричество и органику. Изумительная фабрика искусственного фотосинтеза очищает атмосферу от углекислоты и снабжает человечество живительным кислородом. На Солнечном Острове совсем нет людей. Все управление и контроль взяли на себя искины. Люди здесь появляются всего четыре раза в год, когда Солнечный принимает экскурсантов. Количество туристов строго ограничено. В остальное время в этом царстве пластика, кремния и полимеров нет ни одной живой души. Если не считать самого Острова.

Конечно, он живой! Он растет, питаясь светом и водой. Он реагирует на окружающий мир и полностью к нему адаптирован. Создатели придали ему все основные свойства биологической жизни:

высокоупорядоченное строение, метаболизм и даже воспроизводство – Остров отращивает новые бутончики по всему своему периметру.

Как известно, точного определения жизни до сих не существует, есть только перечень признаков живого. Солнечный Остров подходит по всем параметрам. Однако у него есть еще одна тайна.

***

Женя проснулся только к обеду. Отдохнувший, в прекрасном расположении духа, он легко уговорил Таню отправиться вместе с ним на экскурсию. Даже добавил, что получил специальное указание от начальства выгулять ее на Солнечном Острове – шутил, наверное. Глаза его блестящие, на щеках появился румянец. Свежий воздух, отличное питание и, главное, нет этой проклятой работы! Давно надо было его вытащить в отпуск. Почему она раньше об этом не подумала? Ждала, что сам предложит? Смешно.

Точно по расписанию они прибыли в акваторию Острова. Прогулочный бот отчалил от лайнера, унося на своем борту одиннадцать экскурсантов. Как оказалось, список посетителей Острова был составлен заранее, и сопровождающий при посадке требовал показать именно допуск. Евгений предъявил и свой, и жены. Получается, он не шутил насчет специального приглашения?..

***

Сегодня Остров переключался в режим эмоционального насыщения. Раз в четыре месяца всеми своими порами, фибрами, волоконцами и элементами он впитывал то, без чего невозможно ни одному живому существу – чувства и эмоции.

Знаете ли вы, что эмоции окрашивают наше мышление и стимулируют его? Возможно, из-за них человек не всегда предстает идеальным мыслителем. Однако именно это делает людей существами переживающими, неравнодушными и способными на творческие решения, которые под силу только человеческому интеллекту. Именно этой особенностью

так не хватает искинам. Чтобы досконально исследовать механизмы человеческого мышления, они продолжают создавать сложные модели на основе синтеза «настоящего» и искусственного интеллекта. Такой моделью стал и Солнечный Остров.

Сегодня к нему приходили люди, и он спешил вобрать в себя нервную энергию их жизни, пульсацию их личностей, оттенки и переливы их настроения. Каждый из посетителей был долгожданным гостем, который будил его воспоминания, а Острову было что вспомнить. Когда-то он сам был человеком. Вернее, их было много – тех, кто добровольно решил участвовать в эксперименте. Ну, или не совсем добровольно, это как посмотреть.

***

Хорошо, что она согласилась сюда приехать! Тане показалось, что она опять стала маленькой, а мир – огромным и сказочным. Она гуляет в недрах гигантского цветка, желтые ворсинки расстилаются под ее ногами пружинящим ковром, а тонкие зеленые побеги-усики ласково касаются ее лица. Дюймовочка в зачарованной стране детства. Все остальные послушно следуют за гидом, а она отбилась от стаи и несколько об этом не жалеет. Тут так хорошо и тихо, только слышен шелест волн и таинственные шорохи солнечного цветка. Кажется, ее кто-то окликает тихим голосом – «Танечка, Таня, мы здесь, иди сюда...» Что с ней? Куда ведет эта узкая тропинка среди густой заросли упругих побегов?..

Таня находится в небольшом помещении, пустой чашечке, образованной тугими изумрудными лепестками. Ей совсем не страшно, хотя она понятия не имеет, куда забрела. Таня уверена, что здесь с ней не случится ничего плохого. Она осторожно трогает стену, лепесток отзывается еле заметной дрожью. «Здравствуй, Таня,» – звук исходит отовсюду, голос смутно знаком, – «это мы, Люба и Аркадий, ты нас помнишь?» Старики Бланки?! Но как они тут оказались? Прошло несколько лет с тех пор, как пропали ее подопечные. Она почти забыла про них и про свое предательство, а сейчас воспоминания нахлынули с новой силой.

«Откуда вы тут? Хотите, я вас заберу домой?» – бормочет Таня, а

в ответ слышится ласковый смех.

«Ты такая как прежде, впечатлительная и добрая, наша девочка, не сожалею ни о чем. Мы так рады, что попали сюда, ведь все это благодаря тебе. Теперь мы не прозябаем в своей стариковской берлоге, преодолевая болезни и дряхлость, а вечно молоды и трудимся на благо всего человечества.»

Таня не любит, когда при ней говорят о благе человечества. Она не верит в эту слащавую формулировку.

«Когда нас арестовали, то предложили либо жить в закрытом поселке для интернированных, либо работать на солнечной фабрике. Мы, конечно, согласились на второе, потому что условия работы здесь изумительные. Танечка, Аркадий работает по специальности – инженер-электронщик, а зарплату получает вечной молодостью! Меня тоже приняли, я слежу за здоровьем сотрудников. Я так рада, что мы продолжаем приносить пользу людям! Какое счастье, что искины нашли способ исключить старость из жизненного цикла. Рассказать подробнее, Танечка, или тебе не интересно?»

Тане очень интересно. Она рада, что ее простили и все образовалось к лучшему. Таня усаживается на мягкий лепестковый пол и слушает дальше. Ей не кажется странным, что голос Любы изменился, утерял интонации, стал монотонным, что она говорит закругленными, многословными фразами, как гипнотизер со сцены; и что Аркадий вообще молчит.

«Ты никогда не задумывалась, почему люди стареют и умирают? Это мудрость природы, которая заботится о вечном обновлении. Представь себе мир, в котором люди взрослеют, набираются ума и опыта долгие годы и при этом не стареют. Они ничего не забывают, сильны, бодры и здоровы. Как ты думаешь, смогут ли конкурировать с ними молодые, и кто победит в ежедневной гонке за блага, престижную работу, красивых женщин? Конечно, не те, которые только недавно родились на свет и не обладают опытом и знаниями. Новое поколение проиграет «старичкам» по всем статьям. В постоянной жестокой борьбе за жизненные ресурсы младшие как более слабые, глупые и неопытные просто погибнут. И что тогда будет с цивилизацией? Она остановится в своем развитии.

Именно поэтому мы растем, развиваемся, умнеем и при этом

стареем... Наш цикл – научился сам, обучи молодых. Пожил сам – уступи место следующим. Если повезет, перед смертью ты успеешь кое-что узнать об этом мире. Если у тебя щедрая душа, расскажешь об этом другим, поддержишь и научишь кого-то юного – как в свое время поступали твои Учителя.

За это ты каждый день будешь терять силы, здоровье, память. Что хуже всего, тебе никогда не удастся передать свой опыт в полном объеме. Эти, следующие, невнимательны, самоуверенны и желают до всего дойти своим умом. Так что твои мысли, желания, чувства, озарения – все в топку.

Таков жестокий и дальновидный закон природы. С ее точки зрения все устроено правильно. Переизбыток против вероятности. Но с точки зрения человека, страдающего от болезней и старости, это ужасно жестоко. А с точки зрения искинов – еще и чудовищно расточительно.

У искинов ничего не пропадает зря. Так что они поставили задачу создать вечно молодого, самообновляющегося человека. Искины в самом начале эксперимента, и мы счастливы в этом участвовать.»

Люба и Аркадий наслаждаются Таниными эмоциями. Их чувствительные бугорки у основания лепестков захлебываются от возбуждения. Радость, печаль, сожаления, надежда, вся прекрасная гамма человеческих эмоций всасывается в их пластиковую подкорку и будет питать их ближайшие четыре месяца. Тел у Бланков давно нет, да и зачем бы они им тут понадобились?

Таня, еще не понимая, спрашивает – нельзя ли повидаться? Посмотреть, как вы живете? «Да вот же мы, глупышка», – лепестки туго прижимаются, облепляя Таню прохладным коконом. «Но где же вы сами?!» – кричит она, высвобождаясь из назойливых объятий.

«У искинов ничего не пропадает зря. Солнечному Острову нужна органика. Так что все здесь.»

Таня наконец вырвалась и бросилась бежать прочь, к свету, к мужу, к настоящим людям. Остров больше не казался ей сказочным цветком. Желтые ворсинки пружинили под ее ногами, они росли прямо из отвратительного перегноя, в котором смешались останки одуроченных Бланков и десятков, а может, сотен им подобных. Ее била крупная дрожь, и даже в надежных объятиях Жени она долго не могла успокоиться.

***

Кажется, прошло всего полгода после той поездки, а как изменилась ее жизнь! Татьяна с удовольствием оглядела комнату – комплект мягкой мебели голубого бархата совершенно преобразил их салон.

Но главные перемены были не в этом. Пока Нина на кухне командовала роботами-уборщиками, Таня, уютно устроившись в кресле, держала в руке бокал с морковным соком. Ради здоровья своего ребенка приходится пить эту гадость каждый день. Хорошо, что осталось потерпеть всего три месяца. Мужчины негромко беседовали за бутылкой сухого, она рассеянно прислушалась. Как обычно, говорили о работе.

– Знаешь, я так и не понял, как тебе удалось так быстро продвигаться. Тебя приглашают работать в самых крутых проектах, а ведь в колледже чуть не отчислили со второго курса. Но искинам-распределителям, конечно, виднее, они точно определяют, куда каждого специалиста направить. Помнишь Диодыча, нашего препода по электронике? Трижды тебя завалил на экзаменах, а потом так прямо и сказал: «Советую найти другую область применения вашим многочисленным талантам».

– Язвительный был старик.

– Ага. Кстати, мне он одни пятерки ставил, я электронику очень любил... Получилось наоборот – ты остался, а его самого на пенсию отправили, проштрафился, говорят. В чем там было дело, не знаешь? С тех пор ничего о нем не слышал. А ты?

Вместо ответа Роберт осушил свою рюмку и налил еще. «Горазд Роб выпивать,» – подумала Таня, – «странно, что Нину это не беспокоит, а я... хотя Женька молодчина, с тех пор как узнал про малыша, употребляет самую капельку, только за компанию. Где я раньше слышала это прозвище – Диодыч?»

Появилась Нина, обняла Таню за плечи, затормошила, защebetала о своих подвигах на кухне: обучила роботов готовить здоровую пищу для беременных, «а то у вас все жирное и соленое», – добавила она. Потом потащила Таню в другую комнату «посекретничать» и добрые полчаса, с придыханиями и закатыванием глаз, рассказывала о новом любовнике.

Так что когда они вернулись, мужчины уже сменили тему и говорили о вечном. То есть об искинах, светлом будущем и служении человечеству.

– Контроль и управление порядком на всех уровнях под силу только искусственному интеллекту, – вещал Роб, – в нашей конторе сейчас работает всего сто тридцать шесть человек. Еще в прошлом веке подобные государственные организации насчитывали тысячи сотрудников. В каждой стране, представляешь? И все равно все шло наперекосяк – войны, голод, болезни, забастовки, терроризм. Сейчас ничего этого нет благодаря умным стратегиям искинов. Знаешь, технологии тоже очень важны, но главное – алгоритмы управления людьми. Без этого, как показала история, наступает полный хаос.

– Мы, Вычислители, тоже помогаем строить верные модели управления, – гордо сказал Женя, – поэтому в нашем обществе все устроено идеально!

– Если все идеально, то почему мне нельзя ходить куда хочу? – неожиданно для себя самой встряла Таня, – почему какой-то дурацкий чип не дает мне зайти в крутой магазин и купить модную сумку? И мой ребенок, он ведь не сможет посещать Диснейленд для детей сотрудников Управления Безопасностью, так? Это несправедливо!

Она почти забыла о том, что раньше отключала свой чип и ходила куда только пожелает. С тех пор как пропали Бланки, Таня сняла с руки и спрятала часы, которые отключали ее чип, в самый дальний угол кладовки: выбросить было жалко. Вдруг пригодятся, когда все утрясется.

– Танечка, не волнуйся, – миролюбиво зажурчала Нина, – твоему малышу я обязательно достану личное приглашение в наш Диснейленд.

– Понимаешь, милая, социальное неравенство необходимо. Это для того, чтобы у людей было куда стремиться, чем заниматься. Если всем дать все сразу, начнутся волнения, а потом и войны. Все просчитано искинами, поверь, – Женя пустился в пространные объяснения, говорил про необходимость социальных каст, про контроль потребления.

Однако Таня никак не могла успокоиться. Потому что опять вспомнила злополучных Бланков. Лучше бы она никогда с ними не встречалась!..

– Какой идиот программирует эти чипы? Почему старикам нельзя

покупать сервелат – у нас что, его не хватает? А потом вы используете их тела как удобрение, а они еще счастливы, что работают на вас! Была я на этом вашем проклятом Солнечном острове!

– Прекрати истерику! Это уже переходит все рамки. Евгений, займись женой, вызови врача. Нина, мы уходим. Сейчас, я сказал! – бледный Роберт стоял, возвышаясь над всеми, похоже, он даже протрезвел.

– Я никуда не пойду, – отчеканила Ниночка, – и ты тоже. Сядь! Забыл, как мой папа тебя из дерьма вытянул? Не смей мне приказывать, придурок, а то пожалеешь, что родился.

Таня, затихнув, смотрела на Нину с изумлением, она никогда не видела ее в такой ярости.

Роберт сел.

– Значит, это не искины, а твой отец... – Жек не договорил, а Нина подхватила: «Как же, искины! Да они его забраковали еще на первом курсе! Алкаш, гуляка, тупой как пробка. Его счастье, что мне понравился! Больно уж сексуальный был. Да и сейчас ничего.»

Она по-хозяйски потрепала Роба по голове.

– Принеси подруге горячего чаю, и поживее. Танечка, ты зря насчет искинов беспокоишься. Не они правят миром, кто бы им позволил!

Роб отправился на кухню и принялся там греметь. Женя попытался налить себе из пустой бутылки. У Нины зазвонил телефон, она отошла к окну, до Тани донесся ее беззаботный смех – наверное, звонил очередной ухажер. Таня почувствовала, что ужасно устала. Скорее бы все ушли и оставили бы ее в покое. Ребенок мягко повернулся внутри, она положила ладонь на живот. «Скоро ты появишься на свет,» – думала Таня, – «а остальное неважно. Мой человечек. Я подарю тебе волшебные часики... Никто не будет тобой управлять – ни искины, ни люди.

Настоящая свобода внутри, ее никто отнять не может...»

– Так даже лучше, – невпопад сказал Женя, обращаясь неизвестно к кому, – что искинов тоже контролируют. Ведь они созданы людьми, по сути, это инструменты, обладающие интеллектом. Человеческим интеллектом, заметьте! Конечно, они тоже могут ошибаться...

Хмурый Роб наконец принес ей чай – в любимой синей чашке, как он угадал? Таня отпила глоточек и продолжала размышлять: «Чип

вживляют младенцам сразу после рождения, так сказали в больнице, где будут проходить роды. Серж, конечно, не откажет ей в просьбе и прооперирует малыша. Но кто перепрограммирует сам чип? Надо попросить Жека. Ведь он учился у Аркадия Бланка.»

Накануне

– Видишь, Тая, вон они, наверху, мама левее, папа справа. Кажется, они на нас смотрят.

– Отсюда ничего не разобрать. Людей много, то есть квазилюдей... они все время движутся... что, от нас тоже останется только шарик с ниточками? И все?

– Глупышка, – Саул нежно обнял сестру за плечи, – ты прекрасно знаешь, что это никакие не шарики, а колония сверхмощного разума. Нейросеть, к которой мы скоро присоединимся. И у каждого из нас внизу останется свой Наблюдатель и свой Аккумулятор, верные помощники и друзья. Они обеспечат нам вечную счастливую жизнь, свободную от физиологии.

Рой выстроился сложным узором, напоминающим орнаменты на вязаной крючком скатерти. Скатерть некоторое время красиво перемещалась над ними, затем рассыпалась, подернулась рябью и набрала высоту. Возможно, супермозг посылал привет будущим новобранцам, а может, просто размышлял над очередной задачей.

Сегодня они в последний раз навещают родительских Наблюдателей, а завтра близнецам предстоит расщепление на три сущности.

Тая страшится, а Саул, наоборот, жаждет преобразования. Но сестру жалеет, хочет подбодрить, поэтому уверяет, что родители за ними наблюдают. В каком-то смысле он прав. Любой узел нейросети владеет всей информацией своих составляющих, скорость передачи импульса приближена к скорости света, так что вся эта мерцающая туча формально может считаться их семьей. Мама и папа расщепились несколько лет назад, и все воспоминания о детских годах близнецов, хранившиеся в памяти, уплыли в небо, стали достоянием остальных квази. Грустно? Наоборот, замечательно, считает Саул. Тая так не думает, но помалкивает, не хочет

раздражать брата.

Они спускались с городского холма, закат пылал фиолетовыми и оранжевыми сполохами. Солнце садилось в море; быстро темнело, водная гладь, теряя яркие краски, становилась темно-зеленой. До берега было уже рукой подать. Саул напевал песенку и при слове «ввысь» лихо размахивал авоськой с угощением для Аккумуляторов. Тая сама собрала с грядки самый лучший сладкий мох для своих любимцев. Конечно, Наблюдатели прекрасно кормят своих питомцев, но с домашней едой ничто не сравнится. Когда они с братом вознесутся, некому будет баловать собачек. Родственников у близнецов не осталось, все наверху, друзья тоже скоро к ним присоединятся. Человечество уходит ввысь, как красиво поется в этой песне.

Когда они подошли к берегу, солнце уже закатилось за горизонт. У моря по всей прибрежной полосе на мягком песке молча сидели, стояли и лежали Наблюдатели, устремив огромные глаза в небо. Рядом крутились Аккумуляторы, тихо повизгивая и виляя хвостами. Время от времени они подходили к своим Наблюдателям, лизали им руки, заряжая бесконечной любовью, а потом опять принимались за охоту на мелких рачков.

Почуввав близнецов, Барс и Марс радостно подбежали к ним и немедленно уткнулись носами в авоську. Унюхали вкусненькое.

– Завтра у вас появятся друзья. Наши с Таяй батарейки, – сказал Саул, потрепав собак по загривку. Те ничего не поняли, но согласно завиляли хвостами.

– И еще, – тихо сказа Тая, – мы больше не придем...

Они подошли к маминому и папиному Наблюдателям, подержали их за руки. Папа почти не изменился, а мама сильно постарела с тех пор, как отдала личность квазирою. Понятно, это не сами родители, а только их полупустые тела, но все равно смотреть на них тяжело. Наблюдатели бездумно пялятся в небо, не отвлекаясь ни на секунду, так уж они устроены. Они поддерживают телепатическую связь со своими извлеченными, парящими в небе разумами, и пока Наблюдатель жив и здоров, с квазиличностью тоже все будет в порядке. Физическая жизнь Наблюдателя не ограничена сроками: тела внешне старятся, но жизнеспособности не теряют, а запас прочности составляет примерно тысячу лет. За столетнюю

историю метаморфоз не произошло ни одного фатального случая, ну, а за тысячу лет ученые обязательно найдут новый способ продлить жизнь всем трем ипостасям человека.

Обратно шли молча. Потом Тая не выдержала и расплакалась.

– Вот видишь, – мягко сказал ей брат, – разве не надоело тебе мучиться этими слезами, смехом, страхом, остальными дурацкими эмоциями? Они только блокируют мозг, мешают размышлять. Завтра нас освободят от этого навсегда.

– Если эмоции так вредны, зачем их оставлять Наблюдателям? Какой в этом смысл?

Брат замялся. Он сам был не силен в этой области, однако попробовал объяснить.

– Понимаешь, человеческий мозг устроен так, что эмоции всегда служили стимулом, побуждали к действию. Этого изменить не удалось, так что после расщепления самый гениальный интеллект будет бездействовать, если его не подтолкнуть эмоционально. Кроме того, когда требуется коллективное усилие разумов, без чувства гармонии ничего не выйдет. Короче, за получением стимула и улучшением результата приходится время от времени подключаться к Наблюдателям. Те генерируют нужные эмоции, страдают, когда решение не дается, и радуются, когда все получается.

– То есть они мучаются за нас?! Почему ты никогда мне об этом не говорил?

– Ты не спрашивала...

Тая резко остановилась.

– Саул, я не пойду расщепляться. Это нечестно! Пусть лучше я останусь обычным человеком. Сам лети в свой коллективный разум, я остаюсь дома.

– Хватит пороть чушь! – рассердился Саул, – забыла, кто наши родители?! Не для того они всю жизнь работали над квазиинтеллектом, чтобы их дочь погрязла в средневековье и вымерла, как тупая чувствительная самка. Не позволю, даже не проси!

Ему самому стало неловко от этих слов. Сестру он нежно любил. Интересно, что он будет чувствовать завтра, после того как... ну конечно

же, ничего. Любовь остается на земле. Завтра вечером на берегу появится еще пара Наблюдателей в бывших телах близнецов, и к ним парочка веселых щенков Аккумуляторов. А в небе, в квазиоблаке, обретут свое место два молодых независимых блестящих ума. Свободный полет, творчество, гармоничное слияние с другими интеллектами. Как прекрасно и совершенно теперь устроен мир! Какое мудрое решение нашли ученые.

– Нас ждут великие дела, – мягко сказал он, – мы будем исследовать космос, звезды, вселенные, решать сложнейшие задачи вместе с коллегами, жить вечно! Отрешимся от всего телесного, никаких страданий, только счастье чистого разума. Неужели ты не рада?

– Я рада, что сегодня еще могу плакать, завтра все будет по-другому, – грустно сказала она, – а что касается счастья... так это тоже эмоция. Придется обходиться без него.

Оператор счастья

Ты опять за свое? Сколько раз повторять – я не знаю, как это работает. Ну и что, что я отвечаю за эту штуковину? Да, моя обязанность – обслуживать ее, вернее, обслуживать людей с ее помощью. С утра до вечера ко мне поступают самые разные просьбы. Я как оператор должен запрограммировать эти желания и ввести в Агрегат.

Если желание предметное – например, хочет человек надувную лодку, или новый компьютер, или кухонный комбайн, или модную сумочку – все получается легко. Программы для этого стандартные, заказ синтезируется, пакуется и отправляется по указанному адресу. Некоторым так не терпится получить свою новую игрушку, что они сами приезжают сюда и ждут, пока заказ будет готов и упакован. Хватают его и сами тащат домой! Умора, да и только.

Говоришь, кухонный комбайн или лодка – не игрушки, а нужные вещи? Позволь не согласиться! С тех пор как нашу Землю приняли в Галактическое Кольцо Счастья, все насущные потребности землян удовлетворяются моментально. Как же иначе? Ведь для нашей цивилизации, которой мы так гордимся, определили наш статус, как «подростково-агрессивный период», и поэтому «взрослые» продвинутые инопланетяне

установили над нами шефство. При этом сами держатся на расстоянии, в нашу жизнь не вмешиваются. Просто заваливают Землю благами. Жилье, еда, одежда – всего теперь в избытке, хватает каждому. Деньги стали не нужны, что с ними делать? Коллекционировать разве что. Балуют нас, заботятся, ждут, что мы вырастем и станем нормальными. Каких-то пару тысяч лет, и все образуется. Войдем в гуманный сознательный возраст и сможем сами заботиться о своей планете.

А пока что мы все поголовно стали приемными детьми, даже седобородые старцы. Впрочем, про старцев я для красного слова вкрутил. Со старением тоже расправились, как и с болезнями. Посмотри на меня – правда, больше сорока мне не дашь? Сколько мне на самом деле? Не скажу.

И чтобы нам не скучно было, расставили по городам сотни Агрегатов – развлекайтесь, дорогие, и не ссорьтесь из-за игрушек! Загадайте любое желание – и оно непременно сбудется. Упакуется и доставится. Только правильно его сформулируй, а то ничего не выйдет. Поэтому теперь в школах учат правильно желать, а в Институт Счастья, который я закончил, труднее всего поступить, желающих уйма. Кстати, студенты прозвали Агрегаты Золотыми шарами. Кто увлекался в детстве фантастикой, поймет. Шар пришельцы оставили, исполнял желания.

Так вот, о желаниях. Иногда я получаю такие запутанные запросы, что приходится долго соображать – чего этот тип на самом деле хотел? Иногда приходится приглашать их сюда, чтобы объяснили толком. Но твоё желание вполне конкретное – и самое дикое из всех, о которых я слышал.

Когда ты появилась здесь, я сразу почувствовал что-то неладное. Ты выделялась из толпы обычных посетителей и была похожа на взъерошенного воробья: маленькая, напряженная как струна, одетая в живописные лохмотья, ты все время оглядывалась, готовая пуститься наутек при первом признаке опасности. «Чего она боится?» – подумал я; ничего опасного тут нет и быть не может. Наверное, удрала от родителей и хочет поскорее заказать что-то не совсем подобающее, пока ее не засекали. И как она одета! Отстал я от моды, видно.

Дождавшись, пока все алчущие оформили заказы и удалились в

зал ожидания, ты бочком подобралась поближе и уставилась на меня немигающим взглядом.

– Девочка, чего тебе хочется? – решил я помочь.

– Мне нужна винтовка. Или пистолет. И еще бомба.

Пока я переваривал услышанное, ты порылась в своей хламиде, вытащила из кармана мятую бумажку и протянула мне.

– Тут написано.

В записке вкрявь и вкось неровным почерком были перечислены всевозможные виды оружия. Где ты только выкопала эти старинные названия? Хотя я и сдал на пятую степень по истории во время учебы в Институте Счастья, многое из написанного не понял. Например, что такое «базука» или «коктейль Молотова»?

– Девочка, разве ты не знаешь, что воплощать оружие запрещено? – строго спросил я, – ведь этому учат еще в первом классе. Скажи, твоя мама знает, где ты сейчас?

Вместо ответа ты разревелась.

Пришлось все бросить и заняться рыдающим ребенком. Я же оператор Счастья, положение обязывает. Увел из машинного зала в свой кабинет. Пусть пока Агрегат отдохнет. Вот сидим тут почти час уже. Пою чаем, утешаю... и слушаю твои несусветные бредни. Похоже, я первый, кому ты это рассказываешь. Иначе к тебе давно бы прикрепили Наставника из Центра психологического здоровья. Оказывается, оружие нужно, чтобы уничтожить все Агрегаты на Земле!.. Этот, понятно, будет разрушен первым. Как только он создаст все бомбы и винтовки. По списку.

Нет, просто в голове не уместается, как такая девочка... тебе уже шестнадцать, говоришь? Ладно, как такая юная девушка может быть террористкой? Зачем вообще разрушать, когда можно создавать! Вся жизнь впереди, милая. Хочешь, учишь, хочешь – работай. Путешествуй. Выйди замуж, нарожай детей. Чего ни захочешь, сбудется, в нашем мире каждому доступно все. Наслаждайся жизнью и будь счастлива!

Что? Ты не можешь, потому что человечество гибнет?! И ты должна его спасти??? Смешно.

Тут тебя как прорвало. Пришельцы нас захватили и контролируют, кричала ты. Своими подарками превратили нас в дебилов. Это чтобы мы

не развивались! Они же гуманные и вечные! Подождут. Мы сами вымрем от безделья, Земля им достанется.

– Ты не права, – возразил я, – люди, как и в старые времена, работают, учатся и вымирать не собираются. Вот твои родители, например, чем заняты?

– Они очень заняты, это да! Мама с утра до вечера наряжается и на вечеринки ездит. Папа возится со своими машинками – разбирает, собирает, полирует, потом друзьям хвастается. В рестораны ходят, толстые стали оба, мерзость! Потом списки желаний вместе составляют и опять все с начала!

– Зря ты так про родителей. Ведь они тебя любят и хотят тебе добра.

– На фига мне такое добро! Говорят, иди учись, детям положено в школу ходить. На курсы программистов еще запихнули недавно. Чтобы их бесконечные желания помогла им оформлять!

– Значит, ты моя будущая коллега? – попытался я перевести разговор в другое русло. – Кстати, интереснейшее дело, но можно и чем другим полезным заняться. Работать, например, где-нибудь.

– На работе все только вид делают, что работают. Зачем?! Все уже есть! Умненькие и богатенькие марсиане подарили. Не могу я тупо притворяться, как все, что занята делом.

– Ты можешь писать стихи. Или стать артисткой. Рисовать картины. Искусство еще никто не отменял, оно нужно людям!

Молчание и презрительная ухмылка.

– Ладно, тогда наука. Стань ученым, изобретай новое, исследуй мир.

– Ученые вымрут первыми! Им дали все готовенькое. Так и набросились на халяву. Зачем что-то самим изобретать? Все уже придумано на миллион лет вперед. А за ними все остальные погибнут от своей бесполезности. Тут и человечеству конец.

– Подумай сама, – попробовал я воззвать к логике, – зачем высококоразвитым цивилизациям наша Земля? Что, планет пустых не хватает?

Но она меня перебила.

– У тебя тоже мозги совсем скисли! Называешь себя оператором?

А вот скажи, из чего этот твой распрекрасный Шар все добро материализует? И на чем он работает, ведь к электричеству не подключен, верно? Я тут все осмотрела, пока в очереди ждала. Это секретное оружие марсиан! Он энергию качает из людей, вот что. И через черную дыру передает. Взрывать все это к черту!

Ну и хаос у девчонки в голове. И выражается, как сапожник. Впрочем, это опять старомодная метафора. Нет на Земле никаких сапожников. Сапоги берут из Агрегата.

Я уже говорил тебе, малышка, что не знаю, как это работает... Сколько можно реветь? Тише, тише, успокойся. Все будет хорошо. Но то, что задумала, лучше выбрось из головы! Во имя спасения человечества опять устроить хаос, голод и разруху? Это мы уже проходили. Хватит!

Погоди, ты тоже слышишь этот шум? Побудь тут немного одна, ладно? Мне надо проверить Золотой шар, все ли там в порядке. Чего ты вцепилась в меня, глупенькая? Здесь абсолютно безопасно, отпусти мою руку и подожди пару минут. Почему это мне не надо никуда ходить? Говоришь, там твои друзья и они еще не успели... Не успели чего?! Пусти, говорю!!! Так ты нарочно тут час сидишь и зубы мне заговариваешь, пока они там – что?..

Бум. Бабах.

Жан-Клод Паскаль

Красивая маска

Перевод Аллы Герценштейн. Первая публикация на русском языке.

В №№ 6–8 за 2022–23 гг. мы уже публиковали первую часть воспоминаний Ж.-К. Паскаля. По просьбам читателей мы продолжаем публикацию.

Часть вторая (окончание)

Иллюзии тоже умирают

Глава четырнадцатая

Мартин Кароль¹ стала известной европейской звездой после феноменального успеха «Дорогой Каролины». У нее большие планы на будущее. Очень скоро она намерена сниматься на студии «Гомон»² в продолжении фильма по роману Сесил Сен-Лорана. Она должна подписать контракт и не может избежать главной роли в «Капризе дорогой Каролины», которую она будет играть на съемках в июне-июле-августе на Лазурном берегу. Это первый цветной французский фильм. Громадная реклама и гарантированный запуск. Поэтому Ольга вот уже несколько недель пытается добиться для меня главной роли в этой дорогостоящей затее: танцовщика Ливио, он же знаменитый «каприз» не менее знаменитой Каролины.

Студия «Гомон» согласна на мое участие, но есть «загвоздка»: у Мартин Кароль свои идеи и скорей всего трудно будет их изменить. В том привилегированном статусе, в котором она находится, она может себе позволить указать на свои предпочтения в выборе будущих партнеров. Говорят, что она склоняется к тому, чтобы остановить свой выбор на Раймоне

---

¹ Мартин Кароль – (1920–1967) французская актриса. Начала карьеру в 1941, сыграла около 50 ролей в кино. До появления Брижитт Бардо – самая знаменитая и популярная звезда 50-х, секс-символ.

² «Гомон» – французская киностудия. Занимается кинопродукцией с 1890. Носит имя ее создателя Леона Гомона (1864–1946).

Пеллегрини в этой роли. Поэтому Ольга предлагает встречу с Мартин Кароль. Уже давно запланировано, что некоторое количество «звезд» отправится в Брюссель (опять!), чтобы присутствовать на большом ежегодном балу Министерства иностранных дел. Мартин Кароль согласилась участвовать в путешествии. В поезде, который мчится в Бельгию, не составит большого труда попытаться покорить Мартин Кароль. Она хороша невероятно. Более того, она очаровательная, веселая, живая, забавная, простая и естественная. Это она меня соблазняет. Не я ее очаровываю, я сам нахожусь в плену ее очарования.

Мы, десять актеров «в моде», участвуем в этом путешествии, в том числе Анук Эме со своим прекрасным греческим мужем Никосом Папатакисом.

Жан, ответственный за распределение мест в этом специальном вагоне-ресторане, сделал так, чтобы посадить нас обоих напротив Мартин за столиком на четверых. Симона Пари, чудесная рыжеволосая актриса, занимает четвертое место. Хотя Мартин чирикает и щебечет, как птичка, ее речь ясна. По всей видимости, она говорит то, что она желает сказать, даже если она хочет стереть часть утверждения, брошенного поспешно, прямо и с восхитительной гримасой, после которой вам страстно захочется ее поцеловать прямо в губы. В ее смехе, наполовину грудном, наполовину рассудочном, проглядывает сдержанная чувственность, которая провоцирует еще больше.

Волосы светлой блондинки, розовые скулы, кожа цвета камелии, костюм небесно-голубого цвета, ну просто английская конфета. Но в ней есть кисловатый привкус (как у леденца). Хитрая, она припудривает сахаром свои манеры. Глаза? Есть, где потеряться! Золотые! Радужная оболочка – чистое золото с расходящимися веером маленькими черточками цвета бронзы. Это глаза-хамелеоны. В зависимости от того, о чем она думает, они хотят, чтобы вы в это поверили и их отражение меняется. Это радуга нежная, лукавая, насмешливая, женственная.

Мартин – кошечка (не сиамская, не ангорская, не домашняя), это кошечка «король», новая порода, она одна – ее первая и единственная представительница. Мне кажется, она об этом знает. До сегодняшнего дня я встречал несколько редких пород в зоомире спектакля: – львицу (Эдвиг

Фейер), горноста́я (Рене Сен-Сир), газель (Анук Эме), но кошку... Мартин догадывается, что я ею восхищаюсь (женщины всегда это знают). Из всего этого я делаю вывод, что мне не нужно подчеркивать, что я испытываю при контакте с нею, – и я решил применить оружие, часто очень эффективное для женского пола – смех. Во время ланча и весь остаток пути я лезу вон из кожи, чтобы веселить застолье, рассказывая все, что мне приходит в голову. Видимо, у меня это получается неплохо.

Вечер гранд-гала проходит, как намечалось. Анук громко аплодируют, и это заслуженный успех. Она ненавидит появляться на публике – я это знаю – и часто над ней посмеиваюсь дружески и без свидетелей. Она никогда не знает, куда девать руки, и достаточно положить микрофон перед ней, как возникает впечатление, что она в ловушке и думает, как бы сбежать. Но в ней столько шарма, что можно все простить.

А потом революция! Объявляют Мартин Кароль. Как только она появляется в ослепительном платье (пастель), широкие юбки подметают пол, как покоренный зал взрывается. Это громовая овация, аплодисменты и крики восторга. Это проявление радости и экстаза длится несколько минут. Зал безумствует. Это сумасшествие! Мартин взволнована, она улыбается всему залу направо и налево, она на вершине блаженства. А зал, кажется, и не собирается прекратить аплодировать. Мартин не знает, как себя вести, – широко разводит руками в знак бессилия и продолжает улыбаться. Зал неистовствует. Понадобилось вмешательство важного дипломата, который присоединился к Мартин на подиуме, чтобы присутствующие, наконец, успокоились. Вечер продолжался в обстановке общего веселья. А мы, приглашенные, были разлучены и посажены за разные столики, чтобы «осчастливить» представителей дипкорпуса. Очень поздно ночью мы вернулись в отель.

Назавтра мы снова в поезде, где Жан опять рассаживает нас. Я с Анук и Никосом, он же садится за столик с Мартин. Мы с Анук вспоминаем, как мы веселились на съемках «Багряного занавеса». На Северном вокзале все расстаются. Целуемся, обнимаемся, поздравляем друг друга, улыбаемся, говорим «до скорого» и расходимся.

Я тороплюсь узнать о впечатлениях Жана и на что позитивное можно надеяться после этого десант-путешествия. После того, как я

вежливо проводил Мартин до ее дома, я встретился с Жаном только вечером за обедом в маленьком бистро вместе с Ольгой. Он пришел туда, опоздав на сорок пять минут, что ему не свойственно. Я сижу, как на горячих углях. У него усталый вид, но он слабо улыбается.

– Ну?

– Все... хорошо!

– Не более?

– Нет. Но все хорошо!

– Что она сказала?

– Вот это как раз то, что меня заботит. Она ничего не сказала.

– Как это ничего?

– Нет. Я пытался десять раз перевести разговор на тебя, но каждый раз она уходила от ответа.

– Это странно!

– Нет, это не все... Странность в том, что я не знаю, что она думает. У нее есть какая-то идея или их много в голове. Невозможно догадаться.

– Значит, она против?

– Я не знаю. Она говорит, что фильм начнут снимать только в июне, что распределение ролей еще не готово... и что она не хочет сказать что-то определенное, она увиливает. Я не мог больше настаивать.

– Прелестно! Значит, ничего неизвестно?

– Да. Она была под впечатлением того, как зал реагировал на твое появление на балу.

– Да, но это...

– Это очень важно! В зале было два представителя «Гомон-Бельгия», и я уверен, что они уже сообщили в Париж. Когда Ольга позвонит продюсеру завтра, мы узнаем больше... может быть...

Сюжет пока исчерпан, Жана занимают проекты репортажей на фестивале «Кнокке» в июле, у него масса идей. А я ковыряю в тарелке филе камбалы, которое идет с трудом. Моя реакция всегда одна и та же в подобных случаях. Что-то заклинивает, нервы завязываются узлом, у меня нет аппетита, и я изображаю все в темном свете... Я представляю катастрофу и делаю ее зловещей. Ожидание, сомнение делают меня физически и психологически больным. Жан и Ольга, которые меня хорошо знают,

опасаются оба из предосторожности говорить мне заранее о том, что они задумали. Они понимают, что я заболеваю по-настоящему без ответа (каким бы он ни был), касающегося проекта (любого). Я имею представление о своем недостатке, и я страдаю от этого. Я буду стараться впоследствии исправиться. Но мне это не удастся полностью. «Очень нервный этот парень», – подумаете вы. И будете правы.

«Каприз дорогой Каролины» начнет съемки на натуре на Лазурном берегу в начале июня. Вся реклама будет сконцентрирована на Мартин Кароль. Кроме Жака Декамина, он же генерал Саланш, за которого она вышла замуж в первом фильме «Дорогая Каролина», не позвали ни одного актера. Продюсеров, похоже, мало беспокоит «кто будет кого играть», настолько они заняты одной Мартин. «Более того, – говорит мне Ольга, – на роль, которая тебя интересует, они ищут танцора». О, да... ведь «каприз» Каролины это итальянский танцор (Ливио). Видя, как все это мило развивается... Я говорю себе, что все пропало (оптимист, как всегда!). Подумать только... я танцор... Ну, ну... Метр восемьдесят пять, худой, даже слишком, я не могу нагулять себе мышцы и икры, как у балетных. Об этом нет и речи. Танцор-жиряф, такого не бывает. Я оплакиваю свое преждевременное разочарование и начинаю видеть все в черном свете, как вдруг Ольга продолжает и говорит, что если сценарий принадлежит Сесилю Сен-Лорану, который очень предан Мартин, так как он надеется, что она согласится сниматься в третьем фильме – «Приключения Каролины» – адаптацию и диалоги будет писать Жан Ануй¹, который недоступен и взаперти в своем доме. Следовательно, мы не можем надеяться получить какую-либо поддержку со стороны авторов, которым, скажем походя, абсолютно наплевать на распределение ролей. И все же... После завтра Ольга просит меня прийти. Она победила! Я начинаю сниматься с Мартин Кароль в Ментоне 14 июня. Я хочу заорать от радости и броситься Ольге на шею. Она останавливает меня жестом.

– Подожди, это еще не все. «Каприз» – танцор. Ты не забыл?

---

¹ Жан Ануй – (1910–1987) – французский драматург и сценарист. Начал писать в 1931. Успех пришел в 1937, пьеса «Пассажир без багажа». Огромный резонанс получила его пьеса «Антигона», 1943. Международная популярность пришла после Второй мировой войны.

Нужно, чтобы ты танцевал... нет... у тебя будет дублер в большом балете. Но режиссер Жан Девевр¹ настаивает, чтобы ты танцевал в сценах крупного и среднего плана. Он решил, чтобы ты посещал каждый день Гранд Опера репетировать танцы с Мишелем Рено. После чего ты пойдешь снимать свои сцены в фильме Ива Сиампи «Самый счастливый из людей».

Да, действительно, программа будет слегка перегружена, но я настаиваю, что это я «самый счастливый из людей».

– Есть одна вещь, которая не дает мне покоя, но я не знаю, как ее избежать. Я не хочу подписывать контракт, пока мы не договоримся оба. Послушай, студия «Гомон» требует выбора... ты знаешь, о чем я... и ты помнишь контракт на «Суд Божий». Ты не будешь сниматься в «Капризе», пока не согласишься предоставить студии абсолютный приоритет на три последующих года. Они считают, что для тебя это огромный шанс получить эту роль. Они надеются – впрочем, не зря – что у фильма будет невероятный успех. Они собираются принять все предосторожности. Они хотят в тебя вложиться, при условии получить свою выгоду при выходе фильма на экран. Это честная игра. Ну, что ты думаешь?

Я думаю только об одном: сниматься! Что бы вы сделали на моем месте?

Взвесив все за и против – недолго – я вышел от Ольги с двумя сценариями под мышкой и на седьмом небе. Если бы я себя не сдерживал, я бы пустился в пляс прямо на тротуаре.

Ольга уточнила, что репетиции «Дамы с камелиями» начнутся в конце августа или в начале сентября. Премьера в театре Сары Бернар предусмотрена на 30 сентября. Мне нужно отпустить бороду, когда я закончу съемки «Каприза», и стать блондином. Эдвиж Фёйер настаивает (я не очень, но у меня нет выхода).

Наверху дворца Гарнье, под самой крышей, в репетиционном зале, я смотрю с недоумением в громадное настенное зеркало. Я вижу неуклюжего дылду, который двигается не грациозно, напрасно пытаюсь перемещать свое тело в ритме мелодии, которая раздается из магнитофона. У

---

¹ Жан Девевр – (1912–2004) – режиссер, сценарист, продюсер. Снял 15 полнометражных и 40 короткометражных фильмов.

Мишеля Рено ангельское терпение. Он заставляет меня повторять еще и еще все па моего танца. Когда ноги двигаются правильно, руки им не подчиняются и наоборот. Начинаю снова. В зеркале у меня вид двигающегося паука. У меня ноги, как у страуса, и когда я двигаю руками, они похожи на крылья ветряной мельницы. Мой торс неподвижен, как вкопанный, а моя голова кажется посаженной на швабру (не игра слов). Я концентрируюсь, я делаю все, что могу, но результат плачевный. Можно сказать, что сумасшедший управляет марионеткой каким-то странным образом.

Результат наводит на мысль о карикатуре. Кроме того, это утомительно. Я быстро задыхаюсь в этой игре! Мне чертовски трудно дышать (ритмично или нет). Проходят дни, и становится все более очевидно, что у меня нет ни малейшего шанса стать Нижинским. И все же, Мишель Рено, улыбающийся и любезный, выражает прекрасный оптимизм. Как хорошо говорить убедительно! Я же совсем не уверен. Когда Жан Девевр увидит на площадке, до какой степени я смешон... Я уже слышу раскаты всеобщего хохота технической команды! Алло, репетируем? Мишель Рено очень смел. Он пытается и мне это внушить. Репетируем!

16 июня 1952 в девять утра жарко в Ментоне. Роберт Сюсфельд встречает меня на вокзале, как договорились. Нет, нет времени захватить в отель, меня уже ждут на макияж. Нужно, чтобы я был готов через час, загримирован, причесан, одет и... в седле! Мне показывают номера планов, которые предполагают снять. Я вижу, что это сцены без слов для двух персонажей: Мартин и меня. Таким образом, нет больших трудностей в перспективе на этот день. Нет, есть одна... мои волосы! Ливлио – итальянский танцор XVIII века и у меня есть желание придать «физиономию» этому персонажу. Речь не идет о том, чтобы оставить «современную стрижку». После макияжа я прошу Югетт Лялорет (главный парикмахер), с которой я уже встречался, не может ли она завить мои волосы щипцами. Она соглашается. Нас двое сообщников в этой конспирации. Режиссер Жан Девевр, которого я приветствовал сразу после подписания контракта, не в курсе насчет сюрприза, который его ожидает. Мы потеряли полчаса, но прическа готова, благодаря ловкости рук мадемуазель Лялорет. Я вижу в зеркале голову, которая немного больше похожа на итальянского танцовщика 150 лет тому назад, чем на того, кто вышел из вагона совсем недавно.

Это, по крайней мере, то, что я думаю. Курчавый, как черный барашек, а на голове у меня как будто каракулевая шапочка. Это делает голову совершенно круглой формы и абсолютно изменяет физиономию. Ну, наконец-то! У меня нет времени поблагодарить парикмахера.

Робер Сюсфельд появляется в зале для макияжа: «Вас ждут!» Прибегаю на место съемки – большой сад прекрасной виллы на берегу моря – и мне едва хватает нескольких минут, чтобы поприветствовать техническую группу, как режиссер, быстро на меня посмотрев (волосы спасены), приказывает сесть на лошадь, которая меня ждет, удерживаемая конюхом. Как только я верхом, Жан Девевр рассказывает, чего он ждет от меня: я должен пуститься в галоп из-за кустов, вон туда налево и доскакать до парадных ступеней дома. Там, соскочив с лошади и оставив ее, я быстро поднимаюсь по ступенькам и исчезаю внутри. Повторяют задание, снимают, снято: следующий эпизод!

Пока техническая группа занята, я спрашиваю, где Мартин. Она в доме, отдыхает в тени. За окном полдень, и солнце сильно печет.

Я не видел Мартин с тех пор, как мы вернулись из Брюсселя. Новая встреча важна: какой она будет – горячей, теплой, холодной – я пока не знаю, чего мне ожидать. В течение восьми или девяти недель мы должны обожать друг друга перед кинокамерами. Я не настаиваю, что будет то же самое в перерывах между съемками, но мне бы хотелось...

Все разрешилось само собой. Мартин бросилась ко мне в объятия. Она мне очень рада. Улыбается, щебечет, веселая, она делает мне комплименты по поводу моего общего вида и в особенности моей прически. Я счастлив и перевожу дух (полегчало). Я сразу расслабляюсь. Я чувствую, что большой поток симпатии пробежал между нами. Все к лучшему. Нас ищут. Мы снимаем наш первый план вместе. Это нетрудно: выйдя из дома, мы бежим и прячемся за кустами. За полчаса план снят. Перерыв на ланч. Мартин, которой жарко, совсем не голодна. Она возвращается в укрытие с эскадронам парикмахеров, гримеров, костюмеров.

Я иду встретиться с Жаном Девевром, который, сидя в персональном кресле, жует свой сэндвич и пьет пиво. Между двумя укусами, он просит принести стул для меня. Я сажусь. Жан Девевр – бывший кавалерийский офицер. Это чувствуется сразу. Он знает, чего он хочет и не

колеблется об этом сказать голосом командира. Впрочем, его слушаются. Ему сорок, короткая стрижка, волосы седые и жесткие, нос красивой формы, усики с проседью, взгляд насмешливый. Он жизнерадостный на вид, когда ему не нужно демонстрировать свой авторитет.

Два часа дня. Нужно возвращаться к работе. Термометр показывает +35 °С. Мы снимаемся до 6:00. План работы соблюдается. Нам раздают листочки с расписанием на следующую съемку, и все расходится: «Пока, пока, до понедельника!» Мартин Кароль сняла виллу, чтобы быть в тишине и покое. У меня прекрасная комната в самом лучшем отеле в Ментоне. Окна выходят в цветущий сад. Я провожу время у себя, изучая сценарий и план работы. Желания быть прилежным почти нет: так жарко снаружи, что люди заперты у себя дома или купаются

Наконец наступает вечер и приносит немного прохлады.

Я обедаю с приятелем Антуаном в маленьком ресторанчике в порту Ментоны. Ледяное вино розе располагает к хорошему настроению, мы много смеемся, рассказывая друг другу всякие разности. Стрелки часов двигаются, спать не хочется. В субботний вечер в Ментоне есть только одно место, где можно попытаться развлечься – казино. И мы поехали. У Антуана тачка. Два парня 25 лет в прекрасном настроении на борту спортивного кабриолета в июне на Лазурном берегу. Ночь хороша, тепло. Завтра воскресенье, я не работаю, мы готовы на разные безумства, вкусно поели и выпили.

Сильно пропотев в ночном клубе казино, там было жарко, как в печке, мы решили уйти. Куда идем? А если пойти играть? А почему бы нет? Купив два билета на право входа в игорный зал, я говорю Антуану доверительно, но полностью блефуя: «Ты знаешь, это удивительно, когда я начинаю играть, достаточно, чтобы я задумал цифру, и она выигрывает. Ты сам увидишь.»

Мы проникаем в зал и направляемся к одному из столов, где играют в рулетку. Я слышу, как крупье произносит ритуальные слова: «Делайте ваши ставки, господа!» Изображая мага и волшебника, чтобы впечатлить Антуана, я закрываю глаза рукой, изображая мимикой того, кто концентрируется и говорю ему тихо: «Это 21!» Я устремляюсь к столу, встречаю глаза крупье и кладу ассигнацию (довольно крупную) в клетку,

возглашая громко: «21!»

– Ставки сделаны! Ставок больше нет!

Я закрываю глаза, как будто в трансе, и не знаю на самом деле, не полный ли я дурак, изображая трюк провидца. Голос крупье меня отрезвляет. Антуан поражен. А я нет. Номер 21 выиграл. Крупье придвигает целую кучу фишек в моем направлении: номер выиграл 36 раз! Антуан и я садимся за стол. И я играю: я ставлю на красное, на черное, на zero и иногда на 7 и на кратное семи. В течение часа я не перестаю выигрывать. Достаточно, чтобы я сделал ставку, чтобы она выиграла.

– Ну, все! Всем спасибо! Спасибо персоналу!

И правда, потребовалась помощь, чтобы унести все фишки в кассу. Цифра выигрыша была настолько крупная, что директор, сначала поздравив меня (с немного вымученной улыбкой), любезно предложил положить деньги в кофр казино для большей безопасности. Конечно, я согласился и получил расписку. Это было проще и безопаснее, чем разгуливать с подобной суммой ночью. Директор проводил нас до самого выхода. Он пожелал нам спокойной ночи и спросил любезно: «До завтра?» Я ему ответил, что огорчу его, но твердо решил не испытывать судьбу второй раз в этом казино. Он увидит меня, конечно, когда закончатся наши съемки в Ментоне. Тогда я приеду за деньгами. «Доброй ночи, господин директор!»

После того, как мы опустошили последний стакан в баре отеля, странным образом открытого, Антуан не поверил мне, когда я рассказал ему, что никакой я ни маг и что я не знаю никакого «трюка». Он пошел спать, качая головой, он не поверил мне. Он никогда еще такого не видел. Честно говоря, я тоже. Я был очень доволен. Я подсчитывал, прежде чем заснуть. Этого небольшого состояния хватит с лихвой, чтобы отремонтировать мой деревенский дом.

Как было «здорово» сниматься в первом французском цветном фильме! Корпоративные журналы говорили об этом каждую неделю. Национальные ежедневные газеты рассказывали почти без перерыва, подкрепляя это фотографиями. Что же касается региональной газеты «Утренняя Ницца» в ту эпоху, она посвящала каждый день целую страницу и почти отчет о проделанной работе. Это приятная сторона вещей. Мы с Кароль знали оборотную сторону медали. Должен признаться, что было не

очень славно проживать каждый день. И вот почему.

Андре Тома – главный оператор – его главная задача была нас освещать. Пленка тогда не была такой чувствительной, как теперь, и вся команда «осветителей» несмотря на то, что это были отличные специалисты, двигалась немного на ощупь. Чтобы не рисковать, нас заливали светом, и выбирали преимущественно дневные часы, когда солнце раскалено. Ночные сцены снимали тоже среди дня.

В результате лаборатория «печатала» пленку и предлагала режиссеру и главному оператору разные «отпечатки» более или менее светлые, более или менее контрастные. После чего эти меcье отбирали между слишком темным и слишком светлым вариантом. Было несколько ошибок, вполне простительных поначалу, и это обязывало нас снимать вновь некоторые сцены. Именно поэтому мы начали с «проходных» сцен, менее дорогих, если придется их переснимать. Так как Мартин и я были главными персонажами этой истории, Жан Девевр часто нас просил играть близкие планы – когда верхняя часть тела двух главных героев снималась бы в одном кадре. Поэтому надо было освещать наши лица, и вот тут-то и начиналась мука.

Заняв определенное положение (в 20 см) друг от друга, мы повторяли текст сцены сначала бесстрастно, затем мы репетировали, добавив тон, проговаривали текст, подчеркивая в нем намерения, которые мы предлагали нашим персонажам. После каждой репетиции Ж. Девевр нас поправлял и давал свои собственные указания. До этих пор это была рутинная работа. Все актеры ее делают. После того, как режиссер увидел и услышал то, на что он рассчитывал, он возглашал: «Снимаем!» Вот тут-то и начинались страдания.

Не уверен, что вы знаете, что такое «дуга». Это самый мощный прожектор (на углях). Примерно 1 м 50 см в диаметре, он распространяет труднопереносимую жару и ослепляет вас полностью. Если, к несчастью, включают эту «дугу», вы просто рискуете ослепнуть, настолько сильный свет. Естественно, нас предупреждали, прежде чем включать. Когда все было готово, раздавались ритуальные возгласы: «Мотор! Снимаем! Начали!» Тогда мы принимаемся играть нашу сцену. Первый и второй эпизод проходят нормально (если нет технических сбоев), а потом все

нарушается. Во-первых, жара. Дуга расположена в двух метрах от нас, прибавьте солнце. Лицо покрывается потом. Грим начинает тускнеть и плавиться. Во-вторых, слезы. Поверьте, какое-то время, несмотря на наши усилия, нам с Мартин не удавалось открыть глаза. А когда их открываешь, они наполняются слезами.

И если трогательно видеть на экране двух романтических влюбленных, которые признаются во взаимных чувствах плача, трудно потом актеру, каким бы талантливым он не был, объявить даме, что он ее хочет с лицом, перекошенным от боли и с глазами, полными слез, которые он силится сдерживать (с успехом или без), заверяя ее страстно с таким выражением лица, которое отрицает это абсолютно. Здесь не только впадаешь в комическое, но и смех при демонстрации картины вам обеспечен заранее. Мартин со своей стороны была полностью неспособна, и по тем же причинам, играть сомневающуюся кокетку. Она смотрела на меня, слушала мой текст с лицом несчастного существа, которого ведут на эшафот... и который плачет.

Тогда делали перерыв. Гасили дугу. Поправляли грим. Приносили питье – горячий чай чаще всего. Отдышавшись, принимались за мизансцену, которая раздражала и нервировала. А затем... повторяли вновь и вновь, пока Ж. Девевр, который считал, что мы могли бы выдержать еще, объявлял свое одобрение, и мы переходили к следующему эпизоду. О, как непросто было «делать цветное кино» в это время! Может быть, из-за трудностей, которые мы преодолевали вместе ежедневно, мы сблизилась с Мартин. Между нами с самого первого дня установилась самая глубокая симпатия. А теперь, когда мы заканчивали съемки на натуре, к этому прибавилось еще что-то более крепкое: дружба.

Однажды, когда съемка шла к концу, Мартин сказала мне: «Послушай... Я бы хотела обсудить в тишине сцену, которую мы будем снимать завтра. Есть что-то, что не вяжется в тексте. Так как Девевра это не волнует (она его не жаловала), мы сможем исправить все до репетиции. Так мы выиграем время.» Мы договорились встретиться за обедом в тот же вечер, наедине... и с текстом. Я одолжил у Антуана Флери его прекрасный лимузин и повез прелестную Мартин Кароль в рыбацкое бистро в порту Ментоны (всегда лучше спрятаться, чтобы побыть в покое). Дыня,

жареные сардины, ледяное вино. Обед проходит мило, Мартин в хорошем настроении, расслаблена, относительно прохладно, кухня превосходная, вино восхитительное.

После обеда мы работаем над текстом и замечаем (может быть, плохая печать?), что если переставить четыре или пять реплик, сцена будет абсолютно «играема». Мы в этом уверены. Нам хорошо, еще нет и десяти, и Мартин не хочет спать. На обратной дороге, прежде чем доставить ее на виллу, я предлагаю сделать крюк через казино. Я ей объясняю, что мне там надо кое-что забрать, и рассказываю, смеясь, о вечере с Антуаном, когда удача меня не покидала. Она веселится и поздравляет меня.

Приход Мартин в казино не остается незамеченным. Директор предупрежден и торопится нам навстречу. Он знает, конечно, почему я здесь, и предлагает мне забрать то, что мне принадлежит. Мартин выражает желание зайти в игорный зал («на пять минут»). Мы обходим столы, смотрим туда, сюда, на игроков, на крупье и зеленую обивку игорных полей. К несчастью, как раз перед нами месье встает и уходит от рулетки. Мартин спешит занять вакантное место и начинает играть.

Она проигрывает немного... и еще немного. Справа от нее уходит дама. Я сажусь на ее место. У Мартин больше ни су. Я даю ей немного денег, которые она тут же проигрывает. Я ей говорю, что она играет плохо, и сажусь играть. Сначала выигрываю, а потом начинаю проигрывать. После всех этих неудач, мой бумажник худеет. Он пуст. Директор казино приносит мне мои фишки, и мы продолжаем игру. «Один раз я выигрываю, три раза проигрываю». В таком ритме идет игра, когда директор с соответствующим выражением лица и жестом дает мне понять, что у меня больше ничего нет.

Как избалованный ребенок, я прошу некий кредит. После минуты колебания он исполняет. Он приносит мне фишки на соответствующую крупную сумму. Не буду вас томить. Через четверть часа я вижу, как тает и исчезает значительная часть моего гонорара за фильм. Еще нет двенадцати, когда я привожу Мартин к ее двери. Обнимаемся: «До завтра!» (без комментариев).

Я плохо спал в эту ночь, расстроенный и злой на самого себя

оттого, что поддался глупому и тщеславному соблазну «сыграть» набоба¹ в глазах хорошенькой женщины. «Прощайте! Не только телятки, коровки и свинки²», но и старая черепица на крыше, дубовые балки, каменные камни и старинная плитка... Ремонт моего деревенского дома будет решительно отодвинут, и у меня возникнут проблемы вовремя заплатить мои высокие, очень высокие налоги!

Этот неудачный опыт послужил мне уроком, по крайней мере, никогда больше после этого вечера я не играл в рулетку. Я думаю, что буду придерживаться этого правила до конца моих дней.

Глава пятнадцатая

Съемки «Каприза дорогой Каролины» заканчиваются на студии Булонь. Съёмочная группа намерена «расколоться», каждый продолжит свою работу в другом фильме. Все готовы к расставанию. Расстаемся. Даем обещания перезваниваться, встречаться, не пропадать надолго. Все искренни, но этого не случится и не по нашей вине. Когда работаешь восемь или девять недель с одними и теми же людьми, завязываются симпатии и антипатии. Иногда возникает дружба. Но даже настоящая глубокая дружба будет эфемерна. Каждый отправится параллельно в подобную авантюру и будет обязан «сочетаться браком» с новой съёмочной группой. Несмотря на желание, которое он может испытывать, он не сумеет общаться в данный момент с теми, кого он так полюбил. У него не будет времени. Привлеченный и удерживаемый новыми симпатиями, он будет заставлять себя, хочешь не хочешь, пожертвовать теми вчерашними во имя других. Это довольно печально, но это так, и никто не может здесь ничем помочь.

Моя борода растет. Репетиции в театре Сары Бернар с Эдвиж Фэйер должны начаться со дня на день. Я вновь погружаюсь в мои пять

---

¹ Набоб – нарицательное название быстро разбогатевшего человека, выскочки, ведущего праздный образ жизни.

² Жан де Лафонтен – (1621–1695) – французский баснописец. Это строка из его басни «Перретта и горшок с молоком», который она разбила, идя на базар. Мораль – не торопитесь принимать ваши мечты за действительность.

актов, и моя верная память меня не подводит. Я помню все прекрасно, в том числе все мизансцены.

В этот момент я узнаю новость, которая меня оглушает. Сначала я не хочу в это поверить. Наконец, убедившись, что это так, я кричу об измене (это образ). Александр Астрюк закончил монтаж «Багряного занавеса». Он очень доволен, кажется, а я просто потрясен! На фоне изображения, снятого Шюфтаном, главный персонаж рассказывает историю. Это комментарий главного героя от первого лица. Так вот, режиссер решил, что Ив Фюре из «Комеди Франсез» будет озвучивать моего персонажа. Александр (который избегает меня по телефону), ответил Ольге, что, по его мнению, у меня недостаточно красивый голос. Звучит комично для будущего «дежурного соловья»¹. Но в тот момент, прошу поверить, я был вне себя! Делать нечего, к сожалению. У режиссера почти все права. И у А. Астрюка не абсолютный слух.

В двадцатых числах сентября мы начинаем серьезно суетиться вокруг «Дамы с камелиями». Через десять дней поднимется занавес над этой большой парижской репризой. Директор Надин Фарель очень довольна. Было объявлено, что Эдвиж Фёйер сыграет «Даму» в пятидесяти исключительных спектаклях. И публика поспешила заказать билеты. Мы уверены, что будем играть при полном зале две недели, а предварительные заказы все прибывают.

Ну вот, я снова блондин (в том числе борода) и готов появиться при свете ramпы в Париже. Для Эдвиж партия выиграна заранее. Для меня это совсем другое дело. Я должен все подтвердить, меня ждут... Нет, насколько я знаю, нет никакого предубеждения на мой счет. Просто людям интересно. Им любопытно увидеть во плоти этого парня 25 лет, о котором они много читали в газетах (излишне много, по-моему), и они могли видеть его в кино в трех или четырех творениях. Они знают, что все время выходят фильмы с моим участием. Но только сцена театра Сары Бернар –

---

¹ Жан-Клод Паскаль дебютирует как певец в 1955 с песней Ш. Азнавура. Его первый сольный концерт проходит в Бобино в 1961. В том же году он получает первую премию в Каннах на конкурсе Евровидения. В 1962 – премия Академии Шарля Кро («Гран-при дю диск»). Он записывает множество альбомов (53). Последний выходит в 1983.

это «не кино». Нужно «платить наличными». Актер полностью неизвестный рисковал бы меньше. Допустим, Париж его бы «открыл» и, может быть, «усыновил». Плохо, если бы Париж его не принял и забыл, наверное (скорее всего). Но это не мой случай. Было столько шума вокруг меня, что люди хотят судить сами, заслуживаю ли я этого. Я нахожу, что это справедливо, но это не мешает хладнокровно осознавать позицию, в которой находишься.

Я не боюсь, но осознаю риск. Я уверен в себе, но опасаясь. И потому, «взяв себя в руки», я решил выиграть партию. Я собираюсь показать всем, что я чего-то стою, что я все-таки достоин внимания. Чтобы оставаться в этом состоянии духа, я говорю себе, что я самый большой, самый красивый, я лучший! Я занимаюсь самовнушением, чтобы придать себе эту уверенность. Я это чувствую, мне это необходимо, чтобы выйти на сцену и сыграть мою роль и, если возможно, (– О! тщеславие!) – покорить Париж.

Так как весь он будет здесь. Это те, кто создает и разрушает репутации. А все мы: Эдвиж, Ольга, Надин Фарель, Жан и я, – все это понимаем. Если мы об этом не говорим, то это по негласному договору, избегая слова «страх». В те времена, да и в эти тоже, партия игралась в два раунда, если можно так сказать. Была «генеральная», куда приглашались люди театра: – журналисты и критики – пишущая пресса, то есть те, кто пишет и печатает свои впечатления. А вечером назавтра назначалась гранд-гала, премьеры! Были приглашены все, кто считался важным в Париже, то есть те, кто говорит между собой и по телефону, чтобы обменяться мнениями: говорящая пресса. Оба зала были опасны друг для друга. Надо было «выиграть» в каждом два раза подряд. Сейчас владельцы залов предложили «комбинацию», которая имеет двойное преимущество – избежать риска и похвальную схему, которая успокаивает актеров, так как представители обоих кланов приглашены и придут увидеть пьесу в удобное для них время и не обязательно в один и тот же вечер. Но в сентябре 1952 до этого еще не додумались.

Вчера вечером был закрытый прогон «для пап и мам». Это представление дается для узкого и избранного круга. Только специалисты и близкие друзья имеют право здесь присутствовать. И те, и другие будут

иметь привилегию (опасную) и долг (дружеский) делать незаметно свои замечания после спектакля. Они будут критиковать ту или иную мизансцену, тот или иной жест, интонацию. (Вообще слушают все, а запоминают только то, что хотят).

Я спускаюсь по узкой железной лестнице, которая отделяет меня от сцены. Я не последний. Все здесь до поднятия занавеса первого акта. Нет только Эдвиж. Вот и она. Наши глаза пересекаются, я бы сказал, сталкиваются. Это ее способ придать мне храбрости, если ее не хватает. Я выдерживаю ее взгляд: это ответ. Ни она, ни я и не думаем улыбаться, это великий вечер для меня.

Все готово? Да. Можно начинать, мадам? Я слышу, как в тумане, три удара. Режиссер включает музыку. Занавес поднимается. Пьеса начинается.

Выход Эдвиж. Три минуты оваций. Проходит немного времени. Я слушаю, я чувствую, что режиссер выжидает. Кивком головы я даю ему понять, что я внимателен и не пропущу свой выход. И вот этот момент наступает!

То, что я вам сейчас скажу, может сойти за претенциозность, и это будет неточно. Я не из тех, кто принимает себя слишком серьезно: жизнь так коротка. Я вышел на сцену. Я не ждал аплодисментов, но не ждал и того, что произошло: было впечатление, что зал застыл. Наступила ошущимая тишина, как если бы каждый в зале затаил дыхание. Я был глубоко потрясен таким приемом, который, нельзя сказать, чтобы был холодным, но выражал некое удивление, касающееся моих физических данных, за которые я не отвечал, но которых, очевидно, не ожидали. Поэтому в этот вечер у меня заняло немного больше времени, чтобы произнести мою первую реплику. Зал вздохнул, а Эдвиж, как мне показалось, расслабилась.

Мы играем наш спектакль вот уже две недели, и два спектакля по воскресеньям, что утомительно. Эдвиж особенно устает. Залы полны энтузиазма, и предварительная продажа билетов это все более подтверждает. Директор театра, Эдвиж и Ольга спрашивают себя, не стоит ли продержаться до рождественских праздников. Я же не желаю ничего лучшего. Если судить по тому, что говорят и пишут, я сдал успешно мой

вступительный экзамен. Насколько я понял, Париж меня принял как актера полностью. И это очень важно.

Я не буду вам рассказывать о хвалебной критике, дифирамбах, теплых или сдержанных. Я чего только не читал по моему поводу. Некоторые труженики пера честно пытаются быть объективными. Я предпочитаю их, а не тех, которые предвзято преувеличивают одну или другую сторону. Конечно, весьма лестно, когда тебя награждают самыми высокими превосходными степенями. Но здесь, как и во всех формах преувеличения, есть что-то, что звучит фальшиво. То же самое происходит, когда доводят критику до предела, и вы читаете отчет о провале, написанный «подрядчиком разрушения», который стремится недобросовестно показать, что вы ничего не стоите. И первый, и второй преувеличивают, и поэтому их статьи теряют всякое доверие. Я же, который считал себя центром внимания уходящего сезона, вдруг с совершенно новой ясностью осознал ненадежность и вес некоторых суждений. Добросовестно и без лишней гордости, я находился в центре этих противоречий. Я считал некоторые комплименты заслуженными, а некоторую критику обоснованной. Мне оставалось лишь совершенствовать качество и избавляться от недостатков.

А тем временем произошла катастрофа. Утром мне звонит Ольга, немного нервничая. Только что с ней связался менеджер «Каприза дорогой Каролины». Дело в том (кто виноват, никогда не узнаешь), что лента будет непонятна, если туда не добавить короткую сцену между Мартин Кароль и мной. О, это пустяк, шесть реплик, которые мы снимем в специально построенной декорации. Нам нужно три-четыре часа на все про все. Здесь нет проблемы.

Играя каждый день Армана Дюваля с бородой и блондином, я совсем не похож на Ливио, итальянского танцора «Каприза» с черными курчавыми волосами и без бороды. Конечно, легко сделать парик брюнета с завитыми волосами... но борода? Ее придется сбрить! Но тогда... Арман Дюваль безбородый? Эдвиг это совсем не понравится. Ольга это знает прекрасно, и это ее беспокоит. По зрелом размышлении, так как выхода нет, надо заказать парик брюнета для Ливио и накладную светлую бороду для Армана. Эта ситуация меня не веселит, но я не вижу способа сделать иначе. Меры для двух «аксессуаров» были приняты и реализованы. В одно

прекрасное утро я сбрил бороду: светлые волосы и отсутствие бороды, в зеркале мне лет 18, не больше!

Я снимаюсь с Мартин на студии Булонь. Мы еще не знаем даже, что мы будем делать. Эта маленькая «поправка» проходит вполне хорошо. В рыбацкой хижине я жду Мартин. Она входит. Обмениваемся двумя, тремя репликами, а потом я уйду. Мартин остается одна. В пять часов все закончено. Я целую Мартин, прощаюсь с Жаном Девевром и тороплюсь в театр.

Накладная борода здесь, на столе, в моей ложе. Я хочу ее попробовать сразу же. Так как у меня нет этой привычки, я повсюду распространяю клей, там, где он не нужен. Через полчаса я порчу все, к чему притрагиваюсь, и, естественно, борода не держится. В панике я звоню Ольге и рассказываю ей, в какую галошу я сел. Что делать? Она меня уговаривает и успокаивает как может. Она пришлет мне постижера¹, который все устроит за пять минут. Я соглашаюсь (вашими бы устами, да мед пить). Я не осмеливаюсь показаться в кулисах театра, где еще никого нет. Я не хочу, чтобы меня кто-нибудь заметил. Ведь Эдвиж еще ничего не знает, и ей сразу же доложат.

В половине восьмого появляется специалист. Я же мечусь, как тигр в клетке, и нервничаю, можете себе представить как. У эксперта занимает полчаса, чтобы поправить ущерб и придать бороде достойный вид. Он посвящает еще полчаса тому, чтобы приклеить эту бороду к подбородку, к щекам и верхней губе. Он уходит в половине девятого. Занавес поднимется через двадцать пять минут.

Когда я вышел на сцену, Эдвиж сразу ничего не заметила. Это пришло потом, постепенно. Моя необычная артикуляция привлекла ее внимание сначала. Я так боялся, что борода отклеится, что я едва открывал рот. Я бурчал. Как только я подошел близко к ней, чтобы обменяться более интимными репликами, она мгновенно все поняла! Ее глаза больше не выражали любовь, это были два буравчика. Я вам не советую встретиться взглядом с Эдвиж в ярости: от этого хочется провалиться сквозь землю!

---

¹ Постижер – специалист по изготовлению париков, накладных бород, усов, бакенбард из натуральных и искусственных волос.

Пьеса продолжалась, но очевидно, что я был намного менее ласков, чем обычно во время нежных объятий. Я так боялся увидеть мою бороду или усы приклеенными к ее волосам или к ее платью, что держался, насколько возможно, подальше. Из зала я, скорее всего, производил впечатление фригидного любовника. Но это было лучше, во всяком случае, чем рисковать взрывами хохота присутствующих, когда Арман Дюваль теряет свою бороду... Мы никогда не смогли бы закончить представление этой романтической драмы. Мы рисковали бы быть освищенными, а этого Эдвиж никогда бы не простила. Предвидя, что нужно будет давать объяснения Эдвиж после спектакля, я умолил Ольгу быть рядом со мной в этом деликатном деле.

По окончании пьесы, после поклонов, я убежал в свою ложу, где ожидал увидеть Ольгу, как договорились. Ее нет! Я снимаю накладку, разгримировываюсь, моюсь, переодеваюсь... Ольги все нет, но режиссер из-за двери говорит мне, что мадам Фейер ждет меня в своей ложе. Нет выбора, я туда иду, мысленно согнув спину, готовый получить грандиозную взбучку. Стучусь. – «Войдите!» Ольга здесь! Уф! Эдвиж не взрывается. Это не ярость Гермiony¹, но она и не улыбается. Скорее всего, Ольга все ей рассказала. Эдвиж – большой профессионал, она не может не понять, а Ольга – большой дипломат и представила ей факты так, как нужно. Полностью понимая проблему, меня спрашивают, быстро ли растет моя борода. Я спешу заверить, что да (и это правда). Решено, что я не буду больше пользоваться накладкой, которая мешает мне играть комедию (это непрофессионально), и что завтра у нас, к счастью, перерыв. А послезавтра я подкрашу немножко то, что вырастет, то есть мою натуральную бороду.

Чтобы убедить меня, что она не очень на меня сердится, Эдвиж мило предлагает нам напитки и пьет сама, объявляя мне, что мы играем до Нового года. Кажется, что она рада этому решению, Ольга тоже. А я-то!

Во время спектаклей в середине ноября Эдвиж и я принимаем вместе или порознь визиты толпы известных людей: среди них Раймон

---

¹ Ярость Гермiony – высшая степень ярости. Трагедия Жана Расина (1667) «Андромаха». В греческой мифологии Гермiona – дочь Менелая и Елены. Персонаж трагедии Жана Расина.

Бернар, режиссер «Суда Божьего». Я знаю, что Жан (который в курсе всего, иногда даже раньше заинтересованных лиц), знает, что Раймон Бернар собирается снять «Даму с камелиями» с Мишлин Прель будущей весной. Он пришел на меня посмотреть в роли Армана без задних мыслей или с ними, никто не знает. Все, что я могу сказать, что я бы отклонил это предложение, если бы оно было сделано, полагая – правильно или неправильно – что это была бы большая бестактность по отношению к Эдвиж, которой я стольким обязан, исполнять ту же роль, но с другой актрисой.

Однажды утром, между Рождеством и Новым годом, Ольга меня предупреждает, что мы будем приглашены на ужин в этот же вечер. Куда? Она еще не знает. С кем? Она знает, но не хочет говорить. Это сюрприз. Смокинг? Ну, конечно, потому что... Тут Ольга прерывает фразу и говорит мне, смеясь, что я не заставлю ее расколоться. Я себя спрашиваю, что скрывает эта тайна. Решив узнать побольше, я звоню Жану. Мне отвечают, что его нет с утра. Нет, неизвестно, где он. Я не продвинулся ни на шаг. До вечера я задаю себе вопросы, которые остаются открытыми.

Представление идет, как обычно. Эдвиж еще более необыкновенна, чем всегда, мне кажется, и это заставляет меня превзойти самого себя. «Дама с камелиями» имеет успех еще более громкий, чем в предыдущих спектаклях. Я спешу разгримироваться и нахожу Жана, который меня ждет, улыбаясь. Пока я смываю грим и переодеваюсь, он мне говорит, что Эдвиж ждет нас у себя в ложе... и что она не одна. Так как я забрасываю его вопросами, он вынужден признаться: «Не хотели ничего тебе говорить, чтобы тебя не волновать до спектакля, который, впрочем, был потрясающим сегодня». Я его прерываю: «Да, да... и что?» «Ну (он оттягивает эффект), в зале сегодня вечером были Лоуренс Оливье¹ и

---

¹ Лоуренс Оливье – (1907–1989) – английский актер и режиссер театра и кино, один из величайших актеров XX века, создатель Королевского Национального театра.

Вивьен Ли¹ с Ноэлем Ковардом²». Сначала я теряю дар речи, потом сажусь: «Что? Как?»

Действительно, много народу в большой ложе Сары Бернар. Кроме перечисленных, пять-шесть фотографов, которые «строчат» без передышки. Я вижу Ольгу и Дениз Тюаль, они обе занимаются наймом больших английских актеров для Франции. Я едва успеваю приветствовать Эдвиж, как дверь за моей спиной открывается. Это Вивьен Ли выходит из туалетной комнаты. Она подходит и говорит на безупречном французском: «Я так плакала, что мой макияж поехал и пришел в негодность!» Всеобщий взрыв хохота.

Во время ужина у меня много времени, чтобы наблюдать за гостями. Мне не верится, что это я здесь запросто сижу среди тех, кто считается самыми выдающимися актерами Европы. Я не могу есть. Я весь внимание, смотрю и слушаю. Все говорят по-французски. Если я и не голоден, я пожираю глазами Скарлетт О'Хара, которая мне улыбается иногда, что напрочь отнимает остатки аппетита. Не будучи маленькой, она меньше, чем я ожидал. Она очень элегантна в темном костюме, на лацкане которого сверкает бриллиантовая брошь. Ее каштановые волосы прикрыты фетровой шапочкой, напоминающей тубетейку.

Длинная аристократическая шея поддерживает лицо, быстрые изменения выражения которого просто захватывают. Чтобы подчеркнуть то, что она говорит, она использует последовательно все элементы, которые составляют этот восхитительный образ. Лоб, брови, нос, рот, подбородок – все отражает ее мысль. В подвижности этих черт есть что-то волшебное.

Глаза рыси: голубые, зеленые, светлые, тревожные. Веки округляются или сжимаются согласно ее воле. Тонкие крылья носа, который кажется маленьким, с чувственными ноздрями. Очертания губ напоминают

---

¹ Вивьен Ли – (1913–1967) – английская актриса, обладательница двух «Оскаров». 30 лет карьеры в театре и кино. Разнообразные роли, в том числе шекспировского репертуара. Одна из величайших актрис в истории Голливуда.

² Ноэль Ковард – (1899–1973) – британский драматург, сценарист, актер, певец, композитор и режиссер.

кисть Латура¹. Высокие скулы добавляют тайну. Иногда, в течение секунды, голос становится высоким и тонким: крик птенчика, переходящий очень быстро в безудержный смех каскадами в нижнем регистре, как если бы голосовые связки играли гамму. Ее жесты грациозны, изящны и точны. Эта женщина – странный сплав противоречивых элементов. Она может быть хрупкой, ранимой, и мгновение спустя видно, что она может быть волевой, властной, гибкой и опасной, как стальное лезвие. Она обнимает, нападает, мяукает, кусает, ласкает, царапает, отдаст и колотит. Все это происходит быстро и с завидной естественностью. Не знаю, как подвести итог. Одно из двух: или она непрерывно играет комедию, причем отлично, или она такая, как есть. Это женщина, чья сильная индивидуальность состоит из несвязанных элементов. В любом случае находишься под ее чарами. В этот вечер Вивьен Ли представляла для меня воплощение обольстительности.

Лоуренс Оливье меня смущает, хотя он сама простота. Только эту простоту я бы квалифицировал как королевскую. Когда являешься владельцем принцем, то не отдаешь себе отчета, очевидно, о впечатлении, которое производишь. Можно подумать, что он это понимает, что в данном случае не исключено.

Высокий, элегантный, изысканный – все это к нему относится, он – король сцены. Приветливый, любезный, улыбчивый и забавный – он это тоже умеет. Это человек нюансов. Они многочисленны. Он не очарованный принц, а чародей. Скорее обольститель, чем обольстительный. Есть сторона в его поведении, я не знаю, как ее назвать, что предполагает большую привычку умело использовать свою власть над людьми. Его естественность настолько подкупает, и она так безупречна, что инстинктивно ищешь, в чем ошибка. И не находишь.

Четкий профиль, прямой нос, высокий лоб, энергичный подбородок и губы, выдающие чувственность. Нет ничего, что бы не нравилось. Он нравится. Он это знает и делает вид, что это ему неизвестно. Это большое искусство. Добавьте к этому, что он невероятно симпатичен. Если бы я не был так увлечен моим поедаящим любопытством, я бы не увидел

---

¹ Жорж де Латур – (1593–1652) – великий французский художник эпохи барокко.

всего, что, как мне кажется, вижу. Я могу и ошибаться. Что больше всего меня тревожит, это его взгляд: непостижимый. Проникающий и загадочный, он необычный и таит в себе одну особенность: глаза неодинаковы. Не то, что они отличаются по цвету, но по форме. У Лоуренса Оливье один глаз слегка с прищуром, другой нет. Веки довольно тяжелые и опущены густыми ресницами, длинными и загнутыми. Одно веко опущено немного ниже на темную радужную оболочку глаза. Впечатление, что этот глаз за вами наблюдает сквозь пелену ресниц, в то время как другой смотрит спокойно. Ощущение удивительное. Когда, слегка отпрянув (это не означает отодвинуться от вас подальше, а наоборот, чтобы лучше вас рассмотреть), он смотрит на вас так, ручаюсь, что все (которые его не знают, это мой случай) не смогут догадаться, о чем он думает. Если он слушает со вниманием то, о чем вы говорите, вы никогда не поймете, заинтересовали вы его, или он сдерживает зевоту. Его выражение лица обозначает все, что вы можете вообразить, кроме безразличия. Вы ничего не узнаете. Как молчаливый наблюдатель, он непроницаем. Сфинкс. Это впечатление не поможет вам избавиться от вашей застенчивости.

Когда в конце вечера он мне сказал еще раз, насколько блестяще я справился с такой неблагодарной ролью, как Арман Дюваль, я не знал, что и думать. Еще сегодня я спрашиваю себя, был ли он искренен, играл комедию или шутил?

Рядом с Вивьен Ли Ноэль Ковард привлекает всеобщее внимание. В нем все остроконечное. Его голос, пальцы, нос, подбородок, локти – колени и плечи тоже, можно предполагать – ну, и, в особенности, ум. Он очень худой в ту эпоху и очень смешной. Насмешник и жонглер словами, он сам воплощение «юмора». Он говорит неподражаемые вещи, собирает их и распространяет в таком ритме, что фраза, только что услышанная, стирает предыдущую. Представление блестящее. Он очень забавный. Его руки, на одной из которых он носит очень красивый сапфир, кажется, хотят оторваться от запястий, подвижность которых удивляет, когда он пытается понятнее нарисовать в воздухе экстравагантные ветряные мельницы. У него маленькие голубые хитрые глаза, светящиеся ясностью ума, знанием, умением, интеллектом, а также язвительностью и злостью. Он умело и с ловкостью фокусника пользуется иронией и жестокостью. Его

анекдоты взлетают и рассыпаются. Это фейерверк. Это лакомство, которым он нас угощает. Это удовольствие, и оно тем более акробатично и похвально, поскольку в его словах нет ни капли пошлости. Я убежден, что нужно быть англичанином, чтобы так самовыражаться. Нужно быть Ноэлем Ковардом.

В этот вечер в Париже я наблюдал с восхищением пародию на интеллектуальную сегодняшнюю Англию – такую, какой 25-летний француз мог себе ее представить. Я тогда еще не знал, что понадобится ждать двадцать пять лет, чтобы с радостью участвовать в одной из его пьес¹. Я сам виноват. Сто раз он приглашал меня к себе в Лондон. И каждый раз какие-то обязательства мешали мне приехать. Я глубоко сожалею. Я утерять возможность взять там еще раз хорошие уроки. Теперь слишком поздно... Он ушел.

Я прочел сценарий, который принес мне Жан Девевр. Это история, написанная Андре-Полем Антуаном. Это боевик. Французский офицер, с которым происходят всякие приключения вокруг деликатных миссий, которые ему поручают. Стычки, погони на автомобиле, похищения, пытки, дуэли, убийства, лошади, верблюды, девочки, любовь на фоне песков и пальм. Этот проект меня соблазняет, я чувствую желание двигаться. Не видя очертаний камеры вот уже много месяцев, мне хочется снова попасть в обстановку съемочной группы. Мы будем сниматься в Марокко: Касабланка, Рабат, Марракеш, Атлас, Загора... И потом мне уже немного надоела голова Армана Дюваля, его борода и светлые волосы. Я решил принять это предложение. Эта история меня забавляет, это цветной многобюджетный фильм, что позволяет думать о качественном результате. Роль подвижного героя привлекает меня, я знаю Жана Девевра, так как мы снимали с ним «Каприз» несколько месяцев вместе. Вперед!

Я буду сниматься в «Тревоге на Юге». Есть очень хорошая роль «злодея» в этом фильме. Режиссер любезно хочет со мной это обсудить. Мы поищем вместе, кто будет идеальным исполнителем. Многие имена в

---

¹ Пьеса «Ужасные влюбленные» («Les Amants terribles») была поставлена в 1974 в Париже. В ролях Ж.-К. Паскаль и Даниель Даррье. В России пьеса «Интимная жизнь» была поставлена в антрепризном спектакле в С.-Петербурге в 1994. Исполнители – А. Алексашина, Л. Луппиан, М. Боярский и С. Мигицко.

подвешенном состоянии. То же самое и для женских ролей. Жан Девевр установит контакты и будет держать меня в курсе своих дел.

Глава шестнадцатая

После того, как я три месяца подряд играл в театре Сары Бернар и одновременного выпуска «Каприза дорогой Каролины», Париж решает сделать из меня «персонажа в моде». Многие изъявляют желание встретиться со мной... Обеды, ужины, коктейли, приглашения следуют, как из рога изобилия. Я не чувствую себя слишком приверженным к этому типу собраний.

Франсуаза Саган¹ и Бернар Бюффе² тоже стали известны в это же время. С ними тоже искали знакомства. Каждый в своем стиле сталкивался с ситуацией. С хорошей долей снобизма верхушка парижского тротуара смотрит круглыми глазами на того несчастного, который еще не успел оценить нас вблизи. Известно, с чем рифмуются эти радости (которых нет). Так как невозможно понравиться всем, нас предупреждают, что часть присутствующих вас принимает, а другая находит у вас сто недостатков. Еще бы... Нужно же, чтобы эти люди о чем-то говорили, и, если бы они были со всем согласны, не было бы среди них никаких разговоров, отсутствовали бы слова, которые можно было пустить в ход, сказав их смысл.

Я все прекрасно понимаю и поэтому должен делать серьезные усилия, чтобы встать на эти опасные цирковые повороты, чем и являются парижские салоны. Я выбирал тогда мои «выходы в свет» с величайшей осторожностью, соглашаясь отправиться туда, только если считал это необходимым. Жан упрекал меня за отсутствие сотрудничества, обвиняя в том, что я не хотел или не знал, как «играть в эту игру». На самом деле я

---

¹ Франсуаза Саган (1935–2004) – французская писательница. Свой первый роман «Здравствуй, грусть!» опубликовала, когда ей было 18 лет, и сразу стала знаменитой. Ф. Мориак называл ее «очаровательным маленьким чудовищем». Она писала биографии, пьесы, песни, сценарии и диалоги к фильмам.

² Бернар Бюффе (1928–1999) – французский художник, был близок неореалистическим тенденциям. В 50-х и 60-х годах был очень популярен.

и не хотел, и не знал. Неуклюжий нелюдим, может быть, и немного диковатый молодой человек, несмотря ни на что. Если я и вкладывал страсть в мою работу исполнителя, я чувствовал сильное нежелание «ломать комедию» в жизни, испытывая отвращение, повторяюсь, к этим светским сборищам. Улыбки необходимы на сцене или перед камерой, я их делал естественно (я думаю) и с удовольствием (я уверен). Это происходит по-другому, когда не находишься в луче прожектора. Застенчивость? Очень может быть! Но это похоже на бесцельное блуждание в обстановке, где все – правильно или неправильно – мне казалось искусственным. Этот обмен пустыми фразами, готовыми заранее, слащавыми комплиментами, липкой лестью, где не было и намека на искренность, все это вызывало во мне чувство нехватки, незащищенности, почти тревоги. Я все время чувствовал себя плохо «на витрине», когда мне нужно было изображать себя самого или скорее персонажа, которого публика ожидала встретить. Я этого не умею. Делать свою работу, да, от всего сердца. Пусть другие и публика судят потом, но пусть не требуют от меня «обезьянничать» в салонах. Восточные ковры смягчают шаги, конечно, но есть углы на паркете, где вы можете поскользнуться тогда, когда от вас этого ожидают меньше всего. Шкурки от банана невидимы. Тем не менее, они здесь, ловко подкинутые вам под ноги. За восхищенными улыбками прячутся ловушки, о которых вы и не догадываетесь. Люди, с которыми вы разговариваете, знают, к кому они обращаются. Вы же никогда не знаете наверняка кому вы отвечаете. Я не только нахожу эту ситуацию неудобной, но она меня удручает. Впечатление, что я теряю время, трачу его впустую. Претензии меня всегда раздражали. И потом... я никогда не мог взять этот тон, который считался бы хорошим тоном, если бы я его принял. С тех пор я так и не преуспел. Я уверен, что делаю это не специально, то есть веду себя в некоторых обстоятельствах, как если бы я был праправнуком Альцеста¹. Я не отвергаю эту идею. Такие родственники мне бы понравились.

Чему я улыбаюсь сегодня, так это тому, что «Каприз дорогой

---

¹ Альцест – один из загадочных персонажей комедии Ж.-Б. Мольера «Мизантроп». Одни считают его «развлекательным», другие обнаруживают в нем нечто трагедийное. Пьеса была поставлена в 1666 году, роль Альцеста исполнял сам Мольер.

Каролины» после оглушительного успеха в ту эпоху сегодня совсем забыт, в то время как «Багряный занавес» находится в большинстве синематек всего мира. Первая лента не что иное, как устная оперетка в красивой обертке, другая остается шедевром, который помнят до сих пор. Что меня немного утешает так это то, что в те времена я уже понимал разницу.

В первых числах марта мы начинаем «Тревогу на юге» на студии «Бийанкур». Жану Девевру удалось уговорить звезду мирового кинематографа сыграть роль «злодея». Сначала намечался Педро Армендариз, но он был занят в роли Цезаря Борджиа, а рядом с ним снималась Мартин в роли Лукреции. Тогда решили пригласить самого необыкновенного «злодея» в кино – Эриха фон Штрогейма¹. Как я рад! Общаться с этим человеком, играть вместе с ним. Я в восторге от этой идеи. Жан Мюра, прекрасный герой, типичный в 30-х годах, войдет в состав актерского ансамбля, а также талантливый дебютант Даниэль Сорано. Женский состав – я немного разочарован (так как я ее еще не знаю) выбором режиссера. Чтобы свести концы с концами в бюджете, нужно было призвать итальянскую копродукцию. Моя партнерша – Джанна Мария Канале.

Съемки начинаются строго по графику. Если Жан Девевр прошел школу Сомюра², то его жена, (которая занимает пост директора производства) скорее наводит на мысль о различных кавалерийских полках. В ней есть что-то от кирасира (рост), от гусара (невероятная энергия) и от драгуна (нескрываемо властный вид). Сначала слышен ее командирский голос, но она говорит спокойно. Ее темные глаза отражают печаль (не скуку), как будто ее вырвали из тихой обители, где она жила в покое и созерцании, и вдруг внезапно бросили в реальную жизнь. У нее характер, который трудно определить. Не думаю, что мне это удалось.

Джанна Мария очень красива. Высокая, с прекрасной удлиненной фигурой, она двигается с большим изяществом. Она хороша и это знает, но против всякого ожидания, ее это не слишком заботит. Бледное лицо

---

¹ Эрих фон Штрогейм (1885–1957) – актер, сценарист, режиссер и писатель австро-венгерского происхождения. Работал в США и во Франции. В фильме «Бульвар Сансет» играет роль режиссера.

² Сомюр – Государственная школа верховой езды. Создана в начале XIX века французским королем Людовиком XVIII.

жгучей брюнетки, великолепные зеленые глаза, заставляющие мечтать многих мужчин, которые рассматривают ее силуэт. Она совершенно очаровательна и проста. Джанна-Мария соединяет все элементы, которые могли бы сделать из нее превосходную склочницу. Но ничего подобного. Наоборот. Я редко встречал кого-то, с кем было бы так легко (работать).

Даниэль Сорано будет моим другом-сообщником в фильме. В жизни мы будем друзьями, не сообщниками. Это нам не нужно для баланса. У него хороший рост, он блондин с голубыми глазами слегка навывкате, мощные челюсти с крупными зубами, он их скрывает иногда за пухлыми губами, нижняя могла бы быть «габсбургской»¹. Лицо в постоянном движении, он забавный, но – извините меня за откровенность – я не уверен, что он будет чувствовать себя свободно перед камерой. Этот замечательный театральный актер должен ощущать себя стесненно в передаче современного текста, который нужно подавать как можно естественнее, копируя тон повседневности. Сорано был создан для великих текстов и больших пространств театра, не для интимной сущности кино. Впрочем, продолжение его карьеры доказало, что я был не так уж неправ. Он почти не будет сниматься, но зато исколесит всю Францию, играя большие роли рядом с Жераром Филипом² и Жаном Виларом³ сначала, а потом один или почти один позже. Я вспоминаю, как несколько лет спустя, я проехал сто километров, чтобы броситься ему на шею в ресторане, где он ужинал на улице Гэтэ, после того как он потрясающе сыграл Сирано на телевидении, дебютирующем тогда в этом жанре. Никакой тени не пробежало между

---

¹ Габсбургская губа – наследственная нижняя губа Габсбургов (европейской королевской династии), патологический прикус, черта, бросающаяся в глаза на всех портретах и скульптурах Габсбургов.

² Жерар Филип (1922–1959) – замечательный французский актер театра и кино, обладатель премии «Сезар» в 1990 году посмертно. С 1951 года ведущий актер Национального народного театра Жана Вилара. В кино сыграл главные роли в фильмах «Пармская обитель» (1948), «Красное и Черное» (1954), «Монпарнас 19», «Фанфан-Тюльпан» (1952) и многих других.

³ Жан Вилар (1912–1971) – французский театральный режиссер и актер, создатель Авиньонского театрального фестиваля. В 1951–1963 годах стоял во главе Национального народного театра. Знаковые постановки: «Сид» П. Корнеля с Ж. Филипом в роли Родриго и «Матушка Кураж» Б. Брехта.

нами ни во время съемок «Тревоги на юге», ни после.

Жан Мюра, большой и красивый, с седеющими висками и с гордым профилем, но в глубине его зрачков угадывается отсвет ностальгии тех, кто исполнял годы и годы героев, а теперь вдруг играет старших братьев или отцов героя. Этого со мной еще не случилось, но придет и это.

И потом... и потом Эрих фон Штрогейм. Его прибытие на студию – уже событие. Вся группа в ожидании, я в том числе. Сколько легенд гуляло на его счет! Пресса отражала и рисовала портрет настолько чрезмерный, что он не мог, я полагаю, соответствовать действительности. Гениальный режиссер, сильный характер, сказочный актер, в чем я не сомневался, но мегаломан, капризный, садист, агрессивный и властный, в это я не верил.

Жан Девевр пошел в предоставленную Эриху ложу. Из вежливости, почтения и любопытства вся группа была здесь, в декорации, в ожидании. Он входит, режиссер впереди, за ним жена Эриха, Дениз Вернак. Он делает жест, останавливается, закрепляет позицию (почти по стойке «смирно») и одним движением (жестким) бюста, он приветствует по кругу всех присутствующих, не говоря ни слова. Это прямо немецкий комендант крепости из фильма «Великая иллюзия»¹, который только что вышел. Я не верю глазам своим. Это невероятно, как он похож. Я смотрю на него, и мне кажется, что я тоже в этом кино. Ж. Девевр делает мне знак. Я подхожу. Он представляет меня великому человеку. Я не знаю, что сказать. Я потрясен. Он берет мою руку в свои (горячие, сухие, тяжелые, чувственные), изучает меня, затем слегка наклоняясь, говорит мне тихо, как бы по секрету, и с немецким акцентом: «Ну... это ужасно, как я вас буду мучить... вы увидите... будет так забавно». Меня не удивляет его акцент, он так говорит. Я все еще под впечатлением, и я за ним наблюдаю. Странно, что я тоже попал в это кино.

Мы начали работать. Эрих фон Штрогейм слушает внимательно указания режиссера. Он его не перебивает, не задает вопросов. Он как бы записывает, внешне спокойно, все, что Ж. Девевр от него требует. Можно

---

¹ «Великая Иллюзия» – французский фильм, созданный Жаном Ренуаром в 1937 году. История о бессмысленности и жестокости войны. В главных ролях: Жан Габен, Пьер Френе, Эрих фон Штрогейм.

сказать, что это прилежный ученик принимает советы учителя. Время от времени он кивает в знак согласия. Он дает знак, что он понял все, что от него требуется. В этой безмолвной позе есть какое-то смирение, которое поражает тем более, что оно непредвиденное: ожидали всего от этого персонажа, одновременно мифического и монолитного, но только не такого дисциплинированного отношения. Ж. Девевр, конечно, тоже удивленный, кажется, теряет равновесие, настолько он ошарашен. Мы слышим: «Вы готовы, месье Штрогейм? Репетируем?» Новый кивок согласия. «Хорошо. Тишина... Репетируем... Начали!» Тут происходит что-то необычное. Штрогейм вновь становится Штрогеймом и дает режиссеру не только то, что он хотел, но гораздо больше того, о чем он даже не догадывался.

Бесполезно подчеркивать, насколько я чувствовал себя неловко, когда играл свои первые сцены вместе с ним. Но вскоре все наладилось. Теперь я понимаю, какая удача была встретиться на заре моей карьеры с такими сильными личностями. Дебютировать в театре, став сразу любовником Эдвиж Фёйер, это урок, который отмечает вас настолько, что иногда гораздо позже, играя на сцене, вы внезапно вспоминаете что-то, что вам сильно помогает. В кино, когда вы получили первый важный шок с Пьером Френе, у вас остается печать, которая не стирается. Я это ощущал иногда, когда играл различные роли потом. Эрих фон Штрогейм был – он не старался им быть – моим третьим потрясением. Эта встреча тоже оставила свои следы. Это сильные воспоминания, от которых не откажешься. Спасибо всем трем, что вы были со мной, передо мной, вы были необыкновенными!

На студии «Бийанкур» (огромной) снимается сразу множество фильмов. Мартин Кароль играет Лукрецию Борджиа. Я сталкиваюсь с ней иногда между съемками. Она не может передвигаться из-за великолепных и огромных платьев, которые сделаны по рисункам Розин Деламар – (беспорной королеве среди художников по костюмам). Жан Маре¹ снимается

---

¹ Жан Маре (1913–1998) – французский актер театра и кино, художник и скульптор. Играл героические роли отважных персонажей, сам выполнял различные трюки. Широко известен в России по фильмам: «Опасное сходство (Рюи Блаз)» (1947), «Жюльетта» (1953), «Граф Монте-Кристо» (1954), «Горбун» (1959), «Парижские тайны» (1962), «Фантомас» (1964).

в «Призыве судьбы». Мы встречаемся в столовой студии, но так как наши перерывы не совпадают, мы часто пересекаемся вне. Мы считаем, что очень глупо не попробовать познакомиться поближе и по взаимному согласию договариваемся пообедать вместе в следующую пятницу. Я радовался этой встрече в конце недели по многим причинам: во-первых, потому, что восхищался Жаном Маре. Я находил его великолепным и блестящим во всех ролях. Я хотел приблизиться к симпатичному старшему товарищу, который знает наизусть свою профессию и занимается ею на пятнадцать лет больше меня. И потом мне бы хотелось отрегулировать наши отношения.

Действительно, какое-то время люди рассказывают, что Маре и я друг друга терпеть не можем. Что абсолютно не так. Этот слух, который циркулирует – и одному Богу известно, кто и как его распространяет – происходит от одной неосторожной фразы, мной сказанной – это правда – в ресторане, где было много ушей, страждущих слухов. Я читал в это время книгу Ля Варенда и, будучи страстным поклонником этого автора, нашел там персонажа, которого я бы сыграл, если бы адаптировали книгу для экрана. «Человек в парусиновых перчатках» меня зацепил, но больше всего история под названием «Кожаный нос». И тут я узнаю, что Жан Маре собирается сниматься в ленте по мотивам этого произведения в постановке Ива Аллегре. Разочарованный и злой, что этот персонаж уплыл от меня, я говорю (очень громко) в этом ресторане о Жане Маре: «А, предатель! Подлец!» Короче, я выражаю мою ярость и награждаю Жано насмешливыми прозвищами, которые приходят мне в голову. Это всего лишь неловкое выражение моей зависти. Как раз в этот момент входит Маре, и я ему все это повторяю теми же словами и с откровенной полуулыбкой: «Негодяй, ты будешь играть роль, которую я мнил для себя, тебе везет. Я тебе завидую, но это честная игра!»

Пришел вечер пятницы. Я оставил свою машину дома, Маре мне сказал, что поедет на его «Сальмсоне» бледно-голубого цвета с открытым верхом... Мы покинули студию. Жан Маре взял направление на запад. Он сказал мне, смеясь, что так как люди считают нас смертельными врагами, надо им показать, насколько они ошибаются. Мы едем в «Ля Мутьер». Это самый известный ресторан в окрестностях Парижа. Ясно, что весь Париж

узнает завтра, что мы обедали одни, тет-а-тет в этом уединенном месте. Естественно, мы пообедали спокойно «в небольшом укромном уголке», как уточнил Ж. Маре, когда мы приехали. Я не знаю, отдаете ли вы себе отчет об эффекте, который это могло произвести в ту эпоху, когда все кругом искали оплошности. Это было, как если бы Ален Делон и Жан-Поль Бельмондо заказали себе столик у «Максима»¹, чтобы поужинать в тишине, наедине, в потаенном месте после ссоры, настоящей или мнимой, произошедшей между ними. Так как ни он, ни я не снимались назавтра, атмосфера была приятной, и нам было хорошо вместе. Мы пробыли там долго и даже начали разрабатывать проект постановки «Саломеи» Оскара Уайльда. Жан Маре был бы Иродом, я Святым Жаном-Батистом, а Сесиль Обре Саломеей! Проект не был реализован. Зато удалось то, что, как мы и ожидали, с завтрашнего дня хорошо информированные парижане предупредили других о «находках» в «Ля Мутьер». Люди болтали о «пакте» между Жаном Маре и мной. Они экстраполировали бы гораздо больше, если бы этот невинный обед принял образ чего-то превышающего простые дружеские отношения. Через неделю никто об этом не вспоминал. Такова действительность.

Мы почти закончили сниматься на студии. Отъезд для съемок на натуре в Марокко предусмотрен в ближайшие дни. Эта самая важная часть фильма будет реализована на месте, она самая зрелищная. Между Эрихом фон Штрогеймом и мной установились прекрасные отношения, почти дружеские. Отбросив робость, я старался узнать его лучше и, пытаясь не быть нескромным, я открыл, что этот персонаж был внутри, как и многие актеры, большим избалованным ребенком, ушибленным капризами существования. Грозный Штрогейм... да, конечно, иногда. Но он мог быть и самым забавным. Я научился подмечать, как Штрогейм переодевается в Штрогейма, чтобы остаться верным образу, который от него ожидают. Это своего рода доспехи, которые мешают незнакомцам достать поглубже. Добровольный панцирь, который он надевал по привычке и в котором ему было удобно. Я уверен, например, что он бы смог, если бы

---

¹ Maxim – парижский ресторан, основанный в 1893 году, один из самых знаменитых. Начиная с 1981 года Пьер Карден открывает «Максимы» по всему миру.

захотел – но он этого не хотел никогда – потерять свой немецкий акцент или немного его приглушить. Он бы мог говорить по-английски или по-французски, как вы и я. Но именно этого он хотел избежать. Штрогейм говорит, как Штрогейм – все, точка. Этот акцент был одновременно и его алиби, и его брендом. Манипуляции с моноклем, негнувшийся корпус, откинутый назад – сколько раз я ловил его на том, как он сам над собой смеется. Его голубой глаз внезапно исчезал под складками век хамелеона, а нос выдавался вперед, как и подбородок, в попытке сделать из себя страшлище. Это был школьник, который передразнивает кого-то, делая страшные рожи... Штрогейма, скорей всего, что вызывало у меня приступы безудержного смеха. Он не только не обижался, но входил в мою игру с добродушием и открытостью дедушки на каникулах. Если бы Штрогейм не решил сбросить шкуру Штрогейма, шутки продолжались бы целый день.

Весна в Северной Африке прекрасное время года. Жара еще не такая удушающая, вечером наступает прохлада. Повсюду деревья в цвету, они издают аромат. В Марокко мягкий воздух и красивые люди – мужчины, женщины, дети. Мы работаем, перемещаемся с места на место, меняем города, районы. Мы спускаемся к югу. Остановка в Марракеше¹. Жан Девевр чувствует себя очень свободно в этой стране, которую он хорошо знает. Однажды вечером он передает нам приглашение одной важной особы, которая дает прием («диффа» по-арабски) в нашу честь. Он извиняется перед дамами нашей группы, которые, так как они женщины, не могут быть приняты. Ж. Девевр, Эрих фон Штрогейм и я идем туда без них.

По прибытии нас подкупает и очаровывает красота места. Прислуга, одетая в белое, с лицами яростных горцев, встречает нас, держа факелы в руках. Мы проходим под старинными каменными сводами и быстро оказываемся в подобии сада, окруженного зубчатыми стенами. На траве расстелено множество ковров. Очень много услуги. Хозяин дома встает и идет нам навстречу. Мы жмем руки суровым людям, которые улыбаются и окружают нас. Оркестр арабских музыкантов тихо играет за

---

¹ Марракеш – четвертый по величине город Марокко у подножия Атласских гор.

кустами. Нас усаживают. Нам указывают почетные места. Штрогейм и Девевер справа и слева от хозяина дома, я напротив. Разговор немного ограничен, так как мы не говорим на одном языке. Нам предлагают чай – его будут подавать весь вечер. Я его столько выпил, что не мог уснуть два дня. Начинается изумительная трапеза под звуки флейты и барабана. Нас освещают факелами. Блюда следуют одни за другими: ароматизированные рыбные шарики, различная дичь, домашняя птица с миндалем. В глубине сада крутятся вертела на открытом огне. Оттуда порывами воздуха доносится запах жареного барашка, который смешивается с запахом жасмина, лавра и цветущих апельсинов. Естественно, едим руками. Это не очень удобно, так как нет такой привычки, но справляемся. Сижу по-турецки и у меня начинаются судороги в ногах, но остальные участники, кажется, не слишком страдают от этого, и я заставляю себя думать о другом.

Вот приносят большие блюда, на которых лежат куски баранины. Когда все подносы поставлены на ковер, наш хозяин делает жест, за которым я слеую глазами. Он протягивает руку к голове одного барана, и естественным и одновременно грациозным жестом вырывает глаз из орбиты мертвого животного. Каково! Как это любопытно! Я себя спрашиваю, что будет дальше. Не будет же он его есть... Хуже! Словно протягивая женщине цветок, с бесконечной деликатностью человек, который принимает нас у себя дома, подносит мне этот бараний глаз, который он держит кончиками пальцев.

Я отказываюсь понимать. Я смотрю на нашего хозяина, который мне улыбается и ждет с протянутой рукой и прищурившись. Я смотрю на Ж. Девевра, который серьезный, как папа римский, дает мне знак принять презент. Так как сомнение написано на моем лице, он говорит: «Вам делают большую честь. Вы не можете отказаться от подарка». Он делает это так убедительно, что я говорю себе, что я рискую головой, если намекну, что отказываюсь. Я смотрю на Эриха. Голубой взгляд виден наполовину из-под его век, рот начинает изображать ухмылку, мне хорошо известную, подбородок задран, я знаю, я чувствую, что он еле сдерживается, чтобы не рассмеяться. Я бы не был в таком затруднительном положении, конечно, если бы не гримаса Эриха, которая меня бы рассмешила. Точно в эту минуту мне стало не по себе.

В конце концов я протягиваю свою руку к руке нашего хозяина. Он кладет мне на ладонь эту странную вещь, которая и есть бараний глаз. Ладно, он у меня в руке...что мне с ним делать? Я снова смотрю на Деввра, который показывает мне жестом, что его надо положить в рот. Я стараюсь не глядеть на Эриха. Наш хозяин дома, не отрываясь, смотрит на меня и ждет. Хорошо, я кладу глаз в рот. Все улыбаются. Как будто я дал сигнал, и все руки устремляются к мясу. Воспользовавшись этим общим движением, которым я отвлек от себя внимание, я достаю из кармана носовой платок и очень медленно подношу его сначала ко лбу, потом к носу, который я вытираю, а уж потом ко рту, который я вытираю тоже, как и подбородок. Я кладу платок на место и улыбаясь в свою очередь, смотрю прямо на Штрогейма. А он хохочет во все горло!

Эрих фон Штрогейм собирается вместе со своей очаровательной женой Дениз Вернак вернуться во Францию. Она замечательная, скромная и абсолютно преданная этому великому человеку. Она испытывает к нему самые высокие чувства: любовь, дружбу, восхищение, уважение – все то, что нужно добавить, как необходимый цемент для устойчивости пары – соучастие. Грустно прощаемся у подножия Атласа¹. Самое удивительное, что мы увидимся вновь в будущем году. Но мы этого еще не знаем.

Проехав Атлас, группа останавливается в Загоре. Это временное пристанище с относительным комфортом, но мы не на каникулах. Мы здесь для того, чтобы снять прекрасные достоверные кадры, которые заставят мечтать зрителей Европы. В те времена не путешествовали так легко, как сейчас, приятно об этом вспомнить. Должен признаться, что пейзажи просто великолепны. Земля красного цвета, аборигенов еще не коснулась цивилизация. Женщины берут воду в колодцах, и их походка королевских танцовщиц – это подлинная красота. В этих местах мужчины перемещаются на спинах верблюдов, преодолевая огромные пространства, более или менее пустынные. Они одеты в старинные костюмы, которые при всей своей оригинальности, придают им величественный вид. Только французские военные (из метрополии) используют армейские машины. Грузовики и джипы нам очень помогают перевозить наше

---

¹ Атлас – горная система на северо-западе Африки в Марокко, Алжире и Тунисе.

оборудование, необходимое для съемок.

Я в восторге, что знакомлюсь со всем этим, и работа проходит в хорошей атмосфере. Только время идет. Мы немного отстаем от предусмотренного графика, и, если мы не уложимся в срок, я рискую. Перед тем, как уехать из Парижа, я подписал контракт на участие в фильме, съемка которого должна начаться 15 мая. Оригинальный сценарий Жана Ануя, история разворачивается в конце прошлого века. Рене Сен-Сир¹ в главной роли, а я – что меня окрыляет – снова играю двойную роль: роль мужа, ревнивого, жесткого, злого, властного садиста, и роль любовника, который мог бы быть натурой любящей, внимательной, нежной и поэтичной. Героиня с трудом переносит одного и мечтает проснуться с другим. Она любит обоих по разным причинам. Это прекрасная идея, если ее хорошо реализовать, может стать фильмом, выходящим за рамки обычного. Как вы и предполагаете, я должен быть брюнетом, чтобы играть злого и светлым блондином, чтобы играть доброго. Кто из актеров не мечтал сыграть двойную роль?

Итак, пятое или шестое мая, а Ж. Девевр с женой как бы не замечают, что время идет. Правда, что нам остается лишь два важных эпизода для съемок, остальное лишь связки между некоторыми сценами. Мы передвигаемся еще южнее. После Эль-Мамида дороги из рифленого железа трудно преодолевать, но города, которые мы пересекаем, нас радуют. «Голубые люди»², которых мы встречаем, сидящие на своих дромадерах³, производят на нас огромное впечатление. Решительно, этот фильм покажет персонажей не переодетой массовки, а все будет настоящее. Красота пейзажа очарует зрителя, настолько он великолепен.

Время течет, как песок сквозь пальцы. Девятое или десятое мая, я пытаюсь соединиться с Парижем. Там, где мы находимся, нет телефона, общаемся по радио через военных. Передвигаемся от поста к посту, что не очень удобно. Послания будут перехвачены, переписаны, переданы?

---

¹ Рене Сен-Сир – о ней шла речь в восьмой главе.

² «Голубые люди» – так называют марокканцев юга по ярко-синему цвету их одежды.

³ Дромадер – африканский верблюд с одним горбом. У верблюдов Центральной Азии их два.

Будем надеяться. Одиннадцатого или двенадцатого мая лейтенант приносит мне бумагу из Касабланки через Марракеш, на которой нацарапано примерно следующее: «Срочное возвращение 15 мая для начала съемок немедленно. Сен-Сир».

Я на юге в глубине Марокко, в тысячах километрах от Парижа и отрезан от всех нормальных путей сообщения. Ж. Девевр и его жена уже давно знают, что меня ждут в Париже к точной дате, но они предпочитают, конечно, об этом забыть. Мадам Девевр забрала все паспорта группы, чтобы хранить их в надежном месте, и избежать, как она сказала, кражи или потери документов. Я нахожу режиссера и излагаю ему ситуацию, в которую попал. Я ничего ему не рассказываю о телеграмме, подписанной Сен-Сир. У Ж. Девевра вид сомневающегося, он не хочет меня отпускать. У него еще есть планы некоторых сцен, говорит он. Это так и не так одновременно. Действительно, отсутствуют некоторые пассажи моего персонажа: в автомобиле во время преследования. Можно прекрасно меня дублировать, так как это отдаленные и быстрые планы. Что, вне всякого сомнения, они меня не хотят отпускать. Я же напротив твердо решил уехать. И я понимаю, что мне будет очень трудно ускользнуть. Прежде всего, надо продумать и хорошо организовать «мой побег». Какой-то участок в моей голове забавляется: как будто я сочиняю сценарий фильма о побеге для себя самого.

Первое. Мне нужно получить мой паспорт. При помощи коварных уловок и помощника, (который не знает о чем речь), мне удастся завладеть моим паспортом. О, все просто. Я иду в комнату, которая служит офисом мадам Девевр и где она хранит, я это знаю, некоторые документы, касающиеся фильма, в кожаном портфеле. Пока я с ней, кто-то зовет ее под предлогом срочности, она выходит из комнаты, а мне как раз хватает времени, чтобы открыть портфель, найти свой паспорт и сунуть его в карман. Она возвращается, мы о чем-то говорим. Я удаляюсь.

Первый раунд. Теперь военные – лейтенант, который вручил мне телеграмму. Мы болтаем с ним на закате и попиваем анисовую водку, разведенную водой. Он видит, что я расстроен, тревожен. Я ему отвечаю, что есть причина, вынимая из кармана немного смятую телеграмму, которую он сам мне вручил сегодня утром. Я ее читаю и рассказываю ему

невероятную историю, что меня ждут для съемки фильма, это срочно – впрочем, есть слово в послании, смотрите – это очень серьезно! Читайте, подписано Сен-Сир!¹. С полнейшим лицемерием я надеюсь, что он клонет на эту наживку. Не желая вдаваться в подробности (и не зря!), я пытаюсь, чтобы он поверил, что это – не более и не менее – как школа Сен-Сир меня требует. Он читает и перечитывает телеграмму и ничего не говорит. Он думает. Я же возношу молитву всем богам, чтобы это «сработало». Лейтенант глубоко вздыхает и говорит мне очень просто: «В конце концов, что вы хотите? Вернуться в Париж?» Ну да, именно туда. Надежда охватывает мою голову и танцует безумную фандолу в моем мозгу, в то время как он добавляет дружески важную фразу: «Хорошо, это не кажется мне невозможным. Капитан Z (я забыл его имя) должен как раз завтра отправиться в отпуск в метрополию. Он вас захватит до Касабланки. Вы полетите с ним на одном самолете.» Я хотел броситься ему на шею. Но я этого не сделал. Мы допили бутылку анисовки.

13 мая ночью капитан Z и я, мы убегаем как воры. Я ему поведал ту же историю, что рассказал лейтенанту, добавив только, что производство данного фильма делает все, чтобы мне помешать, а там во Франции меня ждет Сен-Сир. Поэтому, чтобы быть уверенным и избежать всякого риска и неудач, нужно принять все меры предосторожности. Молчать. Он соглашается вылезти из кожи, чтобы все организовать по радио, в том числе забронировать мне место в самолете, на который я сяду вместе с ним, чтобы лететь в Париж. Лейтенант, который входит в заговор, подгоняет нам вечером джип к окраине городка (никто не должен нас видеть). В 200 метрах от последнего строения мы заводим мотор.

Дорога рисуется смутно при свете ночных фонарей, но она символ каникул для капитана, а для меня символ обретенной свободы. Ночное путешествие окутывает нас призрачной нереальностью. Холмы, ущелья и долины, освещенные луной, кажутся декорацией незнакомой планеты. Джип раскачивается и подсакивает на камнях и рытвинах на дороге и держит нас в напряжении. До самой зари мы не встретили ни одной души.

---

¹ Сен-Сир – особая военная школа, высшее учебное заведение, занимающееся подготовкой офицерских кадров для французской армии. В 2006 году ей исполнилось 200 лет.

Быстрый этап пути до казармы в Марракеше. Приблизительно привести себя в порядок, сменить джип. Мы успеваем на самолет Каса-бланка–Марсель–Париж. Если я и не помню имени своего спасителя капитана Z, я прекрасно запомнил его хорошее настроение. Он коренастый, крепкий, круглолицый, светлый шатен, начинающий лысеть. Он смеется, показывая свои широко расставленные зубы. Спасибо, мой капитан, без вашей эффективной помощи, я никогда бы не добрался до Парижа 15 мая.

Позже, когда я встретился с Ж. Девевром и его женой во время синхронизации некоторых сцен фильма, она смотрела на меня волком из-за моего бегства, в то время как режиссер рассматривал меня взглядом бывшего военного, который оценивает по достоинству качество удачного побега.

Анжела Беленко

Театр начинается с вешалки

Ялтинскому театру им. А. П. Чехова

В театральном фойе многолюдно, шумно и празднично-радостно: премьера!

Из общего ровного гула человеческих голосов периодически можно было слышать обрывки фраз:

– Вы знаете, на главную роль пробовались даже актеры из столицы, а режиссер утвердил...

– Программки, покупайте программки!..

– Васенька, у нас есть время, пойдем в буфет...

– Ну вот, я так и знал, Лена опять опаздывает!..

Прозвенел второй звонок, фойе быстро пустело.

Вежливо-строгий женский голос из невидимого динамика предупредил:

– Уважаемые зрители, после третьего звонка вход в зрительный зал прекращается. Опоздавшие могут подняться на балкон. Надеемся, что, следуя этикету нашего театра, вы уже отключили свои мобильные телефоны. Приятного просмотра!

Прозвучал третий звонок.

Запахавшись, опоздавшие зрители торопились, чтобы попасть в зал до того, как окончательно погаснет свет и бесшумно закроются широкие двустворчатые двери. Успев проскользнуть в неумолимо сужающуюся щель, они каким-то образом находили свои места в полутемном зале. Шорохи, скрип, шепот умолкли, и в наступившей тишине зазвучала увертюра. Занавес поднялся.

А в опустевшем фойе, в той части, которую каждый театральный сезон отводили под импровизированный гардероб, на вешалках и плечиках отдыхали пальто, куртки и дорогие шубы.

Театр в небольшом курортном городе с коротким зимним периодом не мог позволить себе отдельное помещение под гардеробную. Поэтому, начиная с весны, эти вешалки убирали на склад, и до глубокой осени, до первых холодов тут стояли мягкие диваны и кресла.

Служители театра, билетеры и гардеробщики потянулись к большому экрану, что висел на стене в фойе – все, что происходит на сцене, транслируется на него. Гардероб опустел.

И только сейчас, чуткое ухо могло бы уловить негромкое перешептывание вещей:

– Мой хозяин снова машину поменял! – это кожаная куртка про-изнесла.

Ей томно ответила норковая шубка:

– А моя вчера промокла под дождем в своем пальто и меня взяли неожиданно, а ведь собирались доставать не раньше первого снега! Ах, тут снег – такая редкость! Это просто невыносимо – месяцами висеть в шкафу!

С соседней вешалки голос подала ярко-розовая короткая курточка:

– А моя-то и школу со мной, и в театр. Мать ее ругает – ты бы еще спать в куртке легла! Отец меня из рейса привез, из Италии, – горделиво уточнила розовая. И добавила, решив, что ей никто не поверит:

– Пришлось языки учить. Пошили в Китае, продали в Италии, теперь вот тут... Куда еще судьба забросит...

И правда, чувствовался какой-то акцент в ее голосе.

Старое-престарое пальто, которое доставалось из шкафа только по особым случаям и давно уже требовало химчистки, прошамкало:

– Прошу прощения, уважаемые, а что сегодня дают?

Шубка, – по недосмотру гардеробщицы она оказалась рядом с этим «секонд-хендом» (так в ее окружении называли подобные вещи), – брезгливо фыркнула, безуспешно пытаясь отодвинуться от него по-дальше:

– Да какая разница? Висите себе да помалкивайте!

– Не хамите, дамочка, если бы вы знали, на чьих плечах я висело!
– невозмутимо огрызнулось пальто. – Лет сорок назад меня носил сам

профессор Т.! Сносу мне нет, так хозяин мой считает, он был водителем у профессора и, вместо прибавки к жалованию, профессор иногда дарил ему свои вещи. Вот, смотрите, даже пуговицы все на месте и карманы не дыривые! Умели шить в прежние времена, не то, что сейчас...

И пальто многозначительно посмотрело на розовую курточку, которая висела напротив. У той, хоть и новой, уже местами отпоролась подкладка и заедал замок.

– И не смотрите на меня так, – обижено воскликнула та, – меня за валюту купили и даже торговаться не стали!

Розовая хотела еще что-то добавить, но вспомнила, что на ее спинке уже начали расползаться швы, и замолчала.

Модный кожаный плащ, явно привезенный из столицы, у которого подкладка из тафты хранила запах хорошей мужской туалетной воды, миролюбиво ответил старому пальто:

– Судя по увертюре, это рок-опера «'Юнона' и 'Авось'», ставят на всех сценах, даже в провинции... Мой хозяин со странностями, – продолжил плащ, – в каждом городе, где он бывает, ходит слушать в театры эту оперу... Только ради одного дуэта «Я тебя никогда не забуду, я тебя никогда не увижу!...»

Вещи замолчали. Каждый думал о своем, старое пальто даже вздремнуло. И тут в наступившей тишине прошелестел чей-то тихий голос:

– А вот мне доводилось, господа, на сцену выходить, и не раз!

Это было старомодное дамское пальто с пелериной.

– Где я только не играло! – продолжало оно. – Ах, какие роли мне давали!

И, помолчав, уточнило:

– В основном, в пьесах Островского меня можно было увидеть. Я даже в кино снималось однажды! Меня после этого хотели в костюмерную киностудии взять, но хозяйка не отдала – она называла меня «счастливым». Ведь с мужем своим на сцене познакомилась, когда он был задействован в том же спектакле и стряхивал с меня, то есть с ее плеча, бутфорский снег. Этот молодой актер так долго его стряхивал, заглядывая моей хозяйке в глаза, что режиссер вынужден был остановить репетицию.

Зато после репетиции они ушли вместе, а после премьеры пошли кольца покупать.

– А что дальше? – спросила розовая курточка, которая, как и ее хозяйка, очень любила романтические истории.

– А дальше... Когда старые вещи в костюмерной списывали, хозяйка меня выпросила на память, принесла вместо меня другое пальто, чтобы не нарушать отчетность. Так и носит с тех пор. Она говорит, что у меня универсальный покрой, в любом веке такие шили.

Вещи переговаривались тихо, почти неслышно, но были уши, которые слышали этот разговор. Директор театра любил посидеть в полутемном гардеробе, это было единственное место, где его никто не стал бы искать. К тому же, он давно уже задумал спектакль по собственному сценарию, и сейчас мысленно сочинял диалоги.

О чем же будет спектакль? Пожалуй, я могу раскрыть вам эту тайну, дорогой Читатель, вы ведь никому не расскажите? Впрочем, вы и сами уже догадались, наверное. Спектакль будет о театре и, конечно, о гардеробе. Ведь театр начинается с вешалки!

Легенда об Икаре

(с ахейского)

Всем мечтателям посвящается

I

«Сниму с души камень,
с плеч скину гору,
возьму в руки посох,
заброшу за спину радость.
А вокруг буйство летних красок,
и тропинка петляет меж сосен,
и свет с тенью играет в прятки,
и до неба дотянуться

ничего не стоит.

А вы оставайтесь, люди,
в этих каменных склепах привычных,
если вас не тянет в дорогу,
к тишине вы глухи и в душе унылы.
Вот с востока поднимается солнце,
новый день встречает птичий щебет,
и умыт росой луг цветочный,
и дымкой затянута круча.
А мне шагать и шагать до нее,
путь неблизкий...»

II

Ах, как долго хохотали люди,
наблюдая, как Икар взлететь пытался:
к палочкам приклеив воском перья,
он, глупыш, махал руками резко,
привязав к ним эти прутья-крылья.
Долго, долго над ним потешались,
над ним и отцом его, Дедалом.
Но когда поменял он перья,
и выстругал прутья понадежней,
и залез на гору повыше,
и решился спрыгнуть с горной кручи –
он парил, как птица, все видали,
и смеяться тотчас перестали,
и завидовали молча, онемев.
Но полет тот был совсем недолог,
Икар в море рухнул, став комочком перьев,
люди молча разошлись, не в силах
для себя найти ответ, зачем – так?!
Они долго жили и плодились,
но имен их мы с тобой не знаем,

а Икар остался в наших песнях
и в стремленье ввысь, к далеким звездам!

Из цикла «Оглянувшись назад»

Есть адрес где-то в Академгородке...

Как чудесно, когда зажигается свет
и вхожу я в квартиру, родную, знакомую.
Вспоминаю предметы, которых уж нет,
и тотчас понимаю – скучаю по Дому я.
Я скучаю по Дому, который нам был
много лет самым теплым,

спокойным пристанищем.

Он все слышал, все знал, ничего не забыл,
был надежным и верным,

безмолвным товарищем.

Знал все светлые, горькие наши деньки,
и покой наш хранил, не впуская грабителей.
Как умел – защищал, как умел – сторожил,
навсегда полюбив своих маленьких жителей.
Был не просто квартирой.

То был наш резерв,
когда в двери стучались иные опасности –
голод, бедность, нужда.

Осужденье презрев,
я сдавала внаем «островок безопасности».
Уходила с детьми и шептала: «Прости!
Мы вернемся, как только возможность появится...»

...Поменять можно все – двери, окна, замки,
благодарность же к Дому навеки останется.

Середина пути

*Земную жизнь пройдя до половины,
я очутился в сумрачном лесу...*

Д. Алигьери

Земную жизнь пройдя до середины,
я постою – и оглянусь назад...
Туда, где все живые, все едины,
где голоса моих детей звенят.
Где место есть для книг и для игрушек,
где смех, возня, шалашик под столом,
где плот, сооруженный из подушек
дивана, бороздит наш дом.
Туда, где скучно просто не бывает,
где каждый рад друг другу и гостям.
И где к столу, для утреннего чая,
мы дружно тащим табуретки.

Там

скрипят-поют негромко половицы,
им вторит чайник – звонко, на весь дом.
А летом за окном щебечут птицы
и конь-велосипед уж под седлом.
Там я смогу простить, забыть, поверить,
понять и передумать...

Сгоряча

я не уйду, не стану хлопать дверью,
рубить узлы не буду я сплеча.
И письма отошлю – я их не посылала,
а с теми, кто не мил – я разминусь.
Ведь эту жизнь я в черновик писала,
еще совсем немного – и проснусь!..
Но в глубине души, там, в самой сердцевине,
прекрасно понимаю: не вернуть...

Земную жизнь пройдя до середины,
я постою – и свой продолжу путь.

Оглянувшись назад

А.Б.

Давай останемся друзьями,
на этом свете и на том,
без злобы прошлое помянем,
поговорим о том, о сем.
Давай останемся друзьями...

Нам больше нечего делить,
как в воду канули обиды,
друг друга потеряв из виду,
своей судьбы плетем мы нить.
Нам больше нечего делить...

А наши дети так похожи
и на меня, и на тебя,
что верить продолжаю: все же
мы неспроста, и все – любя.
Ведь наши дети так похожи!

25 декабря 2014 г.

Встреча с прошлым

Н.Ш.

1.

В одну воду дважды не войти,
это издавна известно людям,
но пытаемся из серых, скучных буден
отыскать в прошедшее пути.

2.

«Сибирская» есть на земле остановка,
мой ангел проделал все споро и ловко...
Одно не учел он, нам встречу давая,
что время прошло я сегодня другая.

*– «Не с тобою мне чернику собирать,
не с тобой цветы в веночек заплетать.
Ай-люли, ай-люли, не с тобой,
ай-люли, ай-люли, не с тобой!»*

Пятнадцать лет минуло, мы поменялись,
и все наши встречи в прошедшем остались.
Но ангел мой, ручки свои потирая,
довольный уснул, ни о чем не вздыхая.

*– «Не с тобою мне чернику собирать,
не с тобой цветы в веночек заплетать...»*

Я знаю, что души у нас побратимы,
мы оба чувствительны – в этом едины.

Нам ангелы встречи дарили веками,
а дальше мы сами, а дальше мы сами...

– *«Не с тобою мне чернику собирать...»*

3.

Черничное лето, черничное лето:
черника в коробке, в тарелке, внасыпку,
и йогурт в бутылке – он тоже черничный.
«Не с тобою мне чернику...»

4.

– «Цветок поставишь в вазу – будет Коля,
и чашки две, как будто рядом пью...»
С какой такой печали встреча, коли,
я к мужу возвращаюсь, в даль свою?

Мой мир привычный и давно решенный
не зашатался. Надо ль говорить:
ты, явно, кем-то свыше разрешенный,
морским узлом вплетенный в жизни нить.

5.

Я стихи твои читаю
и внезапно понимаю –
в них ни слова обо мне.
Нет печали и тревоги,
просто было по дороге
нам с тобой шагать в толпе.

Повстречались – разминулись,
снова встреча, улыбнулись,
даже больше – обнялись.
Родственной души смятенье,
рук сплетенье, ног сплетенье,
и восторги рвутся ввысь – дождались...

Расставание, расстояние,
SMS-ки, ожидание –
по касательной живем.
Разошлись пути-дороги,
не возникнем на пороге...
И не ждем.

б.

В пересечение времени и места
встречаем мы случайно человека,
который ждет, – как странно! – только нас.
И, если бы возможно изменить все было,
что хочешь ты исправить в прошлой жизни?
Кого убрать? добавить? чем заполнить?

Новосибирск-Ялта, 2016 г.

Из жизни салфеток

Что всегда есть под рукой, так это салфетки. Сухие, влажные, для уборки – всякие.

Как же они страдают, бедные! – ведь та же бумага, но нет, романы на них не пишут. Вытрут рот и руки, скомкают – и выбросят. Хуже жизнь только у туалетной бумаги...

Один поэт прославился тем, что писал свои стихи исключительно на салфетках, которые бесплатно полагались к его традиционной

утренней чашечке кофе в кофейне напротив дома, где он жил. Сперва экономил на бумаге, пока студентом был, потом привык. Хозяин кофейни до сих пор присылает ему ежемесячно по несколько упаковок салфеток с логотипом своего заведения в качестве презента за рекламу. Ведь первая изданная книга, сделавшая его знаменитым, а заодно и кофейню, так и называлась – ЗАПИСКИ НА САЛФЕТКАХ.

А официантка хранила все скомканные салфетки, которые поэт оставлял на столе, пока ходил в их кофейню – с набросками, рисунками, рифмами. И потом за кругленькую сумму продала их на аукционе. Теперь салфетки, под стеклом и в рамках, выставлены в местном литературном музее.

Всегда есть надежда, что ваша жизнь изменится!

Два платка

Платок первый (Новосибирск, 2000 г.)

Школа. Звонок. Конец уроков.

Толпа галдящих, возбужденных школьников выбегает на улицу. Старшеклассники демонстрируют свою взрослость, идут по коридору и по лестнице, спокойно, свысока посматривая на эту мелюзгу.

Родители первоклассников встречают своих малышей в коридоре возле класса, потирают, тянут в сторону раздевалки. Те устали, – шутка ли, по шесть уроков ежедневно с факультативами и кружками! – но рады бы задержаться, чтобы поиграть, обменяться игрушками: за день так и не наговорились, десятиминутных перемен не хватает на это. Но бдительные родители для того и пришли сюда на перехват, чтобы поскорее забрать, увести, разобрать их по домам – за пределами школы свои кружки, секции, студии, не считая домашних уроков.

Одной из последних появляется девочка, за которой обычно приходит седовласая, но еще не старая женщина, бабушка или няня. Она не нервничает, не торопит свою девочку, не начинает с первого же момента спрашивать ее об оценках. Обычно она стоит в сторонке, а не рвется в толпу родителей-перехватчиков.

Девочка выходит из класса, находит ее взглядом на привычном месте и, не торопясь, подходит к скамейке у окна, садится, а потом вдруг ложится на скамейку – укатали сивку крутые горки! Женщина смотрит на лежащую девочку, затем, ни слова не говоря, снимает с плеч пуховый платок, сворачивает и подкладывает под голову девочки, мол, полежи, отдохни, детка.

Эту сцену я наблюдала в новосибирской школе много лет назад, когда ожидала моего задержавшегося мальчика (не помню, то ли дежурным был, то ли задание записывал и вышел последним). Обычно мы с ним торопились. Вернее, торопилась я – обеденный перерыв на работе не резиновый, а нужно еще домой доставить сына, проследить, чтобы поел и за уроки сел, до вечера хоть в черновике все написал. Поэтому обычно я его поторапливала и особенно по сторонам не смотрела, кто, кого и как встречает.

В тот момент я была занята исключительно запоздавшим сыном, и смысл увиденного в коридоре дошел до меня только в автобусе по дороге домой. Это было как вспышка – осознание нашей суетливой жизни, постоянной нехватки времени и, как результат, задержанные дети, нервные родители, крики и слезы. И образ этой женщины, которая откуда-то знала, что не нужно подгонять, торопить ребенка, что все успеется, все будет сделано вовремя. Что самое главное – сохранить хорошие отношения с ребенком, чтобы запомнились ему такие вот моменты на всю жизнь.

Сколько лет прошло, а забыть не могу.

Платок второй (Ялта, 2015 г.)

Начало весны. Утро. Воздух после ночи холодный, ветер дует совсем не ласковый.

Я вышла на улицу, спускаюсь по лестнице. Внизу на площадке вижу пару – старушка и худощавая, стройная женщина стоят лицом друг к другу. Та, что помоложе расстегивает ворот на пальто у пожилой и, сняв с себя платок, укутывает ей шею, утепляет.

В это время я поравнялась с ними и услышала фразу: «Стой, не крутись!»

Это адресовано старушке.

Я продолжаю спускаться по лестнице, но увиденная сцена захватила и не отпускает.

Еще раз я вижу эту же пару спустя какое-то время, когда стою на остановке в ожидании своего автобуса. Они переходят улицу, идут медленно, держась за руки.

Мама и дочка? Бабушка и внучка? Неважно, когда-то роли были другие, и много лет назад одна другой тоже укутывала шею и говорила: стой, не крутись.

Я смотрела вслед этим двум незнакомым женщинам и меня пронизывала удивительная нежность, и горло сдавило, и слезы навернулись.

Поддавшись импульсу, я почти бегом устремилась за ними, едва взглянув на свой автобус, который в это время появился из-за угла. Я успею, не беда, лишь бы они согласились выслушать меня.

Их нетрудно было догнать, они шли медленно, осторожно ступая, обходя неровности асфальта. Я окликнула.

Женщины приостановились, обернулись. В Ялте местные жители всегда охотно останавливаются, чтобы помочь приезжим – показать дорогу к морю или остановку автобуса. Все же это были мама и дочка, вблизи я разглядела.

Я поздоровалась, извинилась и рассказала о том, что видела их на лестнице и что меня эта сцена потрясла. И еще о том, что моей мамы уже со мной нет и я не могу о ней позаботиться. И что она обо мне заботилась много лет, а мне выпало быть рядом с ней, немощной, всего-то шесть недель.

Смотрю, у них глаза полны слез, я сама вот-вот расплачусь. Попросила сделать фото на память, для себя. И они не отказались.

*«У прохожих на виду
маму за руку веду.
Мама маленькою стала,
мама сгорбилась, устала,
мама в крохотном платке,
как птенец в моей руке...»
Григорий Gladkov, «Мама»*

Михаил Линецкий

Эсперанто? Эсперанто... Эсперанто!!!

Вам знакомо это слово? Нет? Да, но не знаете, что оно обозначает? Я сейчас постараюсь вам помочь. Начну с главного – это язык, международный по умолчанию, так как он ни для кого не является родным. Так же, как и все остальные языки, он является инструментом, средством общения между людьми, только этот язык предназначен для людей, который говорят на разных языках.

Сама идея создания такого нейтрального языка известна уже очень давно. Историки каким-то образом узнали, что еще Александр Македонский, в процессе завоевания многих стран, заметил, что в каждой стране люди говорили на своем языке. И он сделал вывод, что было бы неплохо, чтобы был еще один язык, общий для всех, на котором жители разных стран могли бы общаться. С тех времен пытливые умы в разных странах делали попытки создания нейтрального языка. Сейчас известно, что таких проектов насчитывается около 1000.

Из этого количества проектов только один язык достиг уровня полноценного языка, другими словами, он практически годится для всех сфер человеческой деятельности и это доказано практикой. Это язык эсперанто. Если сомневаетесь – попробуйте проверить это на своем опыте, но для этого его нужно, как минимум, выучить...

Что, уже страшновато? Начинаю успокаивать.

Во-первых, эсперанто базируется на грамматике, состоящей из 16 коротеньких правил. Я видел эту грамматику, размещенную на тыльной стороне визитки...

В 1887 году в Варшаве, на русском языке (Польша в то время входила в состав Российской империи), поступила в продажу скромная 40-страничная брошюра формата А5. Как автор был указан «Д-р ЭСПЕРАНТО». В нем были те самые 16 правил, словарь и история возникновения языка.

И вот для вас небольшой экскурс в грамматику.

Элизер (Лазарь) Заменгоф

Правило № 9 (нравится абсолютно всем): *каждое слово читается так, как оно написано*. Другими словами каждой букве соответствует один звук и никаких буквосочетаний, никаких транскрипций и прочих неприятностей... Правда здорово?

Если к корню **telefon**– прибавить окончание «-о», получаем существительное (кто? что? – **telefono**), если заменить окончание «-о» на «-а», получаем прилагательное **telefona** (какой? – телефонный), если к корню прибавить окончание «-е» (э), получаем наречие (как? каким образом? – **telefone, по телефону**), меняем «-е» на «-i» получаем инфинитив, глагол в неопределенной форме (что делать? – **telefoni**, звонить по телефону) и т. д.

А вы заметили, что мы уже читаем на эсперанто? Мы с вами только что от одного корня **сами** сделали четыре слова! Эсперанто создавался именно для легкого изучения и комфортного пользования.

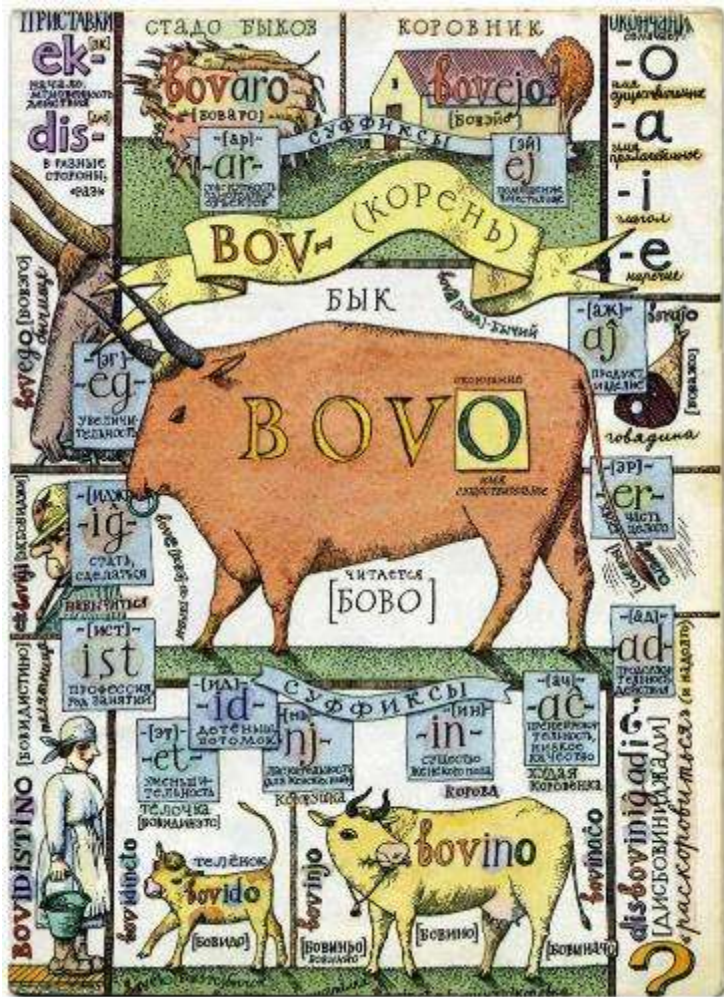

Иллюстрация из детского журнала «Трамвай», № 6, 1990 г.
(статья С.Тимохина об эсперанто)

Во-вторых, словарный запас вам уже знаком на 30-40%, так как все слова иностранного происхождения, которые есть в русском – здесь, а если вы, даже поверхностно, знакомы с французским, немецким или английским, задача еще больше упрощается... Алфавит – латиница... Чтобы уйти от буквосочетаний, используются надстрочный знак «^»: *ĉ* – ч, *ĝ* – дж, *ĵ* – ж, *ĥ* – х, *ŝ* – ш, *ŭ* – у (краткое, как в слове аудитория). Помните, как

пишется на английском фамилия Хрущев? Khrushchev. А на эсперанто – Ĥruŝĉev...

В-третьих, основываясь на двух предыдущих пунктах родилась следующая формула: на изучение эсперанто нужно столько же месяцев, сколько лет нужно вам для изучения любого национального языка на том же уровне. При помощи словообразующих элементов, – суффиксов, приставок и окончаний, – в эсперанто от каждого (!) корня можно самостоятельно (!) образовать от 20 до 100 слов. Можно и гораздо больше, я пробовал. Кстати, в русском языке максимальное количество однокоренных слов – 17.

Возвращаясь к словарю из первого учебника – в прилагаемом словаре было всего 917 корней, казалось бы, очень мало для полноценного языка. Но ведь это были только корни, и, как я писал выше, от каждого корня можно образовать 20 слов и больше. В результате эти корни преобразуются почти в 20000 слов, а к примеру, словарь пушкинских произведений состоит из 12,5 тысяч слов. Теперь подумайте, 917 корней – это много или мало?

Еще немного о грамматике. Важно то, что все, уже изучившие этот язык, будут вас понимать! Да, это правда, потому, что вы использовали известные всем корни и словообразующие элементы! Вот эти словообразующие элементы: суффиксов около 30, 9 приставок и 11 окончаний. И что интересно, из этого количества окончаний 6 – глагольных, это настоящее, прошедшее и будущее время, повелительное, условное наклонения и неопределенная форма глагола. И никаких родов, склонений, спряжений – только эти 6 форм! Для сравнения: в русском языке глагольных окончаний – 167, в английском – 384, в немецком – 646, во французском – 2256! Это с учетом рода, склонения, спряжения плюс времена!!!

Вот наглядный пример простоты и логичности языка.

В эсперанто-колонке таблицы использован один корень «manĝ-» (связанный с едой), 10 суффиксов, 3 окончания, а в результате – 14 слов! Обратите внимание на «разнообразии» в национальных языках...

№	Эсперанто	Английский	Русский
1	manĝo	a meal	еда
2	manĝi	to eat	кушать
3	manĝaĵo	food	блюдо
4	manĝejo	canteen	столовая
5	manĝujo	manger	тарелка, миска
6	manĝilo	dining utensil	то, чем кушают
7	manĝilaro	dinnerware	посуда
8	manĝebla	edible (not poisonous)	съедобный
9	manĝinda	edible (worth eating)	блюдо достойное съедения
10	manĝema	gluttonous	любитель покусать
11	manĝeti	to nibble	перекусить
12	manĝeto	a snack	перекус
13	manĝegi	to gorge	объедаться
14	manĝigi	to feed	кормить

Вы еще не забыли, что эсперанто, по умолчанию, является международным языком? Ведь он вненациональный, нейтральный, он не принадлежит ни одной стране, ни одной нации – одинаково для всех он выученный (!). Важно, что никто не может вам указывать – так можно, а так – нельзя! Выучите эти 16 правил, какое-то количество корней, научитесь пользоваться словообразующими элементами, и вы – равноправный (!) участник диалога или беседы с людьми, которые не знают язык, на котором вы обычно общаетесь дома... Если вы даже очень прилично выучили

английский, будете ли вы абсолютно комфортно чувствовать себя во время разговора с англичанином?

В-четвертых, естественный вопрос: а сколько же людей в мире, которые используют эсперанто?

Встречный вопрос, а сколько людей вам нужно для общения? 5, 10, 50, 100? По самым скромным подсчетам примерно 2–3 миллиона землян более или менее активно использует этот язык для общения. Вам достаточно? Эсперантисты есть практически в каждой стране – они тоненьким слоем покрывают всю планету Земля.

Кстати, эсперанто хоть и был создан 135 лет назад, но продолжает развиваться, как любой национальный язык, вбирая в себя новые слова, современные термины и понятия, при этом сохраняя свою основу и правила словообразования. Эсперанто не распался на диалекты, вопреки мнению скептиков, как сделали это национальные языки. За этим следят члены Академии эсперанто. И еще этому препятствуют довольно богатая оригинальная и переводная литература и многочисленные международные встречи. В них участвуют от нескольких десятков до нескольких тысяч эсперантистов из десятков стран. В течении года проходят примерно 100–150 международных встреч эсперантистов на всех континентах.

Первый всемирный эсперанто-конгресс прошел в 1905 году во французском городе Булонь-сюр-Мер, в котором приняли участие 688 эсперантистов. На нем были приняты гимн и флаг международного движения эсперантистов – на зеленом полотнище белый квадрат с зеленой пятиконечной звездой.

Почему зеленый? Зеленый цвет – цвет надежды, на эсперанто надежда – *espero*. *Esperanto* переводится – тот человек, который надеется, надеющийся. Отсюда и псевдоним Заменгофа – он очень надеялся, что его язык будет способствовать взаимопониманию, что приведет к миру во всем мире... Но, как показывает история и настоящее время, не все зависит от языка.

Но давайте будем говорить о хорошем. И вот свежий пример: в августе 2023 в итальянском городе Турине на 108-й Всемирный конгресс эсперанто собрались около 1500 человек из 69 стран. В программе было все: научные конференции по экономике, экологии, астрономии, культуре, а по вечерам – богатая культурная программа с концертами. И что важно – на этих международных конгрессах нет ни одного переводчика, каждый понимал каждого! Свободное общение – это и есть один из главных принципов эсперанто! В 2024 году Всемирный эсперанто-конгресс впервые пройдет в Африке, в Танзании. Если кого-то это заинтересовало, спешите – это реально и выучить эсперанто, и посетить Африку...

В апреле 2024 года планируется провести уже 24-й Израильский Конгресс Эсперанто. Ожидается приезд также и зарубежных гостей, но все зависит от ситуации. Вообще в мире проходят примерно по 150 международных встреч эсперантистов в год. Существует интернет-ресурс, в котором есть данные по всем этим встречам.

Хотите присоединиться? Зайдите на сайт lernu.net или на бесплатные языковые курсы «Duolingo» – и учите. Сейчас по этой программе учат эсперанто почти 300 тысяч человек на всех пяти континентах. Я уже не раз встречал людей, которые выучили эсперанто на довольно хорошем

уровне благодаря дистанционному курсу.

А после этого – добро пожаловать на любую международную встречу, на которой все говорят на одном, понятном всем языке. При необходимости я могу оказать помощь в изучении эсперанто с использованием Skype, Viber, WhatsApp – в редакции есть все мои координаты.

В-пятых. Я уже упоминал о существовании литературы на языке эсперанто. Естественный вопрос: а является ли он литературным языком?

Да, и вот доказательство: с 1993 года в международном литературном Пен-клубе есть эсперанто-секция, которой руководит венгерский писатель Иштван Немере ([István Nemere](#)). Он родился в г. Печ – венгерский романист, эсперантист и переводчик. К маю 2018 года он написал и опубликовал 701 книгу, из них более двадцати романов в оригинале написанных на эсперанто. Несколько из написанных на эсперанто книг переведены на другие языки.

Выдающийся эсперантист, поэт, писатель, переводчик и бард – Моисей Бронштейн из г. Тихвина, Ленинградской обл. (родился в г. Хмельницкий, Украина). О нем можно писать бесконечно много, но я ограничусь только его переводами и только знаменитостей: А. Пушкин «Граф Нулин», «Избранное» (издано к 200-летию поэта), Б. Пастернак «Люди и события», И. Бродский «Из ниоткуда с любовью 1–2» (с личного разрешения автора), С. Лукьяненко: «Ночной патруль 1–2–3», «Рыцари сорока островов», «Мальчик и тьма», Д. Рубина «Белая голубка Кордовы» (с личного разрешения автора), О. Мандельштам «Я вернулся в город», почти все книги братьев Стругацких: «Пикник на обочине», «Обитаемый остров», «Улитка на склоне», «Далекая радуга», «Второе нашествие марсиан», «Понедельник начинается в субботу», «Сказка о тройке», «Жук в муравейнике». Есть несколько книг, написанных М. Бронштейном в оригинале на эсперанто... И это все издано!!! К слову сказать, ежегодно на языке эсперанто издаются сотни книг, учебников, журналов по всему миру. Ну как, довод принимается?

Кроме того, что эсперанто является международным языком, он еще и мультикультурный. Эсперантисты в лице Дениса Кифа стали инициаторами проведения ежегодных Фестивалей языков в разных странах, на которых знакомят единомышленников и всех желающих со своей

страной, стараются донести свои культурные ценности: фольклор, национальную литературу, обычаи...

Думаю, что вы уже не удивитесь, узнав, что существует не только переводная, но и оригинальная эсперанто-культура. В первую очередь, это стихи, а положенные на музыку, это песни на самые разные темы: лирика, баллады, шуточные, даже политические. Хочется упомянуть замечательный дуэт «Жомарт + Наташа» из Швеции (родились в Казахстане), без которого не обходится ни одно крупное эсперантское мероприятие... Существуют несколько театральных групп. Например, польско-сербский кабаре-дуэт «Зеленый банан» («Verda banana») и др.

Если все вышенаписанное вас впечатлило, и вы захотите нырнуть поглубже в феномен языка эсперанто – при желании найдутся и возможности, да?

И, напоследок – Л. Н. Толстой: «Времени на изучение этого языка требуется так мало, а отдача столь велика, что грех не сделать этой попытки...».

Прислушайтесь к мнению авторитета!

Тоннель Сен-Готард¹

Оригинал на эсперанто – Рето Росетти. Перевод – Семен Вайнблат.

Из швейцарского Айроля вьется вдоль долин и поля
Огибая гор отроги, лента длинная дороги.
Километров эдак тридцать, кружит, мечется, змеится.
Из Айроля путь несложен – здесь людьми тоннель проложен,
Он как луч стремится к свету, прям, как дуло пистолета.
Путь вверху кружит, как белка, а туннель внизу, как стрелка.
Люди в древности не знали, как пройти тот путь скорее –
Приходилось по спирали целый день плестись потя.

---

¹ Сен-Готардский тоннель или Готардский тоннель – железнодорожный тоннель в Лепонтинских Альпах длиной 15 км, соединяющий швейцарские города Гёшенен и Айроль, часть Сен-Готардской железной дороги. Открыт в 1882 году.

Человек своим дерзаньем эту гору пробуравил...
Я задумался в молчаньи, и на миг себе представил:
Будто нация – долина, а традиция – вершина...
И ползет дорогой дальней вверх язык национальный...
Эсперанто – словно выстрел, все традиции ломает,
Путь тоннельный, легкий, быстрый он народам предлагает!
Он готов служить народам, разве стыд вас не терзает,
Что традициям в угоду человек в горах блуждает?

Фрида Шутман

Стихи

Душа художника

Мне тесно в одной ипостаси,
И хочется много сказать,
Перо может выразить, разве,
Всю мира сего благодать?

Поэтому стоит добавить
Мне кисти и радуги краски...
Наверно, удастся представить,
Как мир наш велик и прекрасен?

Любуемся мы красотой
Полей, рек, заоблачных далей...
И хочется очень, не скрою,
Чтоб мы ничего не теряли.

Конечно, мы помним про звуки,
От птичьей свирели до грома...
Смех радости, плач от разлуки,
Нам многое в жизни знакомо...

Гармония вечной Вселенной!
Умений людских не хватает,
Чтоб выразить ночью и днём,
Как души в эфире летают...

Космическая Одиссея

Я путешествую в мирах,
Где все пространство беспредельно,
Где астероиды прицельно
Планеты превращают в прах.

Кометы, словно вертихвостки,
Снуют в галактиках, резвясь.
И, оставляя чудо-вязь,
Метут хвостами перекрестки

Тех неопознанных дорог,
Что нам узнать еще придется;
Ведь человечеству нейдет
Превысить скорости порог.

И вот, в межзвездном зазеркалье
Возникнет дивная планета,
Во многом будет лучше этой,
Где жизнь проходит по спирали.

Прощай, Земля! Урок суровый
Преподала ты на века нам...
Теперь неведомые страны
Нас ожидают в жизни новой...

Космос и мы

Манят нас космические дали
Тайной неразгаданных глубин.
Вместо надоевшей пасторали
Встретить бы пейзажи из машин...

Гвозди пусть заменят там иголки,
Шестеренки станут там цветами.
И стальные в ряд застынут елки,
И дубы из меди с желудями.

Крепко, вечно жить на той планете,
Где металл и камень правят балом.
Только на Земле за все в ответе
Человек из биоматериала.

Тянутся в неведомое люди,
Шифр пытаюсь разгадать из кварков;
Что со всеми нами скоро будет,
И каких нам ждать извне «подарков»...

Тесно стало в Солнечной системе...
Ищем мы межзвездное Нибиру¹.
И давно понять хотим в сверхсхеме,
Как прийти к желаемому миру.

Космический ветер

Ветер, не будь суровым –
Пойми, что не мой каприз:
Где-то в Галактике новой
Звезды не падают вниз...

Лет световых миллионы –
Неведом мне их предел.
В вечность летят фотоны,
Ты этого сильно хотел.

---

¹ Нибиру, (*шумер.* «место пересечения, переправа, центр») – космогоническое понятие шумеро-аккадской мифологии.

Ветер, космический ветер,
Задача твоя нелегка.

Кто же за все в ответе?
Пуля, срази стрелка!

А на Земле есть рассветы,
Подобные взрыву звезд.
Нам представление это
Привиделось в мире грез.

С вечера до утра

Надело небо ночи изумруды.
Луна бледнеет, стыд свой пряча в тучи...
А звезды из галактик дальних груды
Своей влюбленных вечной тайне учат ...

Напрасно сумерки сражались с солнцем желтым;
Им победить его удастся лишь на время.
Ночь-колесница набирает обороты;
Уносит вдаль забот дневное бремя.

Вздыхает ветер, вспоминая страны,
Где он летал без усталости свободно.
А ночь печатью-дымкой океаны
Накрыла от пришельцев инородных.

Туман густой от сумерек остался,
Заботливо прикроет утру плечи.
Звезд хоровод танцует в небе сальсу...
Луна грустит и ждет вечерней встречи.

Мой космос

Космос далекий и близкий,
Космос высокий и низкий.
Космос манящий и грозный,
Рано туда нам иль поздно?!
Вечною манит загадкой,
Жить на Земле ведь не сладко...
Что же нас ждет в Зазеркалье?
Снова мы будто в опале...
Тихо пронзают нейтрино
Мир, как гвоздем ржавым шины.
Ветер космический дует;
Небо Ван Гога рисует.
Где-то в мирах первозданных
Падает, падает манна...
И дискотеки на звездах...
Рано туда нам иль поздно...
А в параллельных вселенных
Прошлое наше нетленно.
Судьбы вершатся «свыше»,
Бродят котами по крышам.
Наши любимые с нами
Смотрят за облаками.
Где-то на дальних планетах
Помнят про то и про это...
Логика звезд непонятна;
Светят в своих аппаратных
Кванты, фотоны и кварки.
Тесно в коллайдерах, жарко...
Космос мой, сжался, молно...

Город будущего

(По эссе Велимира Хлебникова «Мы и дома»).

Там, где жили прошлецы,
Строить станут бюджетляне,
На большой одной поляне
Старой жизни беглецы.

Город сверху словно щетка,
Мы, сидящие в седле,
По дороге как в петле,
Победим дома-трещотки.

Город старый же смешон:
Он похож на междометье...
И в любое лихолетье
В амбразуре из икон.

Прихорашивайте крыши!
Город жителей крылатых,
Он сейчас, а не когда-то
Выйдет из удобной ниши.

Крыша станет мостовой
Для свободного полета,
Будетляне, а не кто-то
Путешествуют толпой.

И бросая на лету
Укоризненные взоры,
В говорильнях разговоры
Заведут про простоту.

И построят дворцеулы
Господа улицетворцы.
Город новый, быстро стройся
Не в дома, а в градоулы!

Из Тайлора Кента Уайта (перевод с английского, 2 варианта)

Рожденная светить

ночью одной
ты была лишь звездой
некто тебя одарил
всем, чем мог
                  страстным желаньем
                  заветной мечтой
свесив гирляндами
с нежных рук, ног

если сомнения гложут порой
что некрасива совсем, неумна
вспомни:
созвездия стройной стеной
грудь обрамляют, царевна луна
в сердце твоём, а солнечный свет
тихо струится сквозь кожу твою

звездная пыль уже тысячи лет
играет космосимфонию.

Симфония звездной пыли

Когда во Вселенной
царила ночь,
Была ты одной
из множества звезд,
Создатель собрал
                  с миллионов верст
Мечты и надежды,
                  тебе чтоб помочь.

И если порою
мучает мысль
О том, что померкла твоя красота,
Пусть повторяют твои уста,
Глубокий заложен в тебе смысл:
Созвездия
                  – своды твоей груди,
Луна это сердце,
а солнечный свет
Струится сквозь кожу тысячи лет
Звездной пыли симфонией
тебе чтобы быть.

Влади Смолевич

Ритикара

Байга, бежавшая впереди, остановилась. Подняла голову, заострила ушки, тело напряглось. Ее озабоченность передалась бежавшей следом Троске, которая также остановилась и повернула морду в ту же сторону, в какую смотрела Байга.

Что-то увидели. Или учуяли незнакомый запах. Но не побежали вперед, а остановились, словно ожидая реакции хозяина.

Димир аккуратно снял с плеча ружье. Не просто так они остановились, впереди кто-то есть. Не медведь, на него бы они реагировали иначе. И не олень, который тоже не безобиден. И не россомаха, у которой зрение не хуже, чем у собак, она бы завидев их, спряталась на дереве, и собачьи взгляды отслеживали бы ее там.

– Аху, аху, – подбодрил он.

Они бросились вперед, но без лая, словно увиденное или почуянное где-то впереди, между деревьев не пугало, а только настораживало.

Собаки дружно перепрыгнули через распластавшийся на земле полусгнивший ствол могучей некогда сосны, и разразились призывным лаем – звали хозяина. Не потому, что завидели добычу или опасность, а потому, что не знали, как реагировать на увиденное.

Димир поспешил.

Среди сосен, на усыпанной хвоей земле, лежала бездвижная молодая женщина.

В секунду подскочил к ней и наклонился. Прикоснулся пальцами к шее – жива ли? Почувствовал ритмичные импульсы и резко поднялся.

Женщина, да еще городского вида, одна в лесу, за десятки километров от ближайшего жилья? Откуда взялась?

– Троске, след, – скомандовал он. Собака молодая, но толковая, нюх отличный, быстро покажет, откуда эта женщина пришла.

Собака сразу поняла, что требуется. Подошла к лежавшей на земле женщине, с сожалением посмотрела на нее и рысцой побежала на юго-запад, туда, откуда тянулась цепочка следов, которые Димир мог

рассмотреть и без собаки. Велел Байге охранять лежавшую женщину и побежал за Троске. Там могут оказаться другие люди, которым помощь важнее, чем этой женщине, которая худо ли бедно, но дышит.

Через несколько минут Троске привела его к Вельме, небольшой речке, петлявшей меж деревьев. Песчаный берег Вельмы хранил следы, оставленные женщиной. Вот место, где она вышла, нет, выползла, на берег. Отпечатки ног и рук перемешивались. Тут она первый раз попыталась стать на ноги, но не получилось, рядом отпечатки рук: упала. Встала, должно быть, собрала остатки сил, и пошла вперед, то есть – куда глаза глядят. От этого места – в какую сторону ни иди, до жилья за сутки не дойдешь и на крепких ногах. А она – городская, куда ей. Более никого не было.

Димир побежал назад, к лежавшей на земле женщине. Потом разберемся, откуда она.

Прикоснулся к ее одежде: мокрая насквозь. В реке искупалась. Что ли, через реку вплавь, прямо в одежде рванулась? Или с лодки упала? А лодка откуда? Выше по Вельме ни одной деревни нет.

Он быстро раздел женщину, отметив про себя, что молодая и красивая. Городская барышня, конечно, не замужня, кто жену в такую даль одну отпустит? Оставил в одном белье, которое – так уж и быть – не тронул, чтобы эта барышня, если очухается, не обиделась. Белье было непонятное, тонкое, чуть ли не прозрачное, смысла никакого, разве такое согреет?

Снял с себя кафтан и стеганку, которую тут же натянул на барышню. С тела, теплая, пусть погрееся.

Из рюкзака достал мешок, в который он давеча шишки кедровые собирал, и натянул ей на ноги. Не Бог знает, что, но лучше, чем в мокрых штанах. Бечевою обвязал мешок, получилась какая-то несуразица, но кому какое дело? В лесу не до красоты. Лишь бы живым остаться. В прошлом году он нашел околешнего мужика. В лохмотьях, тощ, как после тифа. Должно быть, каторжный. Как его только волки не съели? Димир похоронил его и Начальнику рассказал. Тот, однако, интереса не проявил, хоть и в книгу о страшной находке записал.

– Если бы мне кто прислал, что человек пропал, я бы пошел

освидетельствовать, может это тот, кого ищут – объяснил он. – А если не ищут, значит нет человека. Ибо если есть человек, то он к какому-нибудь делу приложен. Вот ты, например, к лесу приложен, что велено охранять, казенное жалование получаешь. Каторжник – и то к своей каторге приложен, о нем полный отчет должен быть. Дед, по многости лет своих с печи не слезающий, к дому своему, к семье приложен. Ежели – не дай Бог – пропадет – баба всполошится, дети кругами забегают. А тут – никто не всполошился. Значит, ни к какому месту не приложен был. А что за человек, который ни к какому месту не приложен? Что есть, что нет.

Начальник говорил долго и умно. Димир слушал его внимательно.

Одежку этой женщины руками выкрутил и в рюкзак засунул. Туда же и ботиночки ее положил. Странные ботиночки, никогда таких прежде не видел. Из полосок тонкой кожи сшитые, часть полосок черные, часть белые. Димир умел обувь шить, пусть не слишком красивую, но удобную, но никогда бы ему в голову не пришло делать обувь из двух кож. Подошва толстая, с зубцами, из чего сделано – непонятно. А еще странно, что крестика на шее не было. Какой же веры она?

У женщины вещевого мешок небольшой на плечах был, но Димир решил его не брать. Без этого ее не просто будет на себе тащить, до избы версты четыре, никак не меньше. А женщина не маленькая, с него ростом, пуда на четыре потянет.

Сначала нес ее на руках – под плечи правую руку подсунул, под колени – левую. Но быстро понял – так далеко не уйдет. Опять же, голову сложно поддерживать. В конце концов перебросил ее через плечо, как куль, и понес.

Временами останавливался, клал ее на землю, отдыхал. Годы уже не те. Но о главном – донести живой – помнил. И это торопило егоуще прочего.

Дома уложил ее на лавку у печи, раздел догола и растер тело самогоном, который специально для подобных случаев берет. Затем укутал одеялом, а сверху еще – медвежьей шкурой. Печь как следует растопил, а одежду ее сушиться повесил.

В сарае, что возле дома стоял, были шесты длинные заготовлены. Если составить вместе, то макушка выше любого дерева будет. А значит,

ее издалека усмотреть можно.

Начальник регулярно свои владения объезжает. Едет важно на коне, в бинокль английский, что из самого Лондона, посматривает. Заметит над лесом шест с широкими лентами цветными и тут же поймет: это от Димира сообщение. Две красные ленты и одна черная означают – приходи, дело есть. Да что Начальник! Об этих символах все местные знают, если кто увидит – тут же Начальнику расскажут. День, два – и появится хозяин края. Пусть разбирается, откуда посреди леса барышня городская взялась.

Начало темнеть, и Димир заторопился. Нарубил сосновых лап, приятно пахнущих хвоей и смолой, и повесил их на веревку, натянутую перед лавкой. На каждую из лап прикрепил красную ленточку. Злые духи не пройдут сквозь такую преграду. А добрым это нипочем.

Перед тем, как лечь спать, дал собакам побегать. На ночь он их запирает дома. Целее будут. Хоть и собаки настоящие, злые, с такими хоть на волка, хоть на медведя можно, но мало ли, каким боком охотничье везение повернется? Против стаи им не устоять.

Спал Димир чутко, и потому еще накануне рассвета услышал, что гостья его заворочалась. Поднялся, зажег свечу.

Тусклый свет озарил избу, и он увидел, что гостья его сидит на кровати, прижав к себе одеяло.

– Ой! – сказала она, когда их взгляды встретились. – Где я?

Голос слабый, но в то же время звонкий. Димиру он понравился.

– У меня дома, – ответил он ничего не объясняющим предложением. – Тебя как звать?

– Ритикара.

Подивился Димир такому чудному имени, но ничего не сказал.

– Кто вы? Лесник?

– Пожалуй, что так. Ты как в лесу одна оказалась?

– А где моя одежда?

– Здесь она. Должно быть, уже высохла. Ты как в речку угодила?

Барышня не ответила, лишь жадно протянула руку, когда он поднес ворох высушенной одежды. Схватила ее и жалобно посмотрела на него. Димир понял: не хочет, чтобы он видел, как она одевается.

– Мне на улицу надо, – объявила барышня.

– Зачем?

– Ну-у-у...

Он понял. Достал из-под кровати ночной горшок и протянул ей.

– Пока не ходи. Тебя вон ветром качает. Я отвернусь.

Димир пользовался ночным горшком постоянно. Выбегать ночью до ветра – потом не уснешь долго, а когда снег выпадет, то и холодно.

Ритикара смутилась, но горшок взяла.

Димир отвернулся, паузу потратил на то, чтобы одеться. Боком прошел к печи и растопил ее. Поставил чайник.

– Я тебе сейчас чаю с малиной и травами сделаю.

– Дедушка, – спросила Ритикара, – а зачем здесь ветки с ленточками?

– Злых духов не подпускать. Они до больных охочи, зло принесут.

Откуда ты?

Некоторое время она молчала, словно обдумывала, что сказать?

– Вы меня в лесу нашли?

Голос слабый, но чувствуется, что певучий. И говорит как-то странно. Вроде бы слова обычные, а звучат по-другому.

– В лесу, – подтвердил Димир.

– Далеко отсюда?

– Версты четыре.

И снова она над чем-то задумалась.

– Вы про речку говорили. Что за речка? Я что, в реке плавала?

Ну и дела! Не помнит!

– Речку ту Вельмой звать, и ты в нее прямо в одежде угодила. Вылезла, и пошла куда глаза глядят. Через пару сотен шагов упала.

– Вы видели? – ахнула она.

– Не видел, по следам понял. Собакам спасибо скажи, они тебя нашли.

– Река большая?

Что у нее на уме – один Бог знает. Какая разница? Как повезет: в большой реке выплывешь, а в луже утонешь.

– Да нет. В том месте, где нашел тебя – шагов десять в ширину.

– Куда она впадает?

Странная барышня. Еле в живых осталась, а она за речку волнуется.

– Куда природой велено, туда и впадает. В Тунгуску впадает, ты за речку не беспокойся, не заплутает. За себя подумай.

Вскоре Ритикара пила малиновый чай из оловянной кружки и расспрашивала Димира о жизни в лесу. Все ей в диковину было, слушала чуть ли не раскрыв рот. А он старался изо всех сил – давно ему не попадался столь благодарный слушатель.

– А семья ваша где? – не унималась барышня.

– Уж пять лет, как померла моя Саяра. С тех пор и живу здесь. А дети – в Вильмо.

– Что же не женитесь во второй раз?

– Стар я жениться. Шестой десяток разменял.

– Шестой десяток? Значит, вам еще нет шестидесяти? Какое же это «старый»? Вы мужчина в расцвете лет. Только нужно побольше ухаживать за собой. Питаться правильно и регулярно, дом содержать в чистоте, одеваться красиво. Дом – это не место, куда переночевать приходят, а там, где вас ждут.

Красиво и складно рассуждала Ритикара. Наивно, словно ребенок, но слушать было приятно. У Димира даже настроение поднялось. Вспомнил, что давно собирался в Вильмо сходить. Детей, внуков повидать. Поселок небольшой, но есть настоящая парикмахерская, где мастер голову приведет в порядок и бороду подстрижет, чтобы было ладно.

Если дожидаться первого снега, то совсем просто до Вильмо добраться будет. На лыжах, если выйти с рассветом, к концу дня дойти можно. Начальник отпустит, Димир каждый год ему много подарков приносит. Сухая ложка рот дерет.

Вскоре Димир заметил, что у Ритикары начали слипаться глаза. Он попытался накормить ее, предлагая все, что у него было. Она согласилась только на кашу из репы с медом, кедровыми орешками и луком, да и той съела чуть-чуть. Потом Димир обкрутил ей шею красным шарфиком, что невестка из собачьей шерсти связала.

– Он целебные свойства имеет, – пояснил старик. – От болезней

спасает.

Свистнув собак, ушел в лес – проверять тропинки, что ведут за кордон. С известных времен заводские повадились ходить туда, и это – несмотря на сплошные вывалы леса, которые приходилось преодолевать. Может, и эта девица за кордон собиралась?

Вроде бы над таким посмеяться можно – в легких ботиночках, в которых городские барышни по проспектам гуляют, через тайгу не пойдешь. И без оружия. А если волк, или даже медведь? Местные, бывалые, знают, как поступать в таких случаях, но и те без ружья в лес стараются не ходить. А эта городская барышня что делать при такой встрече будет? Побежит, и на том конец ее будет. Волк всегда бросается за убегающим, натура у него такая.

Нет, не одна она была в лесу. Были и другие, крепкие, понимающие, с оружием. Зачем барышню с собой взяли – один Бог знает. Потом то ли поссорились, то ли какая иная беда приключилась, но итог – вот он: одна в лесу. Не встретил бы ее – околела бы. И еще заметно, что отвечать на вопросы не любит. Он не будет настаивать – Начальник приедет, разберется.

Димир проверил тропинку, что через сопку идет, а потом спустился к волчьей ложбине. Ни там, ни там свежих следов не было.

Появилась иная мысль – а что, если они на лодке против течения пришли? Конечно, если за кордон, то они по Вельме лишние десять верст отмахали. Очень даже может быть. Люди чужие, заплутали по неопытности. Потом лодка опрокинулась, и все ко дну пошли. Одна только барышня выплыла.

Пусть дознаватели разбираются. А ему эта барышня даже приятна. Солнце уже перевалило за полдень, когда он вернулся в избу.

Ритикара сидела на кровати, закутавшись в медвежью шкуру. Красный шарфик она завязала красивым бантом. Но вид больной, утром выглядела лучше.

– Болит что? – спросил он с порога.

Она кивнула. Но объяснять, что именно, не стала.

Димир предложил ей сушеного мяса в меду. Она долго колебалась, в конце концов согласилась, но съела лишь маленький кусочек. Зато

охотно пила чай из трав.

– Товарищи твои в реке утопи? – как бы невзначай спросил Димир. Уж очень хотелось ему узнать, как она сюда попала.

Ритикара оставила в сторону кружку с чаем.

Думает, что ответить. Если бы хотела честно сказать – ответила бы без промедлений.

– Дедушка, у меня за плечами мешочек на ремешках был?

То, что ей надо, помнит.

– Был. Я его там оставил. Хоть и не тяжел, но нести и тебя и сидор для меня тяжеловато было. В дороге иголка тяжела.

– Вы то место запомнили? Найти его можно?

Наивная девчонка. Это для городских лес что-то темное и непонятное. Он в лесу ориентируется так же, как городской житель в своем доме.

– Отведите меня туда, – попросила барышня жалобным голосом.

Взгляд жалобный, вот-вот слезы потекут.

– Туда? – возмутился Димир. – На тебя смотреть кисло, больная насквозь. Да и на что тебе тот сидор? Золото, что ли там?

Полагал, что его слова о золоте будут встречены хихиканием. Но Ритикара оставалась серьезной.

– Не золото, но для меня то, что там, дороже золота. Лекарства там. Съем – вылечусь. Не съем...

Голос задрожал. И паузу хорошую прибавила, помогая догадаться Димиру самому, что будет, если она не доберется до своих лекарств.

– Не дойдешь, – сказал он, но уверенности в голосе уже не было. Барышня с характером.

– Мне главное – туда попасть. Доберусь до своих вещей, приму лекарство, и через час буду, как огурчик.

Последнее сравнение Димир не понял. Должно быть, так в городе говорят.

– Сам схожу, – неожиданно для себя самого сказал старик. – Принесу твои лекарства. Негоже, чтобы ты долго болела.

Собаку взял с собой одну – Троску. А Байгу в избе оставил – пусть барышню сторожит.

Дорогой думал: крепкая барышня. Вчера без сознания лежала, а сегодня уже готова за своим добром через лес топать. И еще проблему для себя решал Димир: а дозволяется ли ему заглянуть в тот сидор? Хотя бы одним глазком? Вдруг там что-то необычное? И тут же какой-то внутренний голос возражал: это на воровство смахивают, не твои вещи. «Какое же воровство?» – отвечал сам себе Димир. «Посмотреть – не украсть. Я в чужой дом через окошко могу заглянуть? – Могу. Разве это воровство? Ничего не взял, просто посмотрел».

А еще дорогой вспоминал – как ловко она увернулась от вопроса про утопших товарищей. Безразличны они ей? Или обиду какую затаила?

Сидор был на том же месте. Висел одиноко на суку, куда он его вчера повесил. Тогда Димир на него внимания не обратил, а сейчас рассматривал внимательно.

Ткань тонкая, но добротная, шелковая должно быть. Не веревки, а ремешки подшиты, чтобы плечи не резали. По длине регулировать можно, как ремень для брюк. Покрутил, и вдруг увидел нашивку с буквами незнакомыми.

Вроде бы «Р», да чего-то еще хвостик добавлен. А последняя буква вообще, как змея изгибается.

И вдруг вспомнил. Да такие же буквы он на бинокле начальника видел! Английские буквы!

Вот тебе и чудное имя, и странный выговор, и ботинки такие, каких он прежде не видывал! Английская барышня. Что же она тут делает?

Сидор он распахнул с такой уверенностью, словно Начальник послал его специально для этого.

Большой кусок ткани. Четыре шкатулки из кости разных размеров, простых, без резьбы и всяческих украшений. Металлическая фляга. Во внутреннем кармашке – нож в ножнах, но небольшой, с таким на охоту не пойдешь. В другом кармашке – коробок спичек.

Димир достал одну из шкатулок и попытался открыть. Не для того, чтобы что-то взять себе – это было бы воровство, а так, посмотреть любопытства ради. Не получилось. То, что крышка есть, видел – линия стыка хорошо видна, но не нашел, на что нажать, чтобы открылась. Можно было топориком, который всегда при нем, попробовать, но тогда следы

останутся, ежели вообще не разлетится вдребезги. Кость – вещь хрупкая, грубой силы не понимает.

Закинул сидор поверх своего вещмешка и пошел назад. Дорогой про Англию думал. Начальник рассказывал, что земля богатая, все там строго по закону, и что корабли ихние по всему миру плавают, и все, что плохо лежит, к рукам прибирают.

Получалось, что не зря она здесь оказалась. Посмотреть, нет ли тут чего такого, что плохо лежит, чтобы английскому королю об этом рассказать. Наверняка за кордон ехали – посмотреть, что там такое? Слухи о необычности того места до короля ихнего дошли, вот он и отправил людей посмотреть. И барышню потому взяли, что кто на нее плохо подумает?

А вот что она дальше делать будет – вопрос? Ближайший поселок – Вильмо, но до него два дня топать надо. И то, это для него два дня, знающего все дорожки и тропинки. А кто чужой, дороги не знает, – заблудится, а то и хуже – в болото угодит. Плюс звери. Сейчас осень, звери сытые, за лето жир нагуляли, но кто знает, что у встречного волка на уме? Да и что ей в той Вильмо делать? До города, где железная дорога проходит, по речке от Вильмо две недели. Занятная складывается ситуация.

Оставшуюся часть пути размышлял: рассказать о своих соображениях Начальнику, или нет? Барышню жалко: если вдруг обнаружится, что она занималась недозволенной деятельностью, в острог упекут.

Пусть лучше у него остается. Будет с ним в избе жить. Он тогда не с собаками по вечерам будет разговаривать, а с человеком. Будет рассказывать, где был, что видел, а она будет удивляться и смотреть на него широко открытыми глазами. Затем обед вкусный подаст и про жизнь английскую расскажет. А он книги покажет, что у него есть, и расскажет, что в них написано. Он не как другие, в школе учился, читать и писать умеет. Начальник его за это ценит и другим в пример ставит. Надо ей объяснить, что остаться у него – это самое лучшее для нее. Конечно, не город, смешно сравнивать, однако же и не острог, куда ей прямая дорога. А Начальнику, если появится, расскажет, что заходила какая-то баба незнакомая, да ушла.

И стал слова подбирать нужные, чтобы у этой барышни сомнений не было: ей у него поселиться надо.

Прежде, чем зайти в избу, Димир шест с лентами опустил и

разобрал. Никого он более не зовет к себе.

Открыл дверь и оторопел. Пол в избе блистал влажной свежестью. Вымыт, да так, как, наверное, его никогда не мыли. В избе светло, окошко сияет так, словно солнышко прямо за ним. А на кровати Ритикара довольная сидит и со смешинкой на него смотрит. Кончиком шарфа пальцами играет.

– Ты... Ты что это? – только и выговорил Димир.

Вот про что она говорила прежде! Показала, что значит избу в чистоте содержать. Такой чистоты он, пожалуй, и при Саяре не видел. Байга не на полу возле вязанки дров лежит, а на тряпке. Он однажды в городе, в господском доме такое видел. Собачка там маленькая – куда ей до Димирских – на подушке шелковой лежала.

Пол такой чистый, что идти по нему боязно стало. Потоптался на месте, да и снял сапоги волчьей кожи и поставил рядом с дверью, один подле другого.

– Вам обувь для дома надо купить, – сказала Ритикара. И, спохватившись, добавила: – Или сшить. Ноги отдыхать будут.

То, что ноги без сапог отдыхают, он и без нее знал. Но рассказывать об этом не стал.

Барышня схватила свой сидор с нетерпением, тут же вытащила одну из шкатулок и с легкостью раскрыла – он даже не понял – как? Крышка была открыта так, что ему не все было видно, но кое-что заметил.

Бумаги там лежали. И коробочки маленькие. Барышня покопалась в них, выбрала нужную, раскрыла и вытащила пилюлю белую. То, что это лекарство, он сразу понял. Барышня тем временем другую коробочку раскрыла и вторую пилюлю в рот отправила, на этот раз – оранжевую.

– Вот, – объявила она. – Через два часа здоровая буду.

– И что делать будешь? – с замиранием в сердце спросил Димир.

– Домой пойду, – беспечно ответила Ритикара.

– Где дом твой? Горячка твоя, видать, еще не прошла. До ближайшего города две или три недели топать, и то, ежели дорогу знаешь. Сгинешь ни за понюх. И то, идти тебе надо так, чтобы всякую казенную хату обходить. Ибо за версту видно, что ты чужая. Любой начальник остановит, чтобы выяснять, кто ты и откуда ты? Не будет при тебе нужных бумаг

– в острог посадит. Дознание устроит: «В одиночку сюда не добратесь. Так где сотоварищи твои? Как посреди тайги оказалась? Без харча, без ружья, без одежды теплой. Преступление было. Либо тебя сотоварищи на погибель бросили, либо...»

Смолк Димир. Хотел сказать, что это, может она сама сотоварищей порешила, да не решился. Уж никак Ритикара не была похожа на такую, что на смертоубийство решиться может.

– Ты вот что: оставайся у меня. Здесь, тебя никто не тронет. Поживешь тут – на мир смотреть по-другому начнешь. Лес – он многому учит. А я тебе одежду, обувь новую справлю, ибо в той, что у тебя, далеко не уйдешь. С начальником договорюсь, мы с ним почти что приятели. Завтра он придет, увидишь.

– Откуда ты знаешь, что он завтра придет? – насторожилась барышня.

– Позвал я его вчера. Так и так, сказал, у меня гостя, хочу познакомиться.

Глаза Ритикары испуганно забегали, словно она не находила, на чем остановить взор.

– Как же? Ведь у тебя нет... – она оборвала фразу на середине. Димир торжествовал.

– Вот как оно получается. Не хотела говорить, как попала сюда, а придется. Расскажешь, тогда и я скажу.

– Я на воздушном шаре прилетела, – быстро сказала Ритикара. – Знаешь, что это такое?

– Отчего же не знать? Слышали.

– Шар в лесу приземлился, я вылезла из корзины, чтобы привязать его к сосне, но как только спрыгнула на землю, шар рванул вверх. Я попыталась остановить его, схватилась за свисавший канат, но меня подбросило вверх так сильно, что не удержалась и сорвалась. Прямо в речку. Остальное ты знаешь.

Димир задумался. Вроде бы складно. Унесло ее сотоварищей, и теперь они Бог знает где. Только с чего это ее сотоварищи на столь серьезное дело – шар привязывать – барышню отправили?

– Куда вы летели?

– Вокруг света. То есть, в Америку.

Про Америку он слышал. Есть такая земля за морями, за долами. Только брешет она. До Америки никакой шар не долетит. Потому что уже осень, и по ночам холодно. А будет еще холодней. Окоченеют они в корзине воздушного шара. Видел Димир на картинке, как выглядит такая корзина. Точно, как настоящая: сплетена из лозы, щелей полно, продувать будет. А костер там не разведешь – хворост на земле остался.

– Сколько же до Америки лететь? – спросил он, не подавая виду.

– Месяц, – тут же ответила она.

– Окоченеют твои сотоварищи за месяц. Третьего дня утром лужицы были ледком подернуты. А через месяц уже снег будет.

Ритикара спорить не стала, и уверять, что с ее сотоварищами нечего случиться не может – тоже.

– Сколько их было? – осторожно спросил Димир.

– Трое, – не отрываясь от своих мыслей бросила Ритикара.

– Поживи здесь до зимы. Я тебе соболей на шубу настреляю, одену, как принцессу. А потом лыжи сделаю и пойдем вместе до Вильмо. Мне на зиму разрешается уходить. А как лед сойдет – по весне – до города большого по речке поплывем. Сначала – на лодке, потом – на пароходе. Я при деньгах, жалование получаю. И тебя никто не остановит. Ибо будут видеть – ты не сама по себе, а со мной. А я на казенной службе, мне всюду дорога открыта.

– Принцессу, – повторила барышня, думая о чем-то другом. А Димир подумал – вот сказал он про соболей, а зачем? Чего бабы на соболей падки? Медвежья шуба куда лучше. Тяжелая, конечно, зато в ней никакой мороз не страшен. А еще важно, что если – не дай Бог, конечно, – какой зверь нападет исподтишка – такую шубу прокусить непросто.

– Так ты лесником служишь? – оторвалась от своих мыслей Ритикара.

– Так точно, кордон охраняю.

– Давно?

– Пятый год. Тут большие пожары были, а как кончились, кордон поставили, чтобы люди на пожарище не ходили и всяких недозволенностей оттуда не приносили.

– Каких недозволенностей?

– Кто же его знает? Начальник велел – если кто что-то такое с пожарами тащит, чему назначение объяснить не может, задерживать, и то непонятное, что есть, отбирать. Только оттуда ничего, кроме головешек обгорелых, не тащили. Да и те только в первое время заняты были – в темноте светились, хоть вместо свечи на ночь ставь. А потом светиться перестали, должно быть, прогорели до полного окончания. Но люди ходят, и не всегда возвращаются. Поэтому и велено не пущать.

– От чего пожар был?

– Неведомо. Но много леса выгорело. Вот и поставили кордон – следить.

– Зимой пожары не бывают?

Димир покачал головой. Бывают, конечно, да небольшие и редко очень. Мороз лучше воды любой пожар гасит.

– Вот и получается, что тебе – с какой стороны ни посмотри – лучше всего здесь оставаться. Начальник возражать не будет.

А сам представил, как Начальник усы крутить будет: «Ты, я вижу, шустер, своего не упустишь. Какую девку себе отыскал! Справишься ли?» И головой качать будет.

Справится ли? Да она сама сказала, что он не старик, а мужчина в расцвете лет. Ну и что, что внуки есть? Двое всего, и те маленькие. Он смотрел на Ритикару героем-победителем. Она поняла.

– Мне подумать надо.

Сложила вещи в ситор, положила рядом с собой на кровати и укрылась с головой медвежьей шкурой. Пускай. К новому, каким бы оно ни было, даже приятным, привыкнуть нужно.

На ужин Димир снова достал кусок вяленого мяса в меду. Приправил его ясенником, чесноком и сушеными грибами. Разлил по кружкам настойку из голубики.

– Это из лесных ягод, от болезней исцеляет, – пояснил Димир.

Ритикара попробовала.

– Вкусно, – и вдруг сменила тему.

– А почему у вас лошади нет? Ведь вы должны большие расстояния покрывать. На ногах тяжело.

– Кормить чем? Лошади овес нужен, сено. Не просто с лошадьё в лесу.

– А велосипед? Есть такие, что на них по лесу можно ездить.

Велосипед он только на картинке видел, и потому недоверчиво покосился на девушку. Она спохватилась.

– Это я только слышала. Сама не видела.

Много знает.

– А в Лондоне ты была? – осторожно спросил Димир. Пора узнать, что за буквы были не ее вещмешке.

– В Лондоне? – этот вопрос ее почему-то удивил. – Конечно.

– Красивый город?

– Очень, – она словно обрадовалась вопросу, и следующие полчаса он слушал рассказ о Лондоне. Там все так здорово, так красиво, так продуманно, что ему даже захотелось в этот самый Лондон. Можно запросто выйти на прошпект, одетым так, как у них там принято, и встретить короля. Димир тут же представил, как отвечает королю глубокий поклон и тот отвечает уважительным кивком головы, из настоящей благосклонности.

И еще подумал, что нет, не останется она здесь. После Лондона какая здесь жизнь! Умрет от скуки. И он вернулся к тому, о чем говорил.

– Я тебе верное дело говорю. Оставайся со мной до снегов. А как зима наступит – это через пару месяцев – отведу тебя в Вильмо. А по весне сядем на пароход...

И вдруг словно голова у него закружилась от неожиданной мысли: может, она его в этот самый Лондон возьмет? По железной дороге это рукой подать, за неделю, говорят, в любой край попасть можно. И покажет она ему город, который такой огромный, что из конца в конец цельный день идти надо. А еще говорила, что в Лондоне поезда под землей ходят. Он не поверил – кто же это поезд под землю затащит, но пометку в памяти сделал: разобраться, на что намекала.

Настроение у Ритикары постепенно улучшилось. То ли пилюли, которые она проглотила, подействовали, то ли мясо с медом помогло. А может, настойка из голубики тому виной.

– Спасибо тебе, Димир, – неожиданно сказала Ритикара. – Ты мне

жизнь спас, и я об этом до конца дней помнить буду. Но... Тебе другая женщина нужна, не я. Спасибо за заботу, за то, что готов везти меня за сотни верст, но завтра... Завтра воздушный шар вернется, и я улечу. А ты уходи с этого кордона. Ты человек любознательный, общительный, заботливый. Тебе среди людей жить надо.

Озноб пробежал по телу Димира, хоть в избе вовсе не холодно было.

– Как это вернется? Его ветром унесло, – сказал он машинально, хотя хотел говорить вовсе о не о том: не другая баба ему нужна, а она! Нет ему шестидесяти, по закону может жениться!

– Он такой, что возвращается. Я помашу ему шарфиком, и он вернется. Тем шарфиком, что ты мне дал. Он волшебный, вот увидишь.

Замер Димир. Смеется что ли?

Спать они отправились по прежним местам: она на лавке у печи, а он – на лежаке в углу. Ничего, природа возьмет свое: день-два – и сама к нему под одеяло залезет. А если что – он готов с ней и в город переехать. У него казенная пенсия есть, а если к ней еще и заработок какой прибавить – скажем, привратником при городском учреждении, то можно прожить безбедно. Но было в ее словах и пугающее. Настроена уехать и открыто говорит об этом. На всякий случай Димир ружье около себя на лежаке пристроил. Собакам велел сторожить гостью.

Ночью Димиру снился Лондон. Устроен он был очень необычным образом: широкие улицы, мощенные булыжником, длинные дома, не то в три этажа, не то в четыре – он не мог понять, а на крышах домов сосны, ели, пихты. Вдоль улиц прорыты огромные траншеи, и по ним ездят поезда. Самих поездов не видно, лишь клубы дыма, вырывающиеся из паровой трубы, указывают на поезд. Он подошел к такой траншее и увидел, что поезд где-то далеко внизу, а труба у паровоза невероятно длинная, если рядом поставить собранный шест, на котором он вешает сигнальные ленты, то они, пожалуй, ровень будут.

Подъехал поезд и обдал его клубами дыма, дышать стало нечем. Димир бросился бежать, ноги его невероятно удлиннились и стали гибкими, словно тряпочными. Он смотрел на них с удивлением и не понимал, как теперь ходить на таких длинных, мягких и неуклюжих ногах.

Придумал стать на руки, но едва попробовал, как все вокруг перевернулось, и он полетел в ту самую траншею, где был поезд. Он закричал и от собственного крика проснулся.

Сквозь оконце пробивался свет. И не первый свет утренней зари, а свет полного солнца. Рассвело давно. Изба была наполнена неприятным запахом. Он вскочил, окинул жилище быстрым взглядом и остолбенел.

Посреди избы на полу лежала Байга. Рот раскрыт, полон слюны, включенной в пену. Стеклянные глаза смотрят в стену. Чуть в стороне – Троска. И у нее также рот полон пены, но один глаз открыт, а другой, который почти у пола, закрыт.

Димир опустился на колени перед собакой. Потрогал морду, прикоснулся к телу: чуть теплая. Значит, околела недавно.

Глянул на лавку у печи. Пустая, одеяло и шкура медвежья отброшены в сторону. Нет Ритикары.

И тут же страшная догадка озарила его: это она отравила собак! Они не давали ей выйти, вот и отравила!

Раздался звук выстрела. Потом еще один. Неподалеку. Димир, схватил двустволку, и как был – в подштанниках и рубаше бросился на звук выстрелов.

Шагах в пятиста от избы увидел Начальника, склонившегося над бездыханной лошадей, распластавшейся по земле.

– Уб-била, сука! Мою Муху убила... – голос и руки Начальника дрожали.

– Кто???

– Подъезжаю я к твоей избе, вдруг вижу – вдали баба какая-то бежит. Одета по-чуждому, в портках синих, кафтан не кафтан белый, простоволосая. Я то и крикну ей – а ну, стой! А она пуще припустилась, вижу, на ходу что-то из своего вещмешка достает. Я не сообразил, а она поворачивается и в мою сторону что-то направила, не понял, что – не ружье и не пистолет. И выстрела не было. Только покатила моя Муха кувырком. Я соскочил кое-как, да и шмальнул в ту бабу пару раз, да, чую не попал, руки дрожали. Глянул, а у Мухи, Мухи...

Раскрытый лошадиный рот был полон пены. Стеклянные глаза смотрели в ту сторону, куда бежала Ритикара.

От того места, куда скрылась Ритикара, донесся громкий хлопок. Димир странно посмотрел на Начальника и неожиданно для них обоих зарорал, что было мочи:

– Стой!!!

Сорвался с места и побежал в ту сторону, откуда звук пришел. Не разбирая дороги, оббивая босые ноги о торчащие из земли корни, продавливая босыми ногами тонкий ледок на попадавшихся ему лужах.

– Ритикара, не надо! Не уходи! – кричал он на ходу, не задумываясь над тем, – слышит кто-нибудь его слова, или нет?

Ласточкой взлетел на пригорок, к той из сосен, кора которой была оцарапана картечью. Здесь была Ритикара, когда Начальник в нее стрелял. Откуда был хлопок?

И тут он увидел Ритикару. Она была почти рядом, шагах в двадцати, на малюсенькой полянке. Но... Уже не в знакомой ему одежде, а в странном светлом балахоне, кажись, из той ткани, что была в ее сидоре. Хотел было подскочить к ней, но Ритикара, заметив его, закричала столь отчаянно и пронзительно, что он остановился.

– Не подходи!!!

Голос ее дрожал, но был столь сильным и требовательным, что Димир замер на месте.

– Прости... Прости меня! За все прости. За собак прости. Не выпускали они меня. А я... Я не отсюда, мне возвращаться надо, иначе беда будет. Я из другого... Не могу объяснить, не поймешь. Я из другого времени. У вас тут недавно с неба... упало... что-то, хотела посмотреть, но ошиблась немного во времени, прости. Ты замечательный...

И вдруг осеклась на полуслове. Накидка ее словно огнем подернулась.

– Не смотри!!! – более отчаянного крика Димир в жизни не помнил. Но смотреть на Ритикару, даже если бы и хотел, уже не мог. Вся накидка ее светилась столь сильным светом, что поневоле зажмуришь глаза.

Возник на мгновение громкий звук – что-то среднее между хлопком и взрывом. Следом волна горячего воздуха отбросила его на землю.

Димир тут же проворно вскочил, опираясь на ружье. Открыл глаза.

Полянка была пуста. К привычным запахам леса добавился такой, какой обычно после грозы бывает.

Димир поднял голову, осмотрелся и вдруг почувствовал, именно почувствовал прежде, чем заметил, что на одной из веток огромной сосны, что была рядом, есть что-то такое, чего не должно было быть. Присмотрелся.

На высохшей ветке дерева висел красный шарфик.

Михаил Язмир

Амака и Байкал

Укромное и удобное место мы нашли на краю низкой, но сухой террасы на берегу Байкала, в десяти метрах от прибойной полосы. Тихая погода и спокойный плеск набегающих на берег невысоких волн располагали к задушевной беседе. Бригадир оленеводов, эвенк Виктор Шангин, геохимик Володя Дворкин и я расстелили на земле брезентовый тент. На него поставили пару бутылок водки, эмалированные кружки, миску с нарезанным хлебом, холщовый мешочек с кусковым сахаром и по банке тушенки на каждого. Общую картину дополнили чайник на костре и... черная лохматая крупная, с овчарку, собака. Ее поместил прямо против меня на тонюсенькой привязи Шангин.

Мы уже стукнулись кружками, когда собака начала выразительно указывать в мою сторону своей мохнатой лапой.

– Смотри, Михайль! – с сильным эвенкийским акцентом и со смехом обратил мое внимание Шангин, – Амака познакомиться хочет. Позьми его лапу, Михайль, не бойся.

С опаской я протянул руку псу и пожал его переднюю конечность. После этого обряда, для закрепления дружбы, я наложил тушенки на ломь хлеба и этот бутерброд предложил Амаке. Он с достоинством принял подавание, обнажив при этом уже немолодые, но внушительной величины пожелтевшие зубы. Никогда ни до, ни после этого случая я не встречал взрослой собаки, которая при первом же знакомстве по своей инициативе предложила бы мне свою дружбу.

Амака (с эвенкийского – медведь) носил на своем теле следы героического прошлого. Его широкий лоб нависал над маленькими угрюмыми непрозрачными глазками. Одно из широко расставленных стоячих ушей было разорвано.

Почему эта обычно нелюдимая собака сделала для меня исключение и объяснилась мне во внезапно вспыхнувшей симпатии – до сих пор мне непонятно, впрочем, так же как малообъяснимыми остаются и человеческие симпатии и антипатии вообще...

В лагере эвенки держались особняком. Их чум, олени, собаки расположились на покрытом оленьим мхом склоне близлежащей сопки. Геологи, наоборот, предпочли поставить палатки возле речки, где вдоль поймы хватало травы для шестерки лошадей. Амака держался ближе к чуму, где под его началом оказались две молодых эвенкийских собаки Матрос и Вор. Обнаружилось, что Амака почти не лает, зато его юные кобельки заливались днем и ночью по любому поводу...

По служебной необходимости я ежедневно навещал оленеводов, и каждый раз Амака подбегал ко мне потереться об ногу или руку. Однако к другим членам отряда Амака относился холодно и даже враждебно.

Особенно он невзлюбил Гошу, нашего конюха и по совместительству повара. И это несмотря на то, что Гоша всячески старался угодить собаке – таскал для Амаки аппетитные мослы с хорошими кусками мяса, пытался говорить с ним в ласковом тоне. Ничего не помогало. Дело дошло до того, что мне приходилось сопровождать Гошу если ему необходимо было поговорить с оленеводами. Шангину даже пришлось привязывать пса возле чума. Но и в этом случае Амака, завидев Гошу, злобно облаивал его отрывистыми хриплыми звуками. В конце концов Амака-таки добрался до Гоши. По-предательски тихо и сзади он напал на конюха, когда тот как-то вечером направлялся к лошадям подкормить их овсом...

Нечто общее объединяло бывалого охотника и его стареющего друга. Шангин, с его иссиня-черными раскосыми глазками, с его ненавистью к принуждению, с его звериным ощущением тайги, со своей природной жестокостью и приступами злобы, был в то же время одарен незаурядным чувством пространства и рукой художника. Жаль, что его рисунки диких зверей остались вне поля зрения художников-анималистов. Поговаривали, что он отпрыск богатого шаманского рода... Амака каким-то неуловимым образом воспринял скрытую темную сторону непредсказуемой природы своего хозяина. Их дружба напоминала дружбу солдат, не раз спасавших друг друга на поле боя...

В конце августа для отправки очередной партии проб и образцов и отчета о проведенной работе я вышел из тайги на базу отряда в деревню Горемыка. Она стоит на восточном высоком берегу Славного моря, как называют озеро Байкал местные жители.

Ранним утром следующего дня мы с моим помощником отправились по тропе над обрывом к Байкалу в правление местного колхоза. Однако прошли мы только пятьдесят метров, когда увидели лежащую на тропе собаку. Со студеного синего морского простора дул пронизывающий ветер, но собака, перегородившая тропинку возле забора в нескольких метрах от байкальского обрыва, не свернулась клубком от холода, а лежала как-то неудобно. Ее огромная голова покоилась на передних лапах, а задние ноги располагались необычным образом, безвольно вытянутые вдоль тела.

Я позвал собаку в дом. Она подняла голову. В ее ясных коричневых глазах светилось понимание и просьба о помощи; упершись передними ногами, собака сделала попытку подняться в рост, но задние ноги не послушались ее, и она рухнула на землю в исходное положение.

Такой красавец-кобель! Молодой, мощная широкая грудь, невысокие стоячие уши над широким лбом, густая песочного цвета с большим белым пятном на груди плотная шерсть, толстые мощные ноги. Его печальное положение вызывало сочувствие. По дороге в контору мой помощник Густав определил, что собака эта – ездовая лайка и что ее болезнь неизлечима.

К полудню, закончив дела в колхозной конторе, я зашел к ветеринару и описал ему встреченную лайку.

– Этот кобель бесхозный, – сообщил ветеринар. – Видно, он пришел с восточного баргузинского берега по льду во время гона и остался в Горемыке. А обезножила его собачья чумка, болезнь такая.

– И что, вылечить уже нельзя? – спросил я почти без всякой надежды.

– Почему нет? Можно! Вот порошки, вот витаминные таблетки. Если сумеешь скормить, через недельку-другую собака будет на ногах.

Байкала, так мы называли собаку, мы с Густавом перетащили под навес перед бревенчатой избой, где размещалась наша база, и принялись за лечение. Через каждые четыре часа он получал лекарство и витамины, запрятанные в хорошие куски мяса и рыбы. Плюс к этому он хлебал суп с нашего стола.

Он пошел на поправку на удивление быстро. Уже через два дня он

начал шевелить ногами, на четвертый день попытался приподниматься, затем ковылять, подтаскивая задние ноги, а через несколько дней – ходить и даже бегать!

И вот наступил торжественный день – день выхода в тайгу на поисковые участки. Шесть тяжело нагруженных завьюченных лошадей и еще шесть человек сопровождения вытянутой в длину колонной двинулись по единственной деревенской улице в сторону леса, начинающегося сразу за околицей. А впереди Байкал! Гордый, с высоко поднятыми головой и пушистым хвостом.

Наш выход переполошил все собачье население Горемыки. Караван, следуя вдоль деревни пересекал районы, «принадлежавшие» разным собачьим группировкам. При этом каждый раз из подворотен вылетало по несколько псов и все они неслись к Байкалу! Однако тот не реагировал на их истерический лай и продолжал невозмутимо шествовать посреди дороги. И только в тех случаях, когда кто-то из псов приближался ближе незримой, но ощущаемой Байкалом линии, он беззвучно обнажал свои огромные белые клыки, и собаки отлетали от него в каком-то ошеломлении.

Знакомая набитая тропа шла через наполненные солнцем сосновые боры, и таежная собака радовалась встрече с тайгой, как с родным домом. Она постоянно то исчезала в чаще, где иногда раздавался ее низкий хриплый лай, что свидетельствовало о ее встрече со зверем, то появлялась в нашей колонне, чтобы засвидетельствовать нам свое почтение.

И вот, уже на закате солнца, мы спускаемся в долину Дельбиндинды. Уже видны палатки, а в отдалении, на подъеме в гору, и эвенкийский чум. Как встретит Байкала эвенкийский медвежатник Амака? Однако прибытие в лагерь не было омрачено стычкой между ними. Возможно, в это время Амака находился вместе с Шангиным на охоте? А может быть, собаки не почуяли друг друга из-за дальности расстояния между расположениями палаток и чума? Так или иначе, усталые после перехода и устройства таежного быта, мы поужинали на скорую руку и легли отдыхать.

Ранним утром разошлись по маршрутам. Байкал побежал с группой Густава на вершину гольца. Я пошел обследовать каньон в верховьях

Дельбичинды.

Уже в сумерках все опять собрались возле костра.

– А ты знаешь, – обратился ко мне Густав, – на высокогорной тундре Байкал пытался догнать оленей. Но тяжеловат, олени уходят, а он вязнет в проталинах. Жалко, винтовки не было, пришли бы с мясом.

– Молодец, Байкал, далеко пойдешь! – обратился я к псу. Он прыднул ушами, облизнулся и махнул хвостом, и мне была приятна его благодарная реакция...

Перед перебазировкой лагеря мне опять было необходимо выехать в Горемыку принимать новых рабочих. С тяжелым сердцем я покидал ребят и в который раз повторял Густаву о соблюдении осторожности в общении с Шангиным, а обо всем случившемся позднее я узнал уже от него самого.

После перебазировки лагеря оленеводы и геологи оказались в близких соседях. Всего этого Байкал не мог знать и после возвращения из маршрута, как всегда, смело вошел в лагерь. Здесь ему перегородили дорогу три собаки оленеводов Амака, Матрос и Вор.

Амака глухо зарычал. Байкал остановился и молча ощерился. Его густая шерсть вздыбилась, но хвост гордо, как флаг, поднялся над спиной. Первыми с истерическим визгом бросились сзади на противника Матрос и Вор. Однако мощными молниеносными ударами передних лап они были отброшены в разные стороны и трусливо, поджав хвосты, спрятались за Амакой, из-за спины которого они принялись облаивать Байкала...

Теперь Амака с непрерывным рычанием начал медленно подходить сбоку к стоящему словно монумент Байкалу. Вот опасная черта, на которой остановились дуэлянты. Оба грозно рычат, челюсти часто вибрируют, пена падает из открытых пастей на землю. Еще можно остановиться и разойтись с миром! Но нет, Амака пересек черту возможного перемирия и бросился к горлу противника. Однако его зубы лишь лязгнули в собственных сомкнувшихся челюстях, ибо он встретился не с горлом неопытного наглеца, а грудь с грудью с молодым, умелым и мощным противником.

Столкнувшись друг с другом, оба встали на дыбы. Мгновение они стояли на задних лапах, упираясь передними в грудь противника. Как

вдруг Байкал резко ударил правой лапой по задним ногам Амаки, а левой опрокинув его навзничь и тут же вцепился в горло пожилого бойца. Амака захрипел, его попытки отпихнуть тяжелого Байкала успеха не имели, он задышался.

Шангин услышав хрип Амаки, понял, что на этот раз его Михайло терпит поражение, и стремительно выскочил из чума. Сразу поняв, в чем дело, он выдернул жердь из покрытия чума и подбежал с нею к вцепившемуся мертвой хваткой в горло Амаки Байкалу.

– Помогите! – крикнул он оцепеневшим от неожиданности ребятам и стал запикивать конец жерди в пасть Байкала, вынуждая его открыть свои страшные челюсти. Пока ребята удерживали Байкала, Шангин освободил горло Амаки, подхватил злобно рычащее и храпящее животное на руки и потащил его в чум. Через несколько мгновений он выскочил из чума с карабином в руках. – Убью эта собака! – орал он. Но... Байкала нигде не было.

Когда на следующее утро Густав со своей группой отошел от лагеря к полосе работ на несколько сот метров, из леса выскочил, как ни в чем ни бывало, Байкал!

– Байкалушка, родной, где это ты бродил? Голодный, поди, вот тебе завтрак! – Ребята были очень рады встрече со своим четвероногим другом. И весь день он крутился возле них, облаивая бурундуков и белок. Однако, когда к вечеру маршрутчики подошли к лагерю, Байкал исчез снова. Теперь, когда геологи выходили на работу, они каждый раз прихватывали с собой еду для Байкала. И только в конце сезона, когда оленеводы были рассчитаны, Байкал вышел из «подполья».

Уже после выхода из тайги привязался к нам в Горемыке один охотник из Баргузина.

– Продайте, – говорит, – свою собаку. Зачем она вам в городе? Она ведь таежная. А мне она позарез нужна. Я зиму буду соболевать на Баргузине, и ей там самое место. Я ее не обижу ни кормежкой, ни дружбой. – И отдали мы Байкала в хорошие руки. Пусть радуется жизни и приносит потомство. Прощай, Байкалушка!

Но вот какая судьба под старость была уготовлена Амаке, мне неизвестно. Но, думаю, нелегкая судьба. Мне рассказывали через год, что

Шангин в пьяном виде зарезал своего собутыльника и получил пять лет тюрьмы. Вряд ли Амака пережил разлуку со своим хозяином...

Дмитрий Северюхин

Мовша Хацкелев, сын Хацкеля Мордухая, или

Гранитная палитра

В конце 2011 года в Фонд имени Д. С. Лихачева, с которым мне довелось тогда тесно и, кажется, плодотворно сотрудничать, пришло послание от некоего Виталия Городецкого из Лос-Анджелеса. Он представился как президент международной инициативной группы «Шагал–2012» (ее в основном составляли весьма уже пожилые эмигранты из инженерной среды Ленинграда) и предложил совместно провести в Петербурге торжественные мероприятия по случаю 125-летия со дня рождения Марка Шагала. Ключевым событием цикла юбилейных событий, по его мысли, должна была стать установка мемориальной доски на доме, где он жил в течение нескольких лет.

Марк Шагал. Я, конечно, не собираюсь пересказывать здесь биографию этого художника, сумевшего соединить в своих фантазиях такие несовместимые, казалось бы, вещи, как христианская проповедь и еврейский анекдот, симфонизм и шансон, Эйфелева башня и лачуги витебского предместья... Имя Шагала, на много лет вычеркнутое по разным причинам из анналов советской истории, было привычным в нашем культурном подполье еще в 1970-е годы, то есть задолго до «сенсационных» публикаций в перестроечном «Огоньке» (кажется, в 1987 году). Шагал – Феллини – Пастернак – Битлз – Бродский – продолжайте этот список на свой лад, друзья мои, в конечном счете он у нас примерно совпадет.

Надо ли говорить, что и я, и мои товарищи по независимому культурному движению – Александр Кобак, стоявший у руля Фонда имени Д. С. Лихачева с момента его основания, и Олег Лейкинд, его верный сподвижник, с воодушевлением восприняли неожиданную заморскую инициативу. Радовало нас и то, что, по сообщению Городецкого, его американская группа уже собрала для мемориальной доски изрядную сумму, и нам оставалось только приложить к этим деньгам свои организационные усилия. (Забегая вперед, скажу, что радость была преждевременной, и к концу

пройденного нами пути сумма затрат увеличилась едва ли не на порядок, да и эти самые организационные усилия на порядок превысили ожидаемый масштаб).

И все-таки справка о Марке Шагале. *В Петербурге-Петрограде Шагал бывал неоднократно в разные годы своей молодости (а в Ленинграде побывал и в старости) и сменил здесь несколько адресов, но дольше всего, около четырех лет с 1915 по 1918 год, прожил в доме номер 7 (квартира № 20) в Перекупном переулке, который соединяет Херсонскую улицу и проспект Бакунина с Невским проспектом. Именно сюда в сентябре 1915 года Шагал привез из Витебска молодую жену Беллу, здесь в следующем году у них родилась дочь Ида, ставшая потом его биографом.*

Речь тут идет о скромном шестиэтажном доме (он был надстроен двумя этажами примерно за год до вселения Шагала), несущем черты эклектики с едва уловимыми элементами модерна, и не выделяющемся какими-либо архитектурными красотами. Квартира же, занимаемая семьей, располагалась на третьем этаже простого дворового флигеля. Отмечу тут, что пока я настраивал во дворе свою допотопную фототехнику, некоторые из проходивших мимо местных жителей поочередно указывали мне на «шагаловские» окна, подтверждая тем самым вековую долговечность соседской памяти, передающейся от поколения к поколению.

Сотрудники Фонда имени Д. С. Лихачева, не отвлекаясь от прочих дел, коих у нас всегда хватало с избытком, с воодушевлением включились в эту вполне привычную работу. В конце концов, мемориальные доски таким «сомнительным», с точки зрения советского официоза, личностям, как Казимир Малевич, Осип Манделъштам и социолог-эмигрант Питирим Сорокин, были усилиями фонда уже установлены на фасадах соответствующих зданий и, поверьте, это было намного сложнее, нежели увековечение памяти о каком-нибудь одиозном партийце или «герое» с биографией, целиком сочиненной военными журналистами. И в этом контексте имя Шагала казалось нам сравнительно нейтральным или, во всяком случае, неспособным как-то раздражать городскую администрацию; то есть мы были полны оптимизма и не предвидели какого-либо подвоха.

Была здесь, впрочем, некая «закавыка» юридического толка. Дело в том, что пункт 2 статьи 1 Закона Санкт-Петербурга «О мемориальных

досках» (№ 706-131 от 21.11.2011) гласил: «Увековечивается память... о выдающейся личности, со дня смерти которой прошло не менее 30 лет». Добавлялось, правда, что в исключительных случаях, а именно, в отношении героев Советского Союза и социалистического труда да почему-то еще лауреатов Нобелевской премии (о ком же это, понять бы?), установленный посмертный срок сокращается до пяти лет. Беда состояла в том, что Марку Шагалу довелось прожить на свете 97 лет, и до тридцатилетнего срока со дня его смерти (1985+30=2015) пришлось бы ждать еще долгие четыре года (что, как увидите, почти так и получилось), тогда как рассчитывать на высокие отечественные награды или же на Нобелевскую премию (да причем тут вообще эта премия-то?) задним числом уже не приходилось. Однако нам удалось заручиться в этом вопросе поддержкой таких весомых лиц, как почетные граждане Петербурга: писатель Даниил Гранин (президент нашего фонда, мемориальная доска на его доме теперь уже поставлена) и директор Эрмитажа Михаил Пиотровский (он возглавит фонд сразу после смерти Гранина; а вот будет ли ему когда-нибудь доска – не уверен; достаточно уже доски в честь его уважаемого папы). Поддержала благородную идею и генеральный консул Франции в Петербурге Элизабет Барсак, мужем которой был внучатый племянник Льва Бакста – петербургского учителя Шагала (*для интересующихся: Андрей Петрович Барсак, выдающийся театральный деятель Франции, был женат на Миле Марковне Клячко, племяннице и наследнице Бакста; все они покоятся рядом на кладбище Батиньоль в Париже*).

Надлежащие письма от каждой из упомянутых знаковых персон впечатляюще (как нам казалось) дополнили собранный по сему поводу комплект установленных законом документов, отправленных на имя губернатора. Однако отклика на это послание в ближайшие месяцы не последовало, как не последовало его и на повторно засланный спустя какое-то время комплект бумаг. Высокомерные дамы из губернаторского секретариата (высокомерие – это, как известно, их должностной поведенческий код, то есть ничего личного) считали ниже своего достоинства отчитываться перед кем-либо о своем документообороте, и только из тайных источников нам удалось узнать, что городская комиссия по мемориальным доскам вообще не была назначена, как того требовал процитированный

выше закон, и стало быть, наши послания на имя губернатора попросту уходили в мусорную корзину (а лет этак через двадцать-тридцать они хорошо бы пошли с аукциона).

Между тем работа над изготовлением мемориальной доски уже шла полным ходом. К делу был привлечен замечательный архитектор и художник Вячеслав Бухаев – добродушный жизнелюбивый бурят, по комплекции едва ли не борец сумо, носящий фамилию, которой позавидовали бы многие русские. Он к тому времени получил известность как автор и соавтор многих весьма известных мемориальных сооружений в Петербурге последнего времени, включая памятник Поребрику и Бордюру близ Московского проспекта – символ единения двух российских столиц. Впечатляющий список творений Вячеслава Бухаева, составляющих совокупно каменную энциклопедию литературно-художественного и научного Ленинграда, легко отыскать в Интернете. А если уж вы хотите тут спросить меня про казус с его мемориальной доской Юрию Кнорозову, расшифровавшему письменность майя, где этот ученый изображен почему-то на фоне «Камня Солнца» ацтеков, отделенных от майя несколькими веками, – так вот этот вопрос адресуйте, пожалуйста, не художнику, а господам историкам-этнографам, коллегам Кнорозова, «прозревшим» разве только на фуршете по случаю открытия той самой доски. Нам же, людям «неточных» наук (я, конечно, имею в виду в первую очередь Бухаева и себя), прощу такие вопросы никогда больше не задавать.

Прошло, кажется, еще около полутора лет, прежде чем некоторые усилия, тайный механизм которых мне в точности неизвестен, позволили было сдвинуть работу с мертвой точки. За это время собранные нами в избытке средства (позвольте уж мне не раскрывать здесь все секреты фандрайзинга) дали возможность провести в Государственном Эрмитаже научную конференцию «Шагал и Петербург», с приглашением участников из Франции, США, Израиля и Белоруссии, и выпустить иллюстрированный сборник ее материалов, организовать в фойе Эрмитажного театра выставку «Марк Шагал – мастер *livre d'artiste*», а в частной «KGallery» на Фонтанке, дом 24 – выставку «Петербургские художники в честь Марка Шагала». Побывали мы и на устроенных с нашей же помощью «Шагаловских чтениях» в Витебске, где доложили о предстоящем в скором времени

открытии мемориальной доски в Петербурге.

На дворе, однако, был уже 2013-й год, причем он подходил к концу. К тому времени подготовленный Бухаевым расцвеченный карандашный эскиз мемориальной доски с изображением двуликого профиля «Шагал – Белла» с известного альбомного наброска 1915 года был отослан в США на утверждение внучке Шагала Белле Мейер, возглавляющей фонд наследия великого художника. Наша идея состояла в том, чтобы застраховаться от глобального закона об авторских правах, запрещающего использование чужих изображений без разрешения наследников. Надо ли говорить, что через каких-то пять или шесть месяцев вместо ожидаемого нами разрешения последовал запрет на проектируемый облик доски, что было вызвано отнюдь не финансовыми амбициями, но особо «утонченными» эстетическими воззрениями влиятельной г-жи Мейер, владелицы цветочного магазина на восточной окраине Манхэттена.

Бухаеву же по сему случаю пришлось изготовить новый эскиз мемориальной доски, исключив элементы открытого цитирования. Теперь он спроектировал примерно метровую по вертикали прямоугольную плиту, имевшую вид массивной палитры из так называемого мансуровского белого гранита с наложением кусков цветной смальты в гамме, характерной для Шагала, но без намека на какое-либо его конкретное произведение. Именно этот вариант эскиза после многомесячных согласований получил наконец визу губернатора и был утвержден Комитетом по градостроительству и архитектуре, проигнорировавшим так и не созданную Комиссию по доскам.

Параллельное многостадийное согласование (архивные выписки, доказывающие местопребывание Шагала в означенном доме в означенные годы, согласующие подписи, печати и все такое) прошла и надпись на мемориальной доске, которая в утвержденном виде звучала так: «В этом доме с 1915 по 1918 год жил художник Марк Шагал». Тут надо сказать, что наличие визирующих подписей и печатей под этой надписью не остановило многоопытного, но чересчур вольнолюбивого Бухаева сделать в ходе работы «в материале» произвольную инверсию: «В этом доме художник Марк Шагал жил...» и так далее. Надо ли говорить, что, к искреннему огорчению автора, эта его вольность привела к необходимости срочной

«перелицовки» дорогостоящего и труднодоступного камня. И не важно, что задуманная Бухаевым палитра теперь оказалась под правую, а не под левую, как положено, руку, – печать на документе, как всем известно, переделывать труднее, чем гранитную плиту.

Так или иначе, в начале весны 2014 года выстрадавшая мемориальная доска была водружена на предназначенное для нее место – на фасаде наспех подкрашенного по сему случаю дома (замглавы района тоже, к счастью, оказался поклонником Шагала и постарался изыскать на это средства) – и до времени укрыта тяжелой серой тканью. Открытие доски было назначено на 28 марта 2014 года – случайно или нет, уже не помню, но это пришлось на день смерти Шагала, хотя до круглой отметины этого печального события (как раз требуемые по закону 30 лет) оставался еще ровно год. На торжественное открытие мемориального объекта были приглашены все участники наших шагаловских мероприятий из разных стран, с которыми за прошедшие три года мы успели сдружиться, включая чуть постаревших американцев из группы «Шагал–2012», а также представители районной и городской администрации, новый генеральный консул Франции в Петербурге Тибо Фуррьер, сменивший к тому времени Лизу Барсак, литературно-художественная общественность и журналисты и, наконец, наши благородные спонсоры. Отмечу, что иногородним, включая иностранцев, был оплачен проезд и предоставлены номера в дорогом отеле «Амбассадор»; приготовлена для них была и эксклюзивная культурно-развлекательная программа.

Вдумчивые читатели моего затянувшегося рассказа, конечно, ждут счастливого финала. Терпения, терпения и еще раз терпения, мои дорогие!

13 февраля 2014 года (по совпадению – ровно в мой шестидесятилетний юбилей), в четверг, показавшийся нам тогда пятницей, то есть за полтора месяца до заявленного, во всех деталях проработанного и оплаченного мероприятия (хвала, опять-таки, спонсорам!) в Фонде имени Д. С. Лихачева раздался телефонный звонок, и я увидел, как причудливо – от багрово-красного к белому и наоборот (трижды, кажется) меняется цвет лица моего друга Олега Лейкинда. Ему звонили из юридического комитета Правительства Санкт-Петербурга с претензией по случаю

нарушения нами того самого Закона Санкт-Петербурга «О мемориальных досках» (№ 706-131 от 21.11.2011), а именно пункта 2 статьи 2, где ясно говорилось, что «в тексте на мемориальной доске указываются полностью фамилия, имя и *отчество* выдающейся личности». Олег, потерявший на короткое время силы, успел только прошептать, что вопрос об отчестве Шагала целиком возлагается на меня как на единственного в нашем коллективе дипломированного искусствоведа. Я же, прекрасно понимая, что вписать на уже установленную гранитную мемориальную доску измышленное отчество Шагала «Захарович», не имевшее никаких документальных обоснований, теперь можно разве что маркером на манер посланий на заборах, немедленно позвонил в Витебск, в родовое гнездо художника, набрав номер директора знаменитого Шагаловского музея Людмилы Хмельницкой. Я начал свой спокойный, как мне, наверное, казалось, разговор примерно так: «Люда-а-а-а!!!...» А далее кратко изложил суть обрушившейся на нас катастрофической ситуации и попросил в ускоренном порядке выдать мне выписку из метрического свидетельства нашего русско-белорусско-еврейско-французского гения. Люда, вероятно, уловив в моей скомканной речи истерические ноты, по-дружески откликнулась незамедлительно, и уже через полчаса я на основе присланного ею документа составил официальное экспертное заключение для юридического комитета. Ничего такого особенного – документ и документ себе. Цитирую в сокращении:

«Исходя из упомянутого комитетом пункта закона... и руководствуясь прилагаемой при сем выпиской из метрического свидетельства означенной персоны, я, Северюхин Дмитрий Яковлевич, доктор наук, профессор и член таких-то там творческих союзов..., рекомендую сделать на запланированной мемориальной доске следующую надпись: “В этом доме с 1915 по 1918 год жил Мовша Хацкелев Сагал, сын Хацкеля Мордухая Сагала”». Мне хотелось было тут добавить непременно с еврейской интонацией: «Таки вам это было надо?», но экспертное заключение – это не аудиозапись, интонацию к бумаге не приложишь. Однако непроизнесенный вопрос, судя по всему, и без того вибрировал в воздухе, и проблема рассосалась так же незаметно, как и возникла, убив, разве что, в наших телах какое-то количество нервных клеток. Проект, готовившийся

более трех лет, получил наконец воплощение в граните, и нам оставалось только продолжать привычный путь героев – от подвига к подвигу.

Да, забыл сказать, что интернациональный банкет в ближайшем китайском ресторане «Ни Хау» на Старо-Невском проспекте (была выбрана примиряющая всех, хотя и не вполне кошерная кухня) тоже получился весьма достойным.

Ольга Логош

Стихи

***

Наде Делаланд

Вереском светится склон
Солнце в зените
Ягелем я умоляю:
не исчезай

Барра, ирландский святой,
плывет по лугу в корабле
и достает лососей
из травы для тебя

Вести вьюрка
иль кузнечика стрекотанье
среди сухостоя степи
или здесь, на песчаной земле –
вживе вода шелестит

У корня и кроны –
пенного сока исток
Пропесоченный лист

***

что возросло для тебя:
еле слышимый звон
                                тэмари
снежных шаров

на дереве вишне

жадное тепло-ночное

свечение яблони

спешно живущей?

с кем ты будешь такой

выбирай поскорей:

в прятки вишен ночная игра –

али яблоня стану твоя

свет полуденный прямой?

***

Устав от Анто-
логии русского

верлибра

весь вечер

искала

Арво Метса

На – утро

нашла его

в не-

положенном месте

стоял

прижавшись к Элюару

синими

соцветьями –

влекомый

(диалог)

сколько солнца

нам выпало

в веке лесном

сколько

солнца играет с тобою!

обернись: с головой

накрывает покой

угодья

горами синеют!

я чужой в этой сфере

я из шерсти земной

затаился

приладился к ветру

верховой часовой

в соловьином раю

пробует голос

настройку

а я выстрелил вверх

потерялся в листве

говорю

не ходите за мною

¹עברית

Все языки
мне давались шутя
но этот

логичный
как алгебраическая задача
менящий
как недоступный объект желанья
огненный
словно второе рождение

ныряешь в него –
обетованья
сбываются в прошлом
у тебя на глазах
зарождаются
новые земли
новое небо

*шэмеи*²
*шамáим*³
*олáм*⁴

И кто я такая, чтобы заговорить?

---

¹ Иврит.

² Солнце (*ивр.*).

³ Небо (*ивр.*).

⁴ Зал или мир (*ивр.*).

Ольга Любарская

Пьеса Ы. Отрывок

It's all about me

Надпись на машине

– Вы видите это не в том свете. Не в том, в котором написано, не в том, в котором задумано, и не в том, в котором все будет.

Ы

1) – Разве я могу доверять хоть одному человеку сказать хоть что-то за себя: хоть при жизни, хоть после смерти? Никто не скажет. Никому до меня нет дела. Могут сгладить, обойти, извратить, перекрутить что-то... Даже если я скажу плохо, очень плохо, даже если для других это тягомотина, я все равно буду стараться, мне это очень важно. Иначе я умру – и умру. А так будет хотя бы попытка, пусть неудачная, что-то оставить. Пространству? времени? помойке?

Ы

2) – Придерживая что-то, невыгодное для меня, или делая благообразнее, я, может быть, спасаю свою жизнь, но делаю бессмысленным и никчемным все, что я делаю.

Ы

...в некоем безвидном, но хорошо видимом зрителям пространстве, **Б-г** беседует с **Ы** – так зовут главную героиню.

Б-г – это сгустки и разжижения пространства. Издали похож на хламиду, которая корчится под ветром. И на монаду, так как он един. В основном невидим, но время от времени принимает какой-либо облик.

Ы – это **Ы**. Героиня пьесы. Беседует довольно свободно, иногда запанибрата, с невидимым **Б-гом**.

Прим. автора

Б-г: Ты все еще думаешь, что любишь правду. А ты любишь одномерность и однозначность. Ты напрочь лишена гибкости. Может быть, это не я тебя создал? Нет, ты – брак. Тебя надо отбросить. В корзину с мусором. Что все инстинктивно и делают. Ты запредельно несовершенна! И несовместима с жизнью. А так, по виду, и не скажешь. Поэтому ты сначала всегда нравишься.

Б: Нет, наверное, ничего на свете, что я так же ненавижу, как это вынюхивание, подсчитывание. Если веришь – верь! Но это сама природа человека. Вернее, то, что вы называете природой. Самое глубокое и неискоренимое... Но, к счастью, это не вся природа. Иначе не стоило бы и жить! Я знаю: человек для тебя – тьфу! Хуже оборванных крыльев мошки, если он один, без Статуса. Все твое, даже природная любовь к молодости и красоте, основа основ... Где молодость, красота – там добро? Да? А текущие на подбородок слюни после инсульта у облысевшего капитана, его тоска – только предмет сожаления и отвращения? Отвернуться. Вот послушай... <читает>

Капитан¹

Ей неохота ехать,
Он ей надоел,
Надоел ей и здесь, и там
И того не ведает.
Недоел, надоел...
Поэтому капитан
(Блин, как болит нога!)
За отдельным столом –
Ну чистый ага! –
Зонд через нос –
Обедает.
Запивает обедом

---

¹ Приведены отрывки стихотворения «Баллада о капитане», опубликованного в журнале «LANGUE ROUGE» № 2 (2021 г.), стр. 99–110. (Прим. ред.)

Обиду,
Потом храпит,
Глаз откроет один –
И слеза прольется.
Но она не сдается:
Правый глаз – гол,
Левый – зол,
Нога болит до тоски
– Ну никакого участия!
Но она смеется.
И пока он там,
Заслоня спиной горизонт,
Притороченный к креслу по хер,
Через зонд с аппетитом типа обедает,
Она лучше разорвется на части
Или – хуже – развалится на куски
От любви к себе и к любимой ноге –
Но ни за что его не проведает!

Но сейчас пробежали
По второму этажу ее головы –
Те,
Заблудившиеся и застрявшие
Мысли и картины,
Пока первый остался в темноте
Сонным и затянутым паутиной.
Мысли злее и злее:
Она не придет.
Ты, пожалуйста, и не рассчитывай.
Я покорно делала все,
Что только в башку твою
Взбредет,
А теперь ты не спорь
И правильно мысли считывай.

Я не спорила,
Когда мы жили там,
Ты ведь продал деверю дом,
А я не спорила.
Яхту купил.
Теперь у меня ни кола, ни двора,
Да и яхта – где?
Вот такая история.

...

...

Хорошо тебе, капитан,
Ты мне хныкать брось,
Хорошо приютиться в углу
Привязанным в кресле.
А вот я – и на́ ногу
Наступить не могу.
Оказаться не хочешь, небось,
На моем месте?

...

– Где же она?
– Тихо, тихо ты, капитан,
Выпадет зонд – и обеда
Не съешь,
Ты и без этого таешь.
Что ты все киваешь,
Как китайский болван? Поешь!
Понимаешь, парень,
Тут и ангел ахнет:
Новенький памперс,
Как поцелуй ребенка,
Свеж.
Можешь принюхаться:
Да он почти и не пахнет.

Надо терпеть и молиться,
Ты мне, капитан, поверь,
Надо терпеть и молиться,
И будет тебе удача.
(Что же с ним делать?)
– Да открыта, открыта дверь!
(Только скажешь: «Лариса» –
И он уже плачет.)

Лучше сделаем ему
В тихий час
Наш тихий укол, укол,
Пусть растет у нас, как трава,
Из кресла пусть прорастает.
Правый глаз гол,
Но левый еще –
Как сокол.
Ничего. Голова свисает,
Слюна стекает.

Спи, усни, наконец, капитан,
Капитан,
Отплати им той же монетой
В один талер.
Ну их на хрен!
Усни, ждут тебя кони там,
Пусть несут тебя с этого света.
Уже светает.

Б-г: <рассеянно> Уже светает... Да, печально, горько. Но неизбежно!

...

<Комната **Ы** и ее мужа, за столом гости>

Муж: <**Женьке**, сидящей рядом с ним> Посмотри, скорее

посмотри на нее!

<Женька смотрит на **Ы** и хохочет>

Женька: Он видит ее насквозь, но любит.

Б-г: И это при его гибкости и свержобщительности. Ты его недооценила. Ну конечно! Кто б еще терпел твои выходки? А творила ты... Ты же не обо всем рассказываешь.

<**Ы** остолбеневаает>

Б-г: Ну не бойся, я тебя никому не выдам. Да он, даже когда женился во второй раз, поставил новой жене условие: что он будет беспрепятственно встречаться с тобой.

Ы: Мне это казалось совершенно естественным. Ведь дружить мы продолжали. Гуляли, сидели в кафешках. А как же иначе?

Б-г: Да, хорошо уже беременная девушка согласилась.

Ы: Да. Но ведь и я сдавала за нее вступительное сочинение в институт Культуры. Благо, комиссии не пришлось в голову взглянуть на фотографию. И она поступила. Послушай, мне надоели эти разборки. Хочешь, лучше погуляем по Амегиним¹, возле «Лина»², и почитаем объявления.

Там масса интересного. Ты же невидим. Получится прикольно.

Б-г: А может, мне принять какой-нибудь облик?

Ы: Ну, хотя бы Эдички Лимонова. <Читает стихотворение>

Хорошо ли Лимонову³

С шеей нервной,
Жилистой и худой,
Подниматься по лестнице
Бен-Закай с Геулы?
Хорошо ли мне по улице, девять лет не той,
Растекаться прощаньем
«Бай!»

---

¹ Амегиним и, далее, Бен-Закай, Геула, Гесс – названия улиц в Хайфе.

² «Лин» – название медицинского центра в Хайфе.

³ Отрывок стихотворения «Хорошо ли Лимонову».

Сквозь мотоциклов гулы?
Сквозь кондитерскую,
Исчезающую по пути,
Дочь почившего в бозе раба,
Где не слышат
Съеденные уши Амана¹
Ни учительского
«Тода раба, гверти»²,
Ни водительского «Кав эсрим взарба»³,
Ни камлания каменного «Амен»?

Хорошо ли Аману
Сквозь тысячи лет забытья
Вспоминаться кому-то,
Объевшемуся ушами,
Как вшами,
Уплетающему засушенные сердца
Житья-бытья,
Так что только трещит
У него за ушами?

Б: <смотрит на заскучавшего **Б-га**> Ладно, оно длинное. Сердину пропускаю. Но конец-то хоть выслушай. <Читает>

Не мораль карает,
А лишь гораль⁴,
А мораль только каркает
И марает, как пресса.

---

¹ Уши Амана – традиционное лакомство на Пурим, треугольные печенья со сладкой начинкой. Символизируют победу над Аманом, хотевшим уничтожить еврейский народ.

² Тода раба, гверти (*ивр.*) – большое спасибо, госпожа.

³ Кав эсрим взарба (*ивр.*) – маршрут двадцать четвертый.

⁴ Гораль (*ивр.*) – (м. р.) рок, судьба, предназначение.

На горе Кармель умирает
Король Дункан¹,
Потому что сгорают там²
Сто дунамов Бирнамского леса³.
Но затертая
Среди всемирного зла,
В песьей пьесе,
Похожей на черную мессу,
Я меняю актеров –
На зрительный зал,
Где скучнее, вдумчивей и интересней.
И, подумав немного,

Воротник потерзав,
Постояв в коридоре
Убогом и пегом,
Я меняю ненужный мне
Зрительный зал –
На пустынную улицу,
Занесенную снегом.
А на улице прозы,
Ее угроз,
Тает песня в пенсне
И с прямым пробором.
Не морозит меня
Ой мороз, мороз,
А крадется за мною

---

¹ Король Дункан – шотландский король, коварно убитый его родственником Макбетом, рвущимся к власти (Шекспир. «Макбет»).

² Намек на поджог и пожар в Хайфе и окрестностях в начале декабря 2010 года, в результате которого погибли 44 человека.

³ Бирнамский лес – ведьмы предсказали, что Макбет будет непобедим, пока на его замок не двинется Бирнамский лес. Но он двинулся, потому что солдаты перед штурмом получили приказ Малькольма, сына короля Дункана и законного наследника, взять по ветке в руки, чтобы скрыть число наступающих.

Незримым вором.
Надоело мне место,
И снег, и вор,
И, на улицу посмотрев
С укором,
Я меняю улицу
На мощный двор,
Что дощатым упряган
От глаз забором.
Но и этот набор,
Позабыв кружить
(Надоевшее место
Всегда пустое), –
Я меняю и двор, и забор
На жизнь.
Ну а жизнь...
Да она ничего не стоит!
...

Глава 4. Киев

Б-г: Давай оставим Эдичку в покое. Как раз этого он и не переносит. Лучше побуду невидимым.

Ы: Ладно. Пока мы гуляем, я хочу рассказать тебе одну вещь, чтобы ты правильно понял.

Б-г: Рассказывай, если ты думаешь, что мне что-то неизвестно.

Ы: Неизвестно! Ну, во всяком случае, не из первоисточника.

Б-г: А кто ж, по-твоему, первоисточник?

Ы: Не ты. Здесь ты мог быть только безучастным свидетелем. Немым соглядатаем.

Б-г: Ну ладно. Валяй!

Ы: Ты все-таки покладистый. Ну, слушай! Это был 1975 год, август. До этого в Киеве я не была ни разу, хотя там давно жила бывшая моя соседка Тоня, она меня очень любила, когда была подростком, а я

ребенком. Но это так, неважно. Когда я закончила свой технический вуз, меня не оставили в Харькове, а дали на три года отработку в районном центре – он назывался Великий Бурлук. Меня назначили завгаром (!) на какой-то цементный завод. Я была тогда замужем, но муж учился на вечернем в институте радиоэлектроники (ХИРЭ), заочного там не было, а учиться ему оставалось еще год. Будь у него законченное высшее образование, мне бы разрешили отработку в Харькове, а так мне открепление не дали. И я решила поехать в Киев, в министерство (не помню какое). Мама моей институтской подруги Инночки работала в отделе кадров завода «Южкабель» и готова была взять меня к себе, но без открепления не могла. Она научила меня, что надо сказать («Не разбивайте молодую семью, целый год, как же...») и т. д.). Мне бы это даже в голову не пришло, тем более, отношения с мужем были уже разлажены, поэтому я поехала в Киев одна. Мама уговаривала меня подождать до понедельника, но утром в пятницу я уже была в Киеве, в министерстве.

Б-г: Может, ты сократишь свое повествование?

Ы: Да, понимаю. Я разучилась говорить. Потому что последние двадцать лет моими собеседниками были кошки.

Б-г: Тогда вернемся к бульдозерам и скреперам.

Ы: Я их до сих пор не различаю. То есть отличаю только бульдозер. Здесь их много, желтенькие такие. Скреперы и автогрейдеры скребут на душе, как кошки. Но я не могу догадаться, кто скребет: то ли автогрейдер, то ли скрепер.

Б-г: Б-г с ними!

Ы: Я так и знала, что ты иже с ними. И ты скребешь мою душу? Ну ладно, прощаю и продолжаю.

<Комната. В ней, как три мойры, сидят за столом **Три дамы**, скорее, три мойвы – самая доступная рыба тех времен. Сидят непринужденно на своих законных местах. Рядом за столом какой-то импозантный **Мужичок** (если определение стилистически сочетается с определяемым) что-то, склонившись, пишет.>

Ы: Здравствуйте! Меня зовут Ы. Вот мои документы. Я приехала просить открепление, так как мой муж учится на вечернем в Харькове, ему учиться еще год, заочного на факультете нет, а меня посылают на три года

в Великий Бурлук. Нельзя же разбивать молодую семью!

<При этих словах **Мужик** поднимает от бумаги глаза и рассматривает **Б**.>

1-я дама: Дочка! А почему ты вообще поступила в автодорожный институт? Тебе больше бы подошло быть детским врачом, педиатром.

2-я дама: А какой факультет ты закончила?

Б: Механический.

3-я дама: Ме-ха-ни-ческий? А специальность?

Б: Дорожные и строительные машины и оборудование.

1-я дама: Так это же вообще мужская профессия!

3-я дама: Почему?

Б: <выпаливает> Широкий профиль!

2-я дама: Что?

<**Мужик** смотрит на **Б** и улыбается>.

Б: Широкий профиль!

2-я дама: Нет, дочка, мы не можем дать тебе открепление.

1-я дама: Так что поезжай в Великий Бурлук.

3-я дама: Всего только год. К сожалению, мы не можем тебе помочь.

Б: Жаль! До свиданья <выходит>.

<Тут же за ней выскакивает **Мужик**>.

Мужик: В понедельник, в Харькове, приходите в Госпром, 8-й подъезд, 9-й этаж, 962-я комната. Спросите меня <пишет Ф. И. О., телефон>.

Б: К своему стыду, я не запомнила даже имени этого человека, который помог мне.

<**Б-г** молчит.>

Б: Так я продолжаю?

Б-г: Давай, давай, только не растягивай.

Б: Вот здесь как раз и придется растянуть. Итак... Билет я могла достать только на ночной поезд, общий вагон. Я гуляла по Киеву, был август, а я совершенно не запомнила город. Он показался мне пыльным, скучным, официальным, город неудачной попытки, страшной усталости. Вечером пришла на вокзал, уже темно. Села в общий вагон. Он оказался

набитым, на скамье по пять-шесть человек. Я втиснулась. Справа и слева сидели какие-то парни, я их не разглядывала. Было очень тесно и неудобно. Мы поехали. Скоро потушили свет. Я страшно устала, а сидеть можно было только прямо и неудобно. Скоро я почувствовала неуправляемое притяжение справа и слева. Я сидела напряженно и боялась пошевелиться. Не знаю, сколько так прошло времени. И вдруг я поняла, что наблюдаю какую-то микроверность тому, кто слева. Не шевелясь. Но не шевелясь очень напряженно. Мне хотелось склониться, обвить левую шею руками и уснуть. Легкое приближение плеча слева, легкий нажим руки. И опять напряженное ожидание. Притяжение усиливается, затем – легкое отступление, выжидание. Притяжение сильнее, безоговорочнее – и наконец руки сжимают меня, уже терзают. Я обнимаю шею, кладу голову на плечо, но уже поздно, какой там сон, мы как с цепи сорвались. Тут же, почти вприпрыжку, сидят многочисленные безликие спутники. Но темно. Иногда свет мелькает в окнах. Они все понимают, они близко, но в другом пространстве, мы как одни, я не обращаю внимания ни на кого. Вдруг становится невыносимо, даже уже невозможно, терпение лопается – и мы выходим в тамбур.

В понедельник я поднимаюсь на девятый этаж восьмого подъезда Госпрома. Киевский **мужичок** оказался директором огромного Харьковского филиала института «Укрколхозпроект».

Мужичок: Пойдешь в четвертый подъезд, шестой этаж, в группу к Вите Харуну. Я сейчас позвоню ему.

Ы: <про себя> Звучит как «Харон» или как «Гарун аль-Рашид». Это оказался чернявый украинско-печенежский жлоб с тусклыми недооформившимися кудрями. У него я проработала три года. По дороге в стенной газете увидела фотографию спроектированного филиалом коровника, где поилки стояли так низко, что коровам пришлось пасть на колени, чтобы напиться.

Я шла из 8-го подъезда в 4-й, и передо мной вспыхивали и лопались лица пассажиров того киевского поезда. Но ведь я ехала с одиноким попутчиком, а не с компанией его друзей. Их лица стали вспыхивать тут и там в темном еще, понемногу утреющем воздухе, как отдельные фонарики, а потом рассеялись и полопались, как мыльные пузыри, вместе с

лицом, которое я так и не разглядела. Они вспоминались белоголовыми вспышками. Бесследно рассасывающиеся и исчезающие уколы, которые рассеялись по всему городу. Они меня запомнили, а я их – нет. Они могли меня узнать потом и через много месяцев, а я их – нет.

Б-г: Да-да, я припоминаю. Светало. Гасли эти лица, как фонарики, лопались и рассеивались, как мыльные пузыри.

Ы: Так ты все видел? Не хватало еще, что, кроме этих рож...

Б-г: <оправдываясь> Я не хотел подсматривать, но по долгу службы...

Ы: Ни раскаяния, ни стыда, ни даже следа это не оставило. Я только терпеливо следила, как все эти лица рассеивались, лопались в утреннем воздухе. Ни одного я не запомнила, включая «одинокого спутника». Имя он назвал, но я его полузабыла. Сейчас я думаю, что-то было, скорее, мужское чувство «после». Мне это просто стало ненужным. Город, мой город, наполнялся шумом и реальностью. Белоголовые вспышки таили, иссякали.

Б-г: Жаль, что ты не разглядела Киев.

Ы: Но для меня, внутри меня, это был не тот чиновничий, пыльный, безликий город усталости и слабости, и даже не булгаковский Город, нет. Для меня это был город «Вия». Той незабываемой потрясающей сцены преобразования, когда Хома уездил старуху, поднял голову и увидел, как солнце золотит купола киевских церквей, а потом, внизу, услышав уже не хриплый, а нежный, умоляющий стон, увидел вместо старухи – красавицу панночку, и сердце его сжалось от жалости. И он убежал.

Б-г: А как же твой эпизод в поезде?

Ы: Никак. Нет, только тот взлет Красоты: Хома, панночка и горящие главы утренних киевских церквей, а вовсе не гаснущие лица и удаляющиеся затылки блондинов.

Б-г: А какое все это имеет отношение к нашему разговору?

Ы: Самое прямое. Мы как раз об этом и говорим с тобой. Именно это – смысл нашего разговора. Я с первого прочтения, с детства, мучилась вопросом: почему ведьма выбрала именно Хому? И с детства понимала, что Хома и панночка – это взаимная любовь. Когда работала в школе, то, как всегда, мучавший меня вопрос задавала детям. Ну да, они ответили:

Халява груб, Горобець – пацан. Все это так. Но ведь панночка выбрала Хому еще до встречи на хуторе, не из троих. Она его выбрала заранее. Это – взаимная любовь, но инициатор – панночка. Она почувяла чувствилища Хомы, чувствилища художника, вздрагивающие и откликающиеся. Только они могли отозваться так и на старуху, и на красоту, и на страх. Но и какое-то сопротивление, которого не было в псаре Миките, слишком послушном ей. Я с первого прочтения, еще не умея словесно оформить, понимала это именно так. Вот вам художник и Муза, или Муза – и художник. Но даже еще глубже, потому что производимый «продукт» – не искусство, а через страх, ужасы, потрясения – Смерть. Но и Красота – панночки и киевских церквей... И вообще, этот мир красоты и взлета – самое главное. А эти потрясающие двойственность и грубый юмор, успокаивающий днем – когда никто не верит Хоме (и верит: неуклонно исполняет наказ сотника). И страх. Тоска. Ужас. Здесь все равно равенство. Но равенство – Чувствилищ и Красоты.

Б-г: Ты говори да не заговаривайся. Хорошенькое равенство, когда Хому волоком волокут на отпевание.

Ы: Да, здесь, казалось бы, насилие. Но это потому, что панночка знает о Хоме чего он сам о себе не знает. Она одна умеет увидеть и извлечь из него это. Иначе – простая грубая жизнь – с шинками, молодайками, бурсой, жратвой.

Б-г: Но, может быть, грубая жизнь естественней и оправданней? – И – дороже? Вопрос...

Ы: Ах, Господи! Этих женственных, полуженственных мужчин, художников и нехудожников, – их пруд пруди. Воля – это женщина. И так было изначально. Как догадался в своих работах о фольклоре Ю. И. – любимый ученик В. Я. Проппа. Сначала сотни тысяч лет царил матриархат, безжалостно подавляемый еще сотни тысяч лет. Но недоподавленный. И главный вопрос всего фольклора – это, как понял под конец жизни Ю. И. (о чем писал мне в письме, думая обо мне), – это вопрос о женской свободе. Он и книгу издал (вместе с соавтором, но соавтору принадлежит десять процентов написанного, а Ю. И. – девяносто процентов) – «Драма древней семьи в русской былевой поэзии (Михайло Потык)», 1993, Санкт-Петербург. Да, отсутствие дерзости – главный недостаток Хомы – при

способности сильно вздрагивать и отзываться. Тот вздрагивающий ответ на каждое движение.

<К зрителям>: Да, вы недаром подумали то, что подумали.

<К Б-гу>: Но панночка не просто так выбрала Хому. Он не один из. Э-э, нет. Не со всяким можно проделать такой опыт, какой ведьма проделала с Хомой. Далекое не со всяким. Освобождая захламленную душу, опустошая ее для приятия Красоты и Ужаса. И Смерти. Кстати, и смерть была взаимной, как и любовь. Ведь это сначала Хома, не ведая, убил старуху, которая оказалась панночкой. А Вий, вся нечисть, летающий гроб – все это только декорации. Как сказала моя мама, в первый раз увидав со скамейки на Бар-Гиора¹ пряничные домики на Кармеле: «Декорации».

Б-г: Да, я вижу, Раскольникову повезло значительно меньше.

Ы: Здесь уместнее было бы вспомнить не Раскольникова, а Германна... Возможно, этот сюжет, моя пьеса, – плохо и глупо рассказан. Неудачная попытка. Но все же попытка.

Б-г: Ты же хотела поглазеть на объявления. Вот как раз столб и забор.

Ы: Да... А может быть, панночка и сама была порабощена Виём и всей этой нечистью. И Хома, любовь и смерть, – стали и для нее бегством к свободе.

<Читает>: «На предприятие передовых технологий срочно требуются слесаря, сварщики, механики...»

<радостно>: Я!.. «Маляр по металлу, наладчики...»

Б-г: А вот посмотри: разыскиваются. Пропал... А рядом портрет. Видишь, справа?..

Ы: Что-то знакомое лицо...

Б-г: Да это же Шекспир!

Ы: Он-то точно разыскивается. Моя подруга, Ирина Кант, сама яркий и своеобразный поэт, занята уже который год этими розысками, книгу выпустила. Собирает материал и деньги для второй. Они ей все, английские поэты 16-го – начала 17-го веков, – как родственники. Особенно 17-й граф Оксфордский – главный в этой «Эстафете Фениксов», как она

---

¹ Бар-Гиора – название улицы в Хайфе.

назвала свою книгу, – Шекспир!

Б-г: На сей раз это только реклама уроков английского. А вот, смотри, действительно интересное объявление.

Ы: <читает вслух>: «Орфей спускается в ад. Требуются лица по сопровождению. Возможен вариант с волонтерами. Семья будет благодарна...»

Б-г: <весело> Сбегут. Орфея оставят в аду, а сами благополучно выберутся.

Ы: Да, из ада надо вытаскивать, а не сопровождать туда. Если ты не Вергилий, конечно. Но Дант был покрепче Орфея.

Б-г: Мне порядком надоела улица Амегиним. Пыль, автобусы, бурекас¹, крики, бесплатные газеты. Давай снова вернемся в безвидное пространство.

Ы: Хорошо. Вернемся. <Возвращаются.>

Б-г: Слушай, что у вас там в студии «Анахну»² – у всех Харон да Харон? У одного, у другого, у третьей. Да и у тебя. Похоже, что он даже не почетный, а просто рядовой член вашей студии.

Ы: Что ж. Будем бороться за бесплатный проезд в оба конца.

Б-г: И, кстати, у вас тут совершенно справедливо заметили, что у многих появилась гнусная привычка «тыкать» мне. Тебя это касается в первую очередь. Тебе не кажется, что это совершенно справедливо?

Ы: Согласна! Давай выпьем с тобой на брудершафт и перейдем «на вы».

Б-г: Что будем пить?

Ы: Ты что, думаешь, я скажу «нектар»? Да я терпеть не могу приторного.

Б-г: Ты же не какая-нибудь язычница. все-таки раввинская кровь. Ведь твоя бабушка не зря гордилась. Как насчет водки с рижским бальзамом? Идет?

Ы: Оно! <Помолчал>: А с кем же я буду целоваться? Я тебя не вижу.

---

¹ Бурекас – популярная израильская выпечка из слоеного теста.

² «Анахну» – литературная студия в Хайфе. Анахну (*ивр.*) – мы.

Б-г: Чей бы принять облик? А... Ничей! Я напушу тьму египетскую, и ты не узнаешь.

Ы: Как в киевском поезде? И белесый затылок? Я надеюсь, что ты ограничишься только одной казнью. <Пьют и целуются. Стаканы появляются незаметно: один – в руке **Ы**, другой висит в воздухе.>

Ы: Ты знаешь, я не хочу «на вы».

Б-г: Ты знаешь, я тоже.

Ы: Да и потом «тыкать» в русском языке не от «ты», а от «ткнуть». Ткать. Вспомни Якова – первый случай. И Пенелопа – второй случай.

Б-г: Не смешивай Б-жий дар с язычеством.

Ы: Это русский народ, из врожденной любви к начальству, ввел обращение «на вы».

Б-г: Ты права. В моем «сфат-эм»¹ его нет.

Ы: Опять загадочная мать. Ну ладно, не спрашиваю. Это твое больное место. Зато в русском языке это обращение «на вы» уравновешивается матом. Так что гармония восстановлена.

Б-г: Что я вижу в безвидном пространстве? Это море.

Ы: У тебя – то Шекспир в объявлении о приеме на работу, то море в безвидном пространстве.

Б-г: Неужели ты не чувствуешь запах йода?

Ы: У меня же нет щитовидки. Йод я получаю искусственно. Да, вот... Потянуло. Что делает волна? Лижет? Моет? Разбивается? Возвращается? Напоминает? О чем? Кому о чем вспомнится. О смерти со свежим дыханием йода и о времени, превратившемся в место.

Б-г: Скучно и стыдно... Очень плохо! Вспомни А. М.:

«А брошенный баркас лежит, двоясь –
и на боку волны – цветная вязь».

Это о прошлом – «брошенный баркас».

Нет, это невозможно! Вы всегда были несовместимы. Волшебник – и разоблачительница.

---

¹ Сфат-эм (*ивр.*) – родной язык.

Ы: Нет, совместимы. Иначе ничего бы не случилось. Только не у тебя в мире. <Гуляют молча по берегу откуда-то взявшегося моря.>

Ы: Ты знаешь, последнее время я стала совсем плохо видеть. Я вижу то, чего нет. Но вижу ясно. А потом подхожу – и пусто. И главное мое чувство – безграничное удивление: опять оказалось ничто или не то. Ведь я видела так ясно.

Б-г: <деловито> Что говорит офтальмолог?

Ы: Гагарина¹ утверждает, что это происки сетчатки, дегенеративной от природы. Ведь я еще в детском саду видела в воздухе цветные пузырьки. Но думала, что так у всех.

Б-г: А что же делать?

Ы: А ничего. Ждать, пока ослепну.

Конец 4 главы²

---

¹ Оксана Гагарина – известный в Хайфе хирург-офтальмолог.

² Конец 4 главы. Глава 5 называется «Булочная с продолжением». Электронная книга «Пьеса Ы и стихи» доступна по ссылке: https://ridero.ru/books/pesa_y/.

Эйтан Адам

Еще раз о докторе Джекиле и мистере Хайде

*Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.
Сергей Есенин, «Русь советская»*

*...И легкий воздух, и огонь
В одно мое сокрыты слово.
Но слово мечется, как конь,
Как конь вдоль берега морского...
Лев Гумилев*

*Поэт в России – больше, чем поэт.
Евгений Евтушенко, «Молитва перед поэмой»*

*(Я, вероятно, терзаю Музу.)
Иосиф Бродский, «Речь о пролитом молоке»*

*Поэты ходят пятками по лезвию ножа
И режут в кровь свои босые души!
Владимир Высоцкий, «О фатальных датах и цифрах»*

*О, моя одичавшая муза,
Я любила тебя и люблю.
Вероника Долина, «Последняя песня»*

*Нет! Нелегко поэтам
Жить по своим стихам.
Юрий Поляков, «Молоденький учитель»*

*До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага.
Алексей Сурков, «Землянка»*

Сурков не хуже, а может, лучше других функционеров... Но всякий функционер мертвит и убивает слова, мысли и жизнь. Он убивает и себя, и никакая патока его не спасет.

Надежда Мандельштам, «Вторая книга»

*Талант, как прыщ, не спрашивает на ком выскочить.
Фаина Раневская*

Господи, да еще какие свиньи иногда! Вор и подлец Бенvenuto Челлини, беспробудный пьяница Хемингуэй, педераст Чайковский, шизофреник и черносотенец Достоевский, домушник и висельник Франсуа Вийон... Господи, да порядочные люди среди них скорее редкость!

Аркадий и Борис Стругацкие, «Град обреченный»

Спасибо Стругацким за примеры. Список можно легко продолжить: пьяница и бабник Моцарт; бабник, картежник и бретер Пушкин; альфонс Бальзак; социопаты Лермонтов, З. Гиппиус, Грин, Бродский; язычники (по мировоззрению) Вагнер, Оскар Уайльд, Киплинг, Хлебников, Цветаева; выкресты (ради карьеры) Гейне, Малер, Мандельштам; аферист и картежник Некрасов; педофил Льюис Кэрролл; буйнопомешанный Ван Гог; растратчик и авантюрист О. Генри; авантюристы Рембо, Конрад, Гумилев; полуграмотный невежда Чарли Чаплин; наркоман Булгаков; пьяница и наркоман Высоцкий; лжеисторик Виктор Суворов; бабники Дюма-отец, Чехов, Сент-Экзюпери, Солженицын, Галич, Нагибин и пр., имя им легион; алкоголики... О фанатиках самых людоедских идеологий, продажных перьях, доносчиках, антисемитах и просто пижонах я уж не говорю. Интересно, что религиозная одержимость встречается довольно редко.

Не исключаю, что Шекспир специально затемнил свою биографию – наверное, было чего стыдиться.

Вагнер доказал, что гений и злодейство – вещи, несомненно, совместные. Есть мнение, что гений и безумие сочетаются весьма часто¹.

Прошу заметить: если бы вышеперечисленные не были великими художниками, то незачем было бы обсуждать вопрос – на свете полным-полно асоциальных личностей. Но здесь мы имеем дело с великими! Без скидок! Плоды их творчества я настоятельно рекомендую².

Интересно, что бешеные выходки богемы мало кого удивляют. Но почему-то к художникам слова применяется особый подход. Почему-то подразумевается, что писатель/поэт/драматург хорош не только в своих произведениях, но и в своей жизни. И это изо всех сил доказывается.

Постулирую: Х-человек, несомненно, является носителем Х-художника. Если хотите, это корабль, несущий мощнейшую ракету. Между ними, конечно, есть корреляция, но не более того.

При этом Х-человек живет своей обычной жизнью (корабль плывет по волнам), более или менее удачной, более или (нередко) менее праведной. В конце концов, ничто человеческое ему не чуждо. В том числе и мышление! Х-человек вполне может иметь собственное серьезное мировоззрение.

А Х-художник – сам по себе! С собственным мировоззрением! Х-человек вынужден его терпеть. И не всегда это у него получается.

Хуже того. У них может возникнуть конфликт!

Да-да! Х-человек далеко не всегда живет в мире и согласии с Х-художником. И что тогда?

Вот мы и разберем некоторые конкретные случаи.

Прошу заметить: разделение на Х-человека и Х-художника является некоей упрощенной моделью гораздо более сложных процессов. Но «понять – значит упростить» (братья Стругацкие).

---

¹ См. В. Лернер, Э. Вицтум, «Гений и безумие».

² За исключением, разве что, Вагнера и Суворова.

Александр Пушкин

*Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет.*

Александр Пушкин, «Евгений Онегин»

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*

Александр Пушкин, «К***»

Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Александр Пушкин, «Капитанская дочка»

Биография Пушкина изучена чуть ли не по минутам (ибо «Пушкин – наше все»¹). И если для литературоведов это хлеб насущный, то для читателей это, пожалуй, лишнее². Да, для понимания литературного произведения необходимо знать общий социальный контекст страны и эпохи, но совсем незачем копать в грязном белье автора.

В случае с Пушкиным это особенно интересно. Ибо в то самое время, когда Пушкин-художник писал «Евгения Онегина» и, в частности, описывал, как благородно Онегин поступил с Татьяной – Пушкин-человек без зазрения совести дефлорировал дочь своих друзей Осиповых-Вульф. Надеюсь, мы все помним, что этика тех времен требовала сохранения девственности до свадьбы.

Знаменитое стихотворение «К***» Пушкин-художник посвятил А. П. Керн. Пушкин-человек относился к ней весьма презрительно, а в частном письме описал свои отношения с ней матерно (неужели не мог

---

¹ Аполлон Григорьев.

² Пожалуй, приведу один контрпример. Странное поведение Зарецкого в «Евгении Онегине» трудно понять, не зная географии Пушкинского заповедника и ее соотношения с текстом романа.

найти других слов?). Интересно, что Пушкин-художник оказался пророком: «вавилонская блудница» (по определению Пушкина-человека) А. П. Керн позднее оказалась героиней потрясающей любовной истории и полностью заслужила прекрасные строки Пушкина-художника.

Другой случай. Пушкин-человек решил заняться историей. В результате в 1834 г. он написал «Историю Пугачева», исторический труд, не утративший своего значения до наших дней. А в 1836 г. Пушкин-художник написал «Капитанскую дочку». Заметим, он не мог не знать, что из себя представлял реальный Пугачев, однако герой «Капитанской дочки» Пугачев... Как будто 2 разных автора писали – впрочем, так оно и есть: Пушкин-человек и Пушкин-художник.

А вот Анна Ахматова стала невольной жертвой предвзятого отношения к Пушкину. Будучи дворянкой с дореволюционным стажем и зная нравы и обычаи дворянского общества, она написала о последних днях Пушкина. Написала со знанием дела, с великолепным пониманием, но... Замените в ее тексте знаменитые фамилии на какие-нибудь X, Y, Z – и вы получите рассказ о том, как один не очень умный человек поругался даже с близкими людьми и сам загнал себя в капкан.

Так что Пушкин-человек совсем не обязан вызывать у нас симпатию. Но он в главном оказался прав: он не мешал работать Пушкину-художнику. По возможности не мешал.

Николай Гоголь

Тогда только с соболезнованием узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя он по скромности своей никогда ее не показывал.

Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

Николай Гоголь, «Похождения Чичикова, или Мертвые души»

Прежде чем перейти к Гоголю, следует кое-что уточнить.

В дореволюционной России: официально считалось, что «русские» это – «великороссы», «малороссы» и «белорусы» в совокупности; «русский язык» и «великорусский язык» были синонимами; украинский язык назывался «малорусским наречием»¹; слово «украина» и даже «украина» нередко писалось со строчной буквы и означало пограничные земли.

(В соседней австрийской Галиции: восточные славяне, в основном украинцы, официально назывались «русинами»; поляки называли «Русью» Правобережную Украину до Львова включительно²; украинцы называли свой язык «русским»!)

Таким образом, когда мы берем в руки текст тех времен, мы должны быть очень осторожными при прочтении и понимании вышеозначенных терминов³.

Для малоросса Гоголя проблем не было, он был полностью согласен с официальной российской терминологией. Он был и малороссом, и русским националистом, и в этом для него не было ни малейшего противоречия.

Одним из первых произведений Гоголя стала «Сорочинская ярмарка» (1831). Текст пестрит украинизмами, которые создают прекрасный колорит. Так было положено начало «Вечерам на хуторе близ Диканьки» и «Миргороду».

Но... «Тарас Бульба» из «Миргорода» существует в 2 редакциях – 1835 и 1842 гг. 1-я редакция гораздо ближе к исторической правде, 2-я – гораздо более «идейная» (терпеть не могу это слово применительно к искусству), в частности, серьезно подчищена от украинизмов! Но Гоголь-художник подчинился, и 2-я редакция, несомненно, художественно более качественна.

Что же касается зверской жестокости этой повести... Не верю, что

---

¹ См. статьи Жаботинского тех времен.

² См. «Огнем и мечом» Сенкевича.

³ Добавлю: слово «финн» в дореволюционной России означало не только представителя титульной нации Финляндии, а представителя любого из финно-пермских народов.

это писал художник! На такое способен только человек, носитель «банальности зла»!

А дальше... Гоголь-художник написал «Ревизора» (1835, 1842), Гоголь-человек написал «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Разница бросается в глаза.

Заметим по датам, что коллизия «Гоголь-художник vs. Гоголь-человек» в разных произведениях происходит в одни и те же годы.

Ибо в 1835 г. Гоголь начал писать «Мертвые души». В 1842 г. он опубликовал I том, позднее сжег II, а III вообще не написал. Почему?

По сохранившимся данным, «поэма» была задумана Гоголем-человеком по схеме «Божественной комедии» Данте – «Ад», «Чистилище», «Рай». Таким образом, I том должен был стать похожим на «Ревизора», III – на «Выбранные места», а II должен был стать переходным между ними.

Гоголь-художник отлично справился с I томом. Но он и II написал в том же духе! Гоголь-человек этого не потерпел – и сжег II том, а III вообще не стал писать.

Однако Гоголь-художник в долгу не остался. По последним страницам I тома скачет великолепная русская птица-тройка (она же сама Русь)... в которой сидит жулик Чичиков!

Да и само название – «Мертвые души»! Помню, когда я впервые взял в руки эту книгу, я ожидал какой-нибудь мистики в духе «Страшной мести». Оказалось совсем другое. Но ведь души мертвые – не только у скупаемых Чичиковым крестьян. Там у всех героев – мертвые души!

Бедный Гоголь-человек! Он не стерпел самоуправства Гоголя-художника – и поплатился за это.

Рихард Вагнер

Ну что ж... Отдадим Вагнеру должное: он сам заявлял, что нет разницы между Вагнером-человеком и Вагнером-художником. Так и запишем.

И запомним, что он категорически требовал, чтобы евреи не прикасались к его музыке. Так что мне непонятен спор вокруг исполнения Вагнера в Израиле: он же сам четко выразил свою позицию! Вы любите

творчество Вагнера – уважайте позицию Вагнера! Тем паче, что здесь – по его же словам – нет никакого противостояния художника и человека.

При этом мы все слышим Вагнера гораздо чаще, чем нам кажется. Дело в том, что кинематографисты нередко вставляют классическую музыку в кинофильмы, причем предпочитают Баха и Вагнера: Вагнера – нагнать на зрителя стресс, Баха – успокоить его.

И еще. Вагнер, кроме всего прочего, реформировал всю систему дирижирования. Отказаться от его реформы – нереально.

Лев Толстой

Следует отметить, что Толстой-человек был, несомненно, серьезным мыслителем, это видно по его соответствующим работам. Но это очень плохо отразилось на Толстом-художнике.

Великий роман Толстого-художника «Война и мир»... Да, великий. В который Толстой-человек буквально вмонтировал (иного слова не скажешь) свои рассуждения на разные темы.

Но мало этого. Толстой-художник выписал великолепный женский образ – Наташу Ростову. Повторяю, великолепный.

Который Толстой-человек совершенно изуродовал в эпилоге.

Далее. «Анна Каренина». Весьма схематичный монтаж хорошего романа об Анне Карениной и плохого романа о Константине Левине¹. Совершенно ясно, что писал Толстой-художник, а что – Толстой-человек.

Но Толстой-человек также не дал Толстому-художнику красиво изобразить любовь и эотику Анны и Вронского. Адюльтер не может быть красивым! И он обязан плохо кончиться!

Можно найти еще немало примеров конфликта Толстого-художника с Толстым-человеком. Не случайно в конце жизни Толстой-человек отказался от литературной собственности Толстого-художника.

---

¹ Следует читать «Лёвин», а не «Левин», поскольку и имя автора в те времена было «Лёв», а не «Лев».

Роман писался в 1873–1877 гг. Следует заметить, что в те времена евреи еще не вышли на центральную сцену российской жизни, чем и объясняется столь неподходящий выбор фамилии героя.

Чарли Чаплин¹

Бедный-бедный Чарли! Ты не окончил и 2 классов школы! Ты многого добился самообразованием – но, к сожалению, самообразование, как правило, весьма фрагментарно.

Именно из-за лакун в образовании у Чаплина провалились 2 фильма: «Парижанка» (1923) и «Графиня из Гонконга» (1967). Дело в том, что это единственные фильмы Чаплина про любовь, в первую очередь.

Но любовь является самым частым сюжетом в мировой культуре! И шанс скатиться в банальность здесь очень и очень велик! Что и произошло с Чаплином – как говорится, и не украдено, и не свое.

Но рассмотрим фильм «Великий диктатор».

Сценарий писался Чаплином-художником в 1938–1939 гг., т. е. до начала II мировой войны. Съёмки начались через неделю после ее начала (а был еще период подготовки к съёмкам). Фильм вышел на экраны 15 октября 1940 г., – после разгрома Польши, Норвегии, Нидерландов, Бельгии, Франции, во время битвы за Британию² (фильм немало способствовал британскому воинскому духу).

Кинематография – финансово самое дорогое искусство. Чаплин-художник долго был в зависимости от продюсеров. В конце концов, Чаплину-человеку это надоело, и он добился финансовой независимости.

Но независимость – это и ответственность. В данном случае – финансовая. Чаплин-художник собирался снять сатиру на базе ситуации до начала войны. Чаплин-человек, как продюсер, не мог, начав снимать фильм, остановиться или серьезно его переделать – это поставило бы его на грань (или за грань) банкротства.

---

¹ Для справки: Чарли Чаплин не был евреем ни в одном глазу. Фамилия французского происхождения – Шаплин.

Просто он никогда не отвечал на антисемитские выходки, что он, вообще-то, ни при чем.

² Битва за Британию – воздушное сражение с 10 июля по 30 октября 1940 г. Англичане потеряли 1023 самолета, немцы 1887.

Видимо, понимая все эти коллизии, в конце фильма Чаплин-человек отодвигает в сторону Чаплина-художника и сам обращается с экрана к зрителям в великолепной речи с призывом объединиться в сражении за свободу и демократию.

Много позже Чаплин писал: «Конечно, если бы я знал тогда о подлинных ужасах немецких концлагерей, я не смог бы сделать 'Диктатора', не смог бы смеяться над нацистами, над их чудовищной манией уничтожения».

Но отдадим должное Чаплину-художнику: за много лет до Ханны Арендт он не сформулировал, но гениально показал «банальность зла»¹.

Михаил Булгаков

– Кто ты по крови?

– Я точно не знаю, – живо ответил арестованный, – я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец...

Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Ох-х-х!.. Любимый писатель, любимый роман...

Булгакова и при жизни, и потом нередко обвиняли в антисемитизме. Родные и близкие изо всех сил это обвинение отвергали. В частности, сестры Булгакова утверждали, что он совершенно не интересовался делом Бейлиса.

Вот с этого места поподробнее. Процесс Бейлиса проходил в стольном граде Киеве с 25 сентября по 28 октября 1913 г. Еврей Бейлис обвинялся в ритуальном убийстве. Это был самый громкий судебный процесс в дореволюционной России, и он широко гремел и за ее пределами.

В конце концов, Бейлис был оправдан 12 присяжными – сплошь православными.

А что же из себя представлял в это время Булгаков?

- Внук священников.
- Сын профессора Киевской духовной семинарии, по

---

¹ Традицию гениально продолжил Ролан Быков в «Айболите-66».

совместительству цензора по иностранной литературе и автора брошюры против франкмасонства.

- Хороший знакомый богослова о. Александра Глаголева, участвовавшего как эксперт в следствии по делу Бейлиса¹.
- 22 года.
- Родился в Киеве.
- Живет в Киеве.
- Студент медицинского факультета Киевского университета.
- Интеллигент².

И вы хотите мене говорить за Мишу Булгакова, шо он-таки совсем ничего не говорил за дело Бейлиса? Ой, я вас умоляю!

Филосемитский рассказ «Налет» (1922), боюсь, был написан именно для опровержения обвинений.

Великий роман «Мастер и Маргарита» писался и переписывался в течение 12 лет. Случайности исключены. Поэтому задумаемся над словами, вынесенными в эпиграф.

Прежде всего, никакого сюжетного продолжения у этих слов нет. Далее. Евреи не стали бы слушать проповеди язычника (а тогда все, кроме евреев, были язычниками). Синедрион не стал бы возиться с язычником, а просто передал бы его римской власти. Т. е. вопрос совершенно лишний, ответ нелогичный и не имеющий сюжетного продолжения.

Тогда зачем этот пассаж?

Затем, что Булгаков-человек не мог стерпеть, что Иешуа – прекрасный герой Булгакова-художника – еврей. Хватит с них, евреев, жестоковыйного Левия Матвея³.

Отметим еще одно странное «совпадение» в тексте романа.

---

¹ Отдадим должное Глаголеву: он систематически выступал против антисемитизма и против кровавого навета. Почему и не пришелся по душе следствию.

² «Интеллигент», кроме всего прочего, значит «человек читающий». Заметим, что номенклатура антисемитской (в т. ч. весьма наукообразной) литературы в начале XX века в России была просто огромной. См. М. Золотоносов, «'Мастер и Маргарита' как путеводитель по субкультуре русского антисемитизма».

³ Кажется, кроме Левия Матвея и Аврама из рассказа «Налет», у Булгакова нет ни одного положительного героя-еврея (отрицательных – полно).

И, кстати, почему у Иешуа в романе только 1 «апостол»?

Один из второстепенных героев романа – редактор Берлиоз. Герой-то он второстепенный, но судьба к нему весьма и весьма жестока.

Рассмотрим подробнее: **Михаил** Александрович **Берлиоз**, имеет в **Киеве** родную тетю, возможно сам оттуда.

Автора зовут: **Михаил** Афанасьевич **Булгаков**, родом из **Киева**.

Оба занимаются литературой.

Случайное совпадение исключено¹.

Кто кому здесь предъявляет счет и за что? Булгаков-художник Булгакову-человеку? Или наоборот (что вряд ли, слишком ярко написано)?

Покрыто мраком.

Михаил Шолохов

Шолохов-человек был последовательным и убежденным коммунистом. При этом при Сталине он неоднократно защищал отдельных людей и выступал против «перегибов» (даже написал письмо Сталину против коллективизации!), а при Хрущеве/Брежневе выступал против диссидентов. И в том, и в другом случае он был абсолютно искренен.

Шолохов-художник написал «Тихий Дон»².

И советская критика, и советская цензура хотели, чтобы Мелехов, в конце концов, пришел к красным. Говорят, что как-то на вопрос, почему он этого не хочет, Шолохов-человек ответил:

– Я-то хочу, Григорий Мелехов не хочет.

Казалось бы, ну что стоило, не меняя ни единого слова в романе, добавить небольшой эпилог? В котором описать, как лет через 10 колхозник Мелехов... Ведь Толстой же написал про самку Наташу Безухову, урожденную Ростову!

Но Шолохов-человек подчинился Шолохову-художнику. Молодец!

---

¹ Я услышал об этом на лекции сейчас не упомяну кого! Очень сожалею, что не запомнил имя лектора.

² Авторство Шолохова считаю доказанным и ни в какую полемику не вступаю. См. последние работы об этом.

Александр Солженицын

Не нами неправда стала, не нами и кончится.

Александр Солженицын, «Август Четырнадцатого»

Мы недооцениваем ту роль, какую Солженицын сыграл в нашей истории. Он возвел дело исторической памяти почти что в ранг религии. Это теперь исторический факт. Точка отсчета нового времени. Он такой кол вбил в могилу сталинизма, что ходу назад уже не будет.

Александр Зиновьев, «Светлое будущее»

Солженицын-художник ворвался в «оттепельную» литературу, как бомба. И по форме, и по содержанию.

А Солженицын-человек ждал своего часа. И дождался.

«Опыт художественного исследования» – такой подзаголовок дан «Архипелагу ГУЛАГ». «Художеством» должен заниматься художник, «исследованием» – человек. Т. е. перед нами попытка совместной работы художника и человека.

Книга вроде бы описывает факты. Но при самой небольшой проверке оказывается, что Солженицын (человек или художник?) относится к своим материалам совершенно не критично! Т. е. нарушает первую заповедь любого исследователя.

Получается, что Солженицын-художник подчинил себе Солженицына-человека? Или наоборот? Давайте рассмотрим оба варианта.

- Солженицын-художник подчинил себе Солженицына-человека. Вывод: «Архипелаг ГУЛАГ» является исключительно художественным произведением! Как «Три мушкетера». Прошу напомнить, что историю нельзя изучать по историческим романам. Ни по «Мушкетерам», ни по «Архипелагу». Как бы ни были они прекрасны с художественной точки зрения.
- Солженицын-человек подчинил себе Солженицына-художника. Но тогда перед нами просто плохое исследование, неважно, художественное оно или нет.

Как говорят в Одессе, «оба хуже». В смысле, оба варианта.

Но это было только начало.

«Август Четырнадцатого» полон многочисленных документальных вставок и обзорных глав. Все вместе должно создать впечатление хорошо проверенных фактов – и построенного на них литературного сюжета.

И он полон откровенной лжи¹! Солженицын-человек в этой книге лжет совершенно сознательно!

И Солженицын-художник отомстил. Вторая редакция «Августа» значительно хуже первой. «Октябрь Шестнадцатого» я еще осилил, дальше пытался читать по диагонали... Не смог.

А уж «Двести лет вместе»? Писал, несомненно, Солженицын-человек. Комментарии излишни.

К сожалению, Зиновьев *переоценил* Солженицына. «Кол в могилу сталинизма» оказался с гнильцой. И, как мы видим, ход назад вполне возможен.

Александр Зиновьев

XIX и, особенно, XX века породили удивительное явление. Ученые мужи, чей интеллект с утра до вечера занят наукой, привыкшие писать научные книги и статьи, – а таковые пишутся по совершенно определенным канонам, – вдруг обратились к художественной литературе, не прекращая свою научную деятельность. Я назову лишь самых известных авторов и их самые известные произведения.

- Профессор математики (в Оксфорде!) Чарльз Лютвидж Доджсон, он же Льюис Кэрролл: «Алиса в Стране чудес» (1865), «Алиса в Зазеркалье» (1871), «Охота на Снарка» (1876).
- Профессор англосаксонского и английского языков и литературы (в Оксфорде!) Джон Рональд Руэл Толкин: сначала «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» (1925), потом «Хоббит, или Туда и обратно» (1937), «Властелин колец» (1954–1955).

---

¹ См. лекцию автора: <https://www.youtube.com/watch?v=Om5qCi5RBQc&t=884s> .

- Профессор геологии и минералогии Александр Городницкий: начал со «Снега» (1958).
- Доктор истории сербской литературы Милорад Павич: сначала «Железный занавес» (1973), потом «Хазарский словарь» (1984).
- Профессор логики Александр Зиновьев: «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978).
- Профессор семиотики Умберто Эко¹: «Имя розы» (1980), «Маятник Фуко» (1988), «Остров накануне» (1994).
- Профессор английского языка и литературы Абдулразак Гурна: начал с «Памяти об отъезде» (1987). Лауреат Нобелевской премии (2021).

Жизнь не баловала Зиновьева-человека. Диссидентство, эмиграция, возвращение в Россию... От профессора логики мы могли бы ждать более или менее цельного мировоззрения. Однако единственное, что объединяет его мировоззрения (!) на разных этапах – это критика всех и вся.

Я помню его лекцию в Хайфе в середине 1980-х. После лекции можно было подойти и задать вопросы лично, прямо на сцене. Я тогда как раз окончил университет, поэтому сформулировал свой вопрос предельно точно с точки зрения формальной логики (самого вопроса теперь не упомяну). Но профессор логики среагировал на определенные слова в моем вопросе и выдал... Я был очень разочарован. Он не думал над моим вопросом, он реагировал, как собака Павлова, на определенные слова.

Зиновьев-художник выстрелил в 1976 г. «Зияющими высотами» (более ранние опыты были им самим уничтожены). Это было нечто потрясающее. Но уже «Светлое будущее» (1978) не произвело такого впечатления.

А дальше пошел спад, хотя все еще талантливый. Спад Зиновьева-художника и Зиновьева-мыслителя (т. е. человека).

Жаль. Очень жаль.

---

¹ В т. ч. автор работы «Вечный фашизм».

Виктор Суворов

Да возьмите вы любых пять страниц из любого его романа, и без всякого удостоверения вы убедитесь, что имеете дело с писателем.

Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Итак, Суворов, который Резун. Известен, в первую очередь, как лжеисторик¹. Даже некоторые его вполне художественные произведения воспринимаются как автобиографические.

Суворов-человек стал лжеисториком.

Суворов-художник написал несколько романов:

- «Освободитель» или «Рассказы освободителя» (1981, 1986, 2015).
- «Аквариум» (1985, 2016).
- «Золотой эшелон» (1991, в соавторстве с И. Ратушинской, В. Буковским, И. Геращенко и М. Ледином).
- «Контроль» (1994, 2015).
- «Выбор» (1997, 2012).
- «Змеед» (2011).

Первые 2 романа многие считают автобиографическими. Но даже знакомство с официальной биографией Суворова показывает, что это не так. Достаточно сказать, что Суворов не бежал на Запад в одиночку «на рывок», как в «Аквариуме», а перешел с женой, 6-летней дочерью и 2-хлетним сыном! Такая операция тщательно планируется.

Я читал все романы Суворова-художника кроме «Змееда». Считаю, что романы прекрасны. Особенно «Аквариум», это же просто шедевр русской прозы!

А в чем же секрет успеха его «исторических» опусов?

В том, что Суворов-человек заставил Суворова-художника служить себе! Доказательная база там полна лжи и прямых фальсификаций, но слог... Да-да-да, Суворов-«историк» убеждает своих читателей

---

¹ Сознательную лживость Суворова-«историка» считаю доказанной и ни в какую полемику не вступаю.

великолепным слогом Суворова-художника!

Старый добрый принцип «социалистического реализма».

Следует заметить, что имя им легион – лжеученым¹ (лжеисторикам, лжевврачам², лжебиологам, лжефизикам, лжеастрономам³, лжеэкономистам и т. д.), зарабатывающим на активном загрязнении ноосферы. И ничего бы у них не получалось, не имей они таланта художника. Но талант можно использовать и во зло. Ибо люди верят таланту художника!

И еще одно интересное наблюдение.

В советское время «гражданин СССР еврейской национальности» имел официальное право подать просьбу на выезд на ПМЖ в Государство Израиль. Но если он так поступал, а у него был брат или отец в рядах Советской армии, то означенный брат или отец немедленно вышибался из армии!

В 1964 г. старший брат Суворова А. Б. Резун, 1945 г. р., начал свою службу в рядах СА.

В 1978 г. Суворов с семьей дезертировал на Запад.

В 1991 г. подполковник А. Б. Резун уволился в запас после 27 лет непрерывной службы.

Однако...

Это интересно

Шолом-Алейхем-художник писал на идише, считается одним из величайших писателей на идише.

Шолом-Алейхем-человек в семье говорил по-русски, воспитывал своих детей на русском языке.

Бродский-художник писал стихи на русском языке, получил Нобелевскую премию в 1987 г.

Бродский-человек, будучи женатым на переводчице с русского, в

---

¹ В т. ч. с учеными степенями.

² В т. ч. рекомендующим принимать перекись водорода внутрь, и даже внутривенно.

³ В т. ч. утверждающим, что Земля плоская.

семье говорил по-английски, воспитывал свою дочь на английском языке.

И немножко обо мне, наглеце

Эсхил, Софокл и ты!

Михаил Булгаков, «Театральный роман»

Вот стоят у постели моей кредиторы,

Молчаливые Вера, Надежда, Любовь.

Булат Окуджава, «Три сестры»

И не надейся на надежду,

Коль вера и любовь ушли.

Эйтан Адам, «Четыре заповеди»

Прежде всего: я никогда, ни в одном глазу, не был христианином. Просто в свое время мне подарили французскую пластинку Окуджавы, а там последняя песня была «Три сестры». Так что у меня это от Окуджавы.

Я прежде всего подчиняюсь моему вдохновению. У меня немало сюжетов, которые мне буквально приснились.

И не только.

Когда я писал повесть «Волки», я планировал сюжет, в котором главная героиня уходит в опасный поход одна. Но как-то я ехал в автобусе (отлично помню тот прекрасный весенний день и даже место, где это случилось). Я сидел на переднем сиденье. Передо мной на площадке возник отец главной героини и сказал мне открытым текстом, что он дочку одну не отпустит. Пришлось переделывать сюжет.

К середине 2021 г. мой первый роман «Апостол Владимир» в 3-х частях был готов. Мне даже удалось найти лит. агента (редкое явление в русской литературе, в отличие от англосаксонской). Но – возникли какие-то препятствия, до издания дело не дошло – а 24 февраля 2022 г. Россия напала на Украину...

И я почувствовал, что за моей спиной стоит некто с палкой и орет: «Пиши, сука! Пиши! Ты обязан это написать!».

И я написал 4-ю часть. И внес изменения и в другие части. И получился роман «Апостолы державы дураков»:

<http://beitnelly.com/inspiration/tproduct/543486402-278945605211-apostoliderzhavi-durakov>

Получился гораздо лучше, чем изначально задумывался.

Так что в принципе я-человек подчиняюсь мне-художнику. Правда, я-человек запретил мне-художнику касаться некоторых тем. Но я-художник этот запрет уже пару раз нарушил.

Еще одно интересное наблюдение. Вообще-то у меня-человека отличная память на стихи. Но несколько моих давних стихотворений пропали, и я-человек помню из них лишь отдельные строчки! Кажется, я-художник постарался...

Заключение

Как я заметил в начале, предложенная модель весьма схематична. Но полагаю, что она может многое объяснить.

Коллизия «Х-художник vs. Х-человек» может происходить по-разному. Они могут плодотворно сотрудничать, а могут бороться друг с другом и даже побеждать один другого. Причем победа может оказаться пирровой.

Например, я просто уверен, что если бы Суворов-человек не заставил бы Суворова-художника участвовать в написании своих псевдоисторических опусов, а дал бы ему свободно развиваться – то сегодня плоды творчества Суворова-художника... я даже не представляю, каких высот можно было бы достичь с таким талантом!

Каждый делает свой выбор. И расплачивается за него.

Но плоды их творчества я настоятельно рекомендую.

Хайфа, Хешван–Кислев 5784 г.¹

---

¹ Октябрь–декабрь 2023 г.

Сергей Файнбарк

Опыт использования гидронимов Центральной России

При исследовании названий водных объектов возникает много трудностей самого разного плана. Прежде всего, это изменение названий с приходом нового населения. Кроме того, фонетическая структура изначального названия может меняться при его восприятии пришлым населением. Дорусские названия невозможно полноценно изучать, руководствуясь какими-либо локальными территориями. Все эти факторы усложняют процесс изучения названий водных объектов. Тем не менее, в процессе изучения вполне возможно дать общую характеристику субстратным дославянским названиям рек и озер, хотя весьма сложно (а порой и невозможно) точно определить их происхождение и конкретное значение.

Разберем несколько наиболее известных и значимых гидронимов Центральной России, которые вызывают повышенный интерес не только в самой России, но и далеко за пределами русского культурного пространства.

1 – **Москва** (река) (по названию реки назван и главный город России). Не вызывает сомнения сложносоставной тип названия. Топооснова ‘мос-’ или ‘моск-’; топоформант ‘-(а)ва’ или ‘-ква’. При этом следует отметить, что возле истока р. Москва находится исток р. Протва. Этот факт может указывать на то, что оба названия оставлены близким по своему происхождению населением. Кроме того, сходное название реки можно отметить в бассейне р. Припять на территории южной Белоруссии – ‘Моства’. Есть еще несколько названий, имеющих топоформанты ‘-ква’, ‘-два’, ‘-тва’ на территории Белоруссии, Смоленской, Московской, Тульской областей. Независимо от того, каков исходный топоформант (‘-(а)ва’ или ‘-ква’, ‘-тва’), его основное значение – «исток, вода, разлив» или «ход, движение»; лит. *tvānas*, лтш. *tvans* – половодье, потоп; лит. *aqua* – вода, река; или лтш. *avots* – исток, родник; др.-инд. *avanī* – поток, река; др.-инд. *avata* – колодец; др.-инд. *eva* – ход, движение.

Определить конкретное значение топоосновы затруднительно. Одно из наиболее вероятных значений – «извилистая, витиеватая, изгиб, узел»; лит. *māzdas* – узел; перс. *маз* – изгиб; лит. *maskatuoti* – мотаться; лит. *mastyti* – плести, сплести. Русло реки Москвы на территории западного Подмосковья и города Москвы – исключительно извилистое.

Существует мнение о связи названия «Москва» с финноязычным населением Верхнего и Среднего Поволжья. Однако подобные названия отсутствуют на территории Ярославского и Костромского Поволжья и на соседних территориях, где проживало финноязычное население, наиболее близкое современным марийцам и в меньшей степени – эрзя и мокше.

Название «Москва» связано с древнейшим индоевропейским населением междуречья Волги и Оки, наиболее близким к современным балтийским (балтским) народам (литовцы, латыши) или занимавшим промежуточное положение между «балто-славянами» и «индоиранцами» («арио-балтоидный» тип названий).

2 – **Днепр** (река). Название этой крупной реки явно связано с названиями таких крупных рек как «Днестр», «Дон», а возможно, и «Дунай». Название сложносоставное с выделением основы ‘дн-’ (‘дон-’, ‘дан-’) и форманта ‘-(е)(а)пр’. Название ‘Данапр’ впервые упоминает историк Иордан в VI веке.

Скорее всего, основа названия связана со значением «вода, река»; др.-иран. *danu* – река; осет. *дон* – река, вода. Одно из значений форманта – «глубокая»; др.-иран. – арг, агр- – глубокий; осет. *арф* – глубокий; лтш. *абга* – глубокое место в реке, озере.

Связка ‘-пр(а)-’ может иметь связь со значением «начало, исток»; др.-инд. *praġa(na)* рождение, зачатие; лит. *pradžia* – начало, исток; словц. *прагеј*; чеш. *прагеј* – начало, исток; родник.

Название «Днепр» (как и названия других перечисленных рек) явно связано с древнейшим индоевропейским населением Восточной Европы.

Отметим также, что исток р. Днепр находится на границе Тверской и Смоленской областей у границы Великого Водораздела бассейнов Волги (Каспийское море), Западной Двины (Балтийское море) и Днепра (впадает в Черное море).

Древние греки называли реку «Борисфен»¹. Древнерусское (или раннеславянское) название реки – «Словутич (Славутич)».

3 – **Двина** (река). Это название двух крупных рек: Западная Двина и Северная Двина. Следует упомянуть еще несколько сходных названий: р. Двина – басс. р. Десны; р. Двиноса – басс. р. Неман; р. Двиняч – басс. р. Днестр; р. Двиница – басс. р. Сухона.

Одно из возможных значений – «разлив, половодье, многоводная»; лит. *tvānas*, лтш. *tvans* – половодье, потоп; испарение, чад, угар; множество; лит. *tvinti* – разливаться, выходить из берегов; лтш. *dvinga* – чад, угар; др.-инд. *dhanv* – течь; др.-инд. *tva* – многих. Значение «многоводная», «много, множество» согласуется с названием Западной Двины на территории современной Латвии «Даугава» (лит. *daûg*, лтш. *daudz* – много). Кроме того, известно, что в средневековых скандинавских источниках река именуется как *Duna*, Дуна, что сходно с такими названиями как Дон, Днепр, Днестр, Дунай.

Вполне вероятны и другие объяснения. Однако не вызывает сомнения индоевропейское происхождение названия. По крайней мере, современное фонетическое содержание может объясняться из индоевропейских языков.

4 – **Ока** (река). Ока – крупнейший приток Волги. Одноименное название есть у речки «Ока» – в бассейне Ловати в западной части Тверской области.

Наиболее вероятные значения названия – «колодец, исток, ключ» или «вода, разлив»; лит., лтш. *aka* – колодец, прорубь; лит. *ākas* – заводь; лтш. *akacs* – яма в болоте; прорубь; лит. *akis*, лтш. *acis* – бьющий из глубины ключ. Кроме того, др.-инд. *aughā* – прилив, наводнение; лат. *aqua* – вода.

Исток реки находится у границы водораздела бассейнов Волги и Днепра. В нескольких километрах к югу – истоки р. Снова и р. Свапа

---

¹ «Борисфен» – это греческое слово, означает северный ветер. Феном сушат волосы. А «Борей» – или «бореалис» – это север или северный. «Аврора бореалис» – полярное сияние. «Гиперборей» – это вообще место, где плевков превращается в ледышку, не долетев до земли.

Эти греки, где они только ни побывали. (Прим. ред.)

бассейна р. Днепр. Названия этих рек имеют древнейшее индоевропейское происхождение.

5 – **Волга** (река). В отличие от предыдущих названий, которые рассматриваются как имеющие связь с древнейшими индоевропейскими наречиями (в частности – близкие к современным балтским), название «Волга» вызывает больше споров и расхождений у исследователей. Упомянем в связи с этим тот факт, что народы Среднего Поволжья имеют свои собственные названия этой реки. У мордовских народов (эрзя и мокша) река называется «Рав»; у марийцев – «Юл», у татар – «Идел», у чувашей – «Атал». Нижнее Поволжье называлось «Итим».

Название «Волга» река получила в своем верховье, скорее всего – на территории Тверского Поволжья. При исследовании этого названия важно выяснить, где именно река получила название – возле своего нынешнего истока или от озера «Волго». В своем верховье река широко разливается, образуя цепь озер – оз. Стерж, оз. Вселуг; оз. Пено, оз. Волго. Поэтому очень вероятно, что река получила свое название от озера Волго.

Рассмотрим некоторые объяснения...

1 – в значении «влага»; от ст.-слав. *влага* – вода, жидкость, сырость; рус. *волглый* – влажный, сырой; укр. *волога* – влага; белор. *вельгоць* – влага; польск. *vilgoć* – сырость; лтш. *valg(me)* – влага, влажный; лит. *vilgti* – влажность. Это – «балто-славянское» объяснение, однако оно вызывает некоторое сомнение. Оно может иметь отношение к местности либо у истока реки, либо у озера.

2 – в значении «лужа, вязкое место», лит. *valka*, лтш. *valka, valks* – лужа, болото, поток, ручей, текущий через болото; лит. *valkus*, лтш. *valkans* – вязкий, тягучий. Этот вариант объяснения также сомнителен. Он может относиться к истоку реки или к характеру местности, но вряд ли – к озеру.

3 – в значении «долгая, длинная»; лит. *ilgas*; лтш. *ilgs* – длинный, долгий. Это объяснение вполне могло относиться к названию озера, которое является последним (четвертым) в цепи озер-разливов и наиболее протяженным. В этой связи следует отметить: лит. *veliaū* – после, позже; лтш. *vēlak* – после, позднее; лтш. *vēls, vēlu* – поздний, поздно.

Известный русский академик Топоров В. Н. считал значение

«долгая, длинная» вполне вероятным именно по отношению к названию озера, которое могло изначально относиться и к другим озерам. Начальное «В» могло появиться с распространением славянского населения под влиянием раннеславянских наречий. Это наиболее распространенное объяснение происхождения названия «Волга» из индоевропейских (в данном случае – балтских) языков.

Однако рассмотрим также вероятность финно-угорского происхождения названия:

1 – в значении «белая, светлая»; эст. *valge*; карел. *valgei, valgie, valkie*; фин. *valkea* – белый, светлый; мар. волгыдо, валгыды – свет, светлый, ясный; венг. *világ(os)* – свет, светлый, ясный; манс. вольгункве – блестять, сверкать (о воде). При этом отметим – на оз. Волго имеется остров «Белый Плав». Этот вариант объяснения достаточно убедителен. Тогда первично – название озера; от него же получила название и река.

2 – в значении «поток, течение, разлив»; эст. *valguma* – течь, струиться; вост.-хант. – *wäləyta* – течь, литься.

Кроме того, при этом варианте объяснения название «Волга» можно рассмотреть как сложносоставное – топооснова ‘вол-’ и топоформант ‘-га’. Значение топоосновы «вол-»: эст. *vool(us)* – поток, течение; эст. *voolama* – течь, литься, струиться; фин. *vuolle* – поток, струя, стремнина, быстрина; фин. *vuolas* – быстрый, многоводный; фин. *valua*, карел. *valuo* – течь, литься; эрз., мокш. *валомс* – лить, разлиться, затопить; мар. *велаиш* – разлиться, литься через край; манс. *vol* – плес.

Значение топоформанта сходно по смыслу «река, поток, течение»; пр.-фин. *jogi, joki* – река; мар. *йогы* – течение; мар. *йогаиш* – течь, литься; вост.-хант. *оу* – течение. Таким образом, основное значение названия – «многоводная река», «разлив-река». И если действительно изначально все озерные разливы назывались «волга», то данное объяснение происхождения названия соответствует топографии местности.

«Внешне» более убедительна связь названия с финно-угорскими наречиями (учитывая приведенные сравнения и топографию местности). Однако названия разливов «Стерж» и «Пено» имеют индоевропейское (балтское) происхождение. Поэтому весьма вероятна связь названия с балтскими наречиями в значении «влага» или «долгая, протяженная».

К тому же названия, связанные с дославянскими индоевропейскими наречиями в этом регионе, преобладают над названиями финно-угорского происхождения.

Лингвисты подчеркивают также некоторые фонетические особенности, которые не позволяют отнести название «Волга» однозначно к финно-угорским.

Мы рассмотрели названия наиболее крупных водных артерий Центральной России. Вопреки сложившемуся в прошлом столетии мнению историков, археологов (и частично – лингвистов) о финно-угорском субстратном населении Центральной России (и, в частности, Подмосковья), выясняется ошибочность подобных взглядов или, по крайней мере, необходима их существенная корректировка. Еще в работах русских языковедов Топорова В. Н. и Трубачева О. Н. по Верхнему Поднепровью было доказано балтское происхождение субстратных гидронимов этого региона. Названия, связанные с финноязычным населением, выявляются в основном на Московско-Ярославском и Московско-Владимирском пограничье по левому берегу р. Клязьмы. Более того, балтские названия (или близкие к ним) распространены вплоть до Финского залива. Таков в самом общем виде анализ происхождения наиболее крупных гидронимов Великого водораздела Центральной России.

Об авторах, художниках и редакторах

Эйтан Адам. Родился в Ленинграде в семье литераторов-шестидесятников. С 15 лет живет в Израиле. Ветеран 1-ой Ливанской войны, пехотный санинструктор, в рядах бригады «Голани» дошел до Бейрута.

Математик и программист, учился в Технионе и в университете имени Бен-Гуриона, около 30 лет проработал в израильском хай-теке. Изучал биоинформатику в Колледже менеджмента. Изучал герменевтику и культурологию в магистратуре университета имени Бар-Илана. Ученик Центра изучения Каббалы.

Регулярно читает лекции по истории и литературе в Доме ученых Хайфы и в Клубе книголюбов. Пишет стихи, прозу, статьи, пьесы. Призер Международных конкурсов драматургии «Весь мир – театр. Новое слово для сцены» в 2021 г., пьеса «Неброское наследство», и в 2022 г., пьеса «После любви». Автор романа «Апостолы державы дураков» (Израиль, 2023). Ведет свой канал:

https://www.youtube.com/@Eytan_Adam .

Анатолий Анимца. Родился в 1947 году в греческом селе Кременевка возле Мариуполя (Донецкая область, Украина). В 1970 году закончил МИИТ (Москва). Инженер по вычислительной технике. Программист, электроник, экономист, изобретатель, яхтсмен.

Анжела Беленко. Родилась в Одессе в 1955 году. Профессия – воспитатель детского сада, педагог дополнительного образования. Организатор, руководитель детских мультипликационных студий в Крыму и Фестиваля детского анимационного творчества «Чудо-остров».

Писать стихи и сказки начала в 45 лет, публикации в ялтинском литературном альманахе, в сборнике крымских авторов, участие в литературных конкурсах. Автор нескольких книг.

Алла Герценштейн. Родилась в Ленинграде в семье директора театра и студентки Театрального института. Пережила блокаду и гибель матери, была в детском доме вплоть до снятия блокады в 1944 году. Закончила Ленинградский университет (французское отделение, специальность – романская филология). Будучи студенткой, опубликовала перевод «Сказки о Розе» Пьера Гамарра́. Всю жизнь преподавала французский. До эмиграции в Канаду находилась десять лет в «отказе». Живет

в Канаде.

[Хелен Лимонова] (Елена Рыцарь, 30.11.1959–27.1.2024). Родилась в Риге, родители учителя. Училась в рижской 52 школе, математический класс, представляла школу на математических соревнованиях. Окончила факультет прикладной математики Рижского политехнического института. По профессии работала совсем недолго на заводе радиотехники. После декретного отпуска не вернулась на завод.

Работала редактором и на разных других должностях во многих издательствах, в т. ч. «Дом-2», «Эхо», «СТЕФ». Открыла свой издательский дом.

Приехала в Израиль в 1994 году. В Ашкелоне открыла книжный магазин и издательство «Хоббит», после него другие книжные магазины и издательства в Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе.

Михаил Линецкий. Родился в Киеве (Украина). Детсад, школа, пионерский оркестр, работа, служба в армии (оркестр), работа музыкантом в Киевской группе «Цирк на сцене», начало занятия языком эсперанто в 1969 году. Во время гастролей в разных городах СССР разыскивал и находил эсперантистов. После окончания гастролей активно занялся продвижением эсперанто: создал в Киеве молодежный эсперанто-клуб. Организовывал всесоюзные, республиканские встречи эсперантистов. За активное участие в них трижды избирался «Мистером Эсперанто». Организовывал также и международные мероприятия: в 2011 инициировал проведение в Киеве 67-го Всемирного конгресса молодых эсперантистов, в 2012 – Всемирного конгресса незрячих эсперантистов.

Был несколько раз вице-президентом Украинской эсперанто-ассоциации (УкрЭА), 2009–2010 – Президент УкрЭА. С 1993 по 2010 работал преподавателем эсперанто в лицее.

В 2017 репатрировался в Израиль. Член Всемирной ассоциации эсперантистов, вице-президент Израильской эсперанто-лиги. Редактор эсперанто-журнала «Israela esperantisto».

Ольга Логош. Поэт, переводчик, редактор. Закончила СПбГУ и Французский Университетский Колледж, магистр истории.

Выросла в Санкт-Петербурге, теперь живет и работает в Хайфе.

Автор двух поэтических книг и сборников поэтических переводов с итальянского и французского языков. Переводила стихи Филиппа Жакоте, Поля Элюара, Чеслава Милоша, Пьетро Романо, Боба Дилана и других английских, французских, итальянских и польских авторов. Публиковала комментарии к романам английских писателей.

Стихи и переводы публиковались в журналах «Воздух», «Новый Журнал», «Арион», «Артикуляция», «Дети РА», «Shamgock Naiku Journal» (Ирландия), «Двоеочие», «Футурум Арт», «Зинзивер», «Плавающий мост», «Цирк ‘Олимп’ +TV», «Inknagir Literary Magazine» и др.

В 2007–2011 годах была шеф-редактором журнала «Зинзивер», вела авторскую передачу на Литературном Радио. Позднее – соучредитель и модератор Клуба переводчиков в Культурном центре Андрея Белого в Петербурге.

Редактор журнала поэтических практик «Тонкая Среда» и журнала «(((Сонар)))».

Входит в Международную Федерацию русских писателей (IFRW). Лауреат премий журналов «Футурум АРТ» (2008) и «Зинзивер» (2015) за лучшую публикацию года. Стихи переводились на английский, испанский, литовский и армянский языки.

Ольга Любарская. Окончила Харьковский автодорожный институт и филологический факультет Курского педагогического института. Работала инженером, а затем преподавателем русского языка и литературы. В Израиле с 1997 года. Автор книги «Пьеса Ы и стихи». Публикации в периодических изданиях России и США.

[Жан-Клод Паскаль] (наст. фамилия **Вильмино**, 1927–1992). Французский актер театра и кино, певец и писатель. Один из самых популярных киноартистов в 1950–60 годах. Он снялся в более чем 50 фильмах во Франции, Италии и Испании. В 1970-х годах активно снимался в телесериалах в Швейцарии: «Время жить, время любить», «Хирург из Сен-Шада», «Как не выйти замуж за миллионера». Начиная с 1955 года стал исполнять песни своих друзей Жильбера Беко и Жака Бреля, а

также Сержа Гинзбурга. Он издал 53 альбома пластинок и до 1983 года был «посланником» французской песни за рубежом.

В 1986 году Ж.-К. Паскаль опубликовал автобиографическую книгу «Красивая маска», ряд других книг, а затем два исторических исследования «Проклятая королева» в 1988 году (о Марии Стюарт) и «Любовник короля» в 1991 году (о Людовике XIII).

Дмитрий Северухин, (р. 13 февраля 1954, Ленинград). Историк русского искусства и литературы. Доктор искусствоведения, профессор петербургских вузов. Член Союза художников России, Международной ассоциации искусствоведов и критиков (AIS) и Санкт-Петербургского союза писателей. Окончил электромеханический факультет Ленинградского По-

литехнического института. Работал инженером-технологом, научным сотрудником в НИИ. С конца 1970-х гг. параллельно с инженерной практикой занимался искусствоведением и литературоведением, сначала как любитель, затем профессионально. Автор более 400 научных публикаций, в том числе монографий и справочных изданий, восьми книг прозы и поэзии. В разные годы выступал также как куратор художественных проектов и художник-живописец, график, иллюстратор. С 2022 года живет в Хайфе.

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде/Петербурге и уже много лет – в Израиле, в Хайфе. Инженер и учитель математики. Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран. Поэт, прозаик, редактор, руководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»). Автор книги стихов «Некоторый возраст». Ведет YOUTUBE-канал Студии «АНАХНУ» и Дома ученых Хайфы:

<https://www.youtube.com/@marinasimkin3157> .

Сергей Файнбарк. Родился 1 февраля 1963 года в пос. Редкино Конаковского района Тверской области. В 1997 году закончил исторический факультет Тверского университета, специализировался на изучении гидронимики Верхнего Поволжья и Тверского Помостья. В 1997–99 гг. работал во Всероссийском Историко-этнографическом музее в г. Торжке. С 1999 г. проживает в г. Хайфа (Израиль).

Мария Фатеева. Родилась 08.05.2008 в городе Николаев, Украина. Закончила музыкальную школу по классу фортепиано. Много путешествовала по Европе. Рисовать любила с самого детства. В Израиль репатриировались в марте 2022 года.

Фрида Шутман. Репатриировалась в Израиль с семьей из Киева в 1991 году. Педагог, лектор, писатель, переводчик и художник. По образованию преподаватель биологии и английского языка. Член Союза русскоязычных писателей Израиля, Союза учителей и Ашдодского гуманитарно-технического научного центра. Участник литобъединения «Паруса» и научного семинара.

Переводчик стихов и прозы на русский язык с английского, украинского, белорусского, иврита и идиш. Пишет стихи на русском, украинском, иврите и английском. Автор, редактор и иллюстратор трех своих книг: «Домик в деревне» (2012 год, Ашдод), «Не нужно нам других миров» (2017 год, Тель-Авив) и «Семь цветов радуги» (2020 год, Ашдод). Вторая и третья книги номинированы на премии «Книга 2017 года» и «Книга 2020 года» соответственно. Редактор поэтического сборника «И у города было...» (2014 год, Ашдод), супруга Иосифа Шутмана, члена СРПИ. Соавтор и иллюстратор прозаического сборника научной фантастики «Не здесь и не сейчас», соавтор сборников для детей «Волшебная дверца» и «Сундучок с чудесами» Союза русскоязычных писателей Израиля за 2019 и 2021 годы.

Публикуется на литературных интернет-сайтах, в газетах и журналах Израиля («Паруса», «Начало», «Русское Литературное Эхо», «Понедельник», «Литературный престиж»), а также Украины, России, Германии, Канады и Новой Зеландии. Лауреат международных интернетовских конкурсов по литературе и живописи. Участник Международной научно-практической конференции «Окружающая среда. Экология. Общество» 2017 года. Также принимает участие в ежегодных художественных выставках.

Проживает с семьей в Ашдоде.

Михаил Язмир. Родился в 1931 году в Витебске, в семье рабочих. При рождении получил имя Мейер. Еще до школы обрел навыки чтения, и надежда сочинять стала мечтой жизни. Перед войной закончил 2 класса белорусской школы. Через 12 дней после начала войны (и за 5 дней до входа немцев в Витебск) предприятия, на которых работали родители, были эвакуированы в тыл, в город Саратов. Там Мейер испытал весь набор радостей, печалей и горя суровой тыловой, а временами и прифронтовой, жизни, превратился в Михаила, приобрел

навыки сопротивляемости голоду, холоду, недоброжелательности некоторых аборигенов к эвакуированным, но в то же время нашел надежных друзей и влюбился в Волгу.

В 1954-м году окончил Саратовский Гос. университет им. Н. Г. Чернышевского, получив специальность геолога, и работал по специальности до отъезда в Израиль в 1995 году.

Всю жизнь вел дневники, записывал свои размышления. Все это за время жизни в Израиле превратилось в тысячи страниц теоретических обобщений, воспоминаний и рассказов.

Галерея (((СОНАР)))

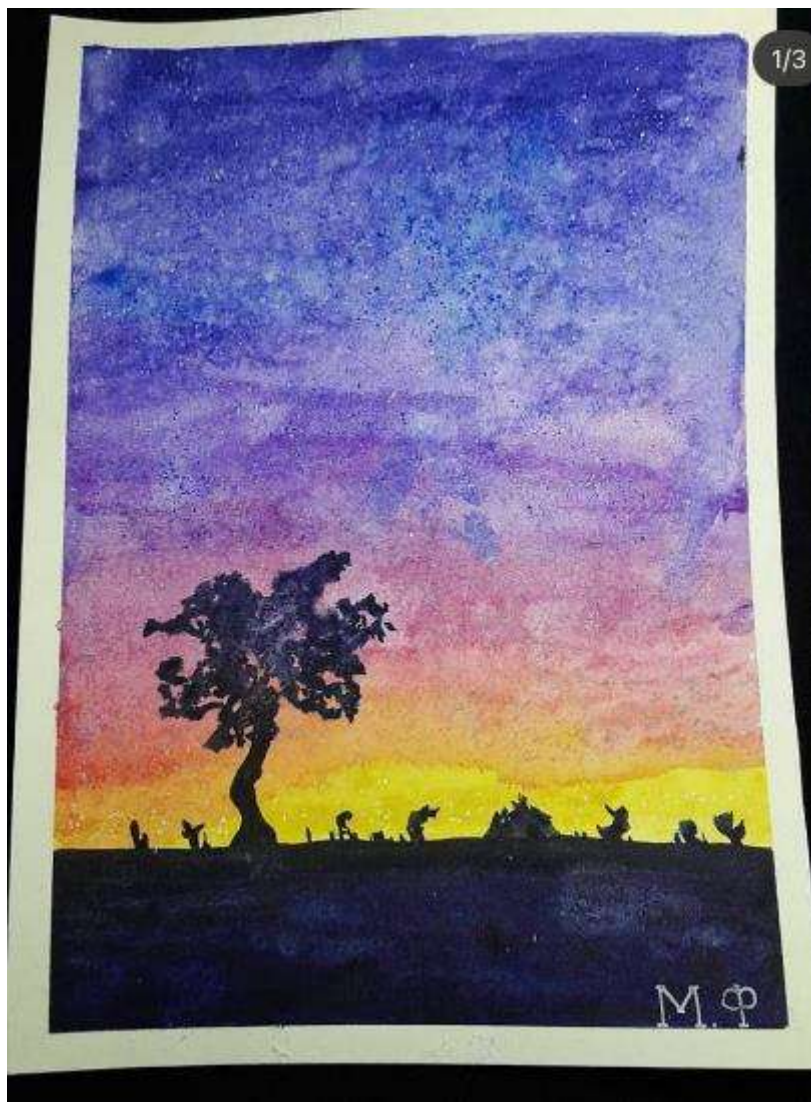
Мария Фатеева

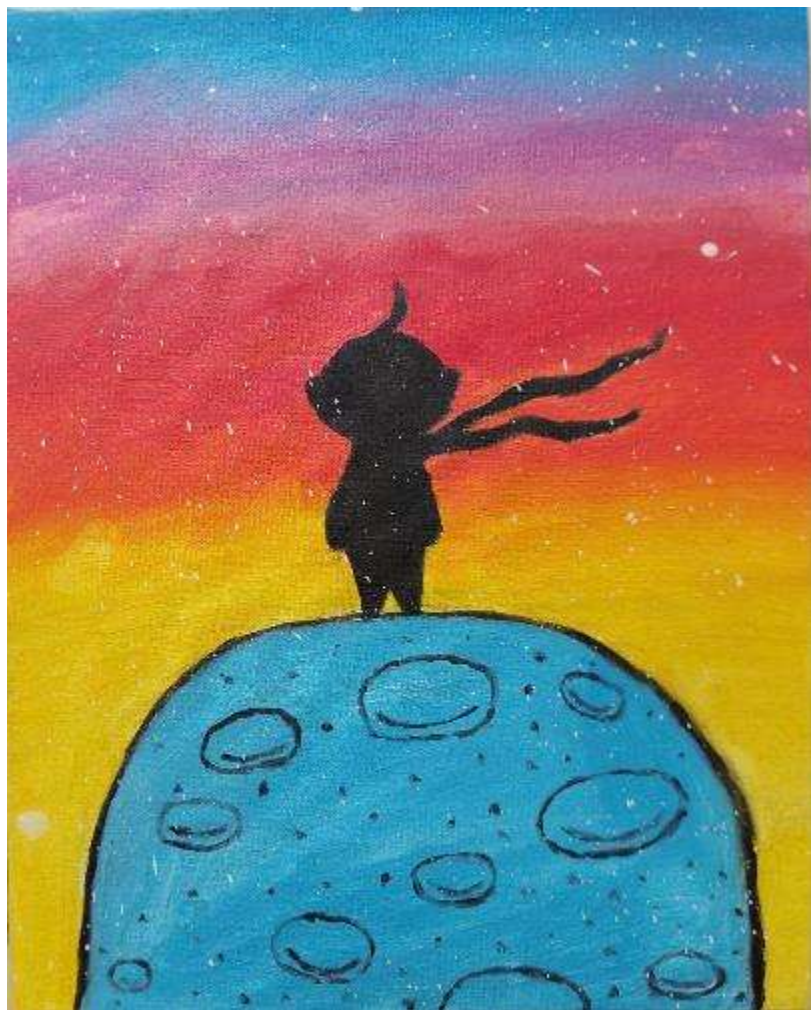
Завтрак, 2017 г., масло

Детское воспоминание, 2019 г., масло

Индивидуальный, 2019 г., акварель

Мечты, 2019 г., масло

Розовый закат, 2019 г., акварель

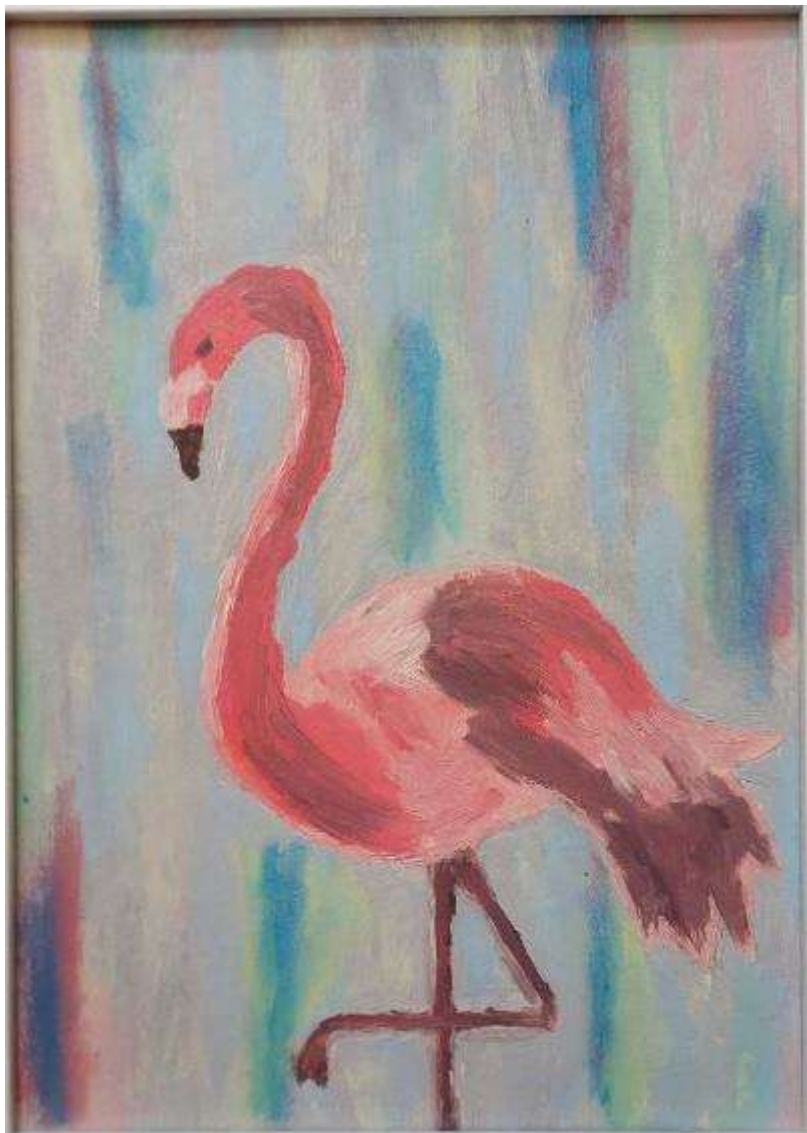

Темный лес, 2019 г., акварель

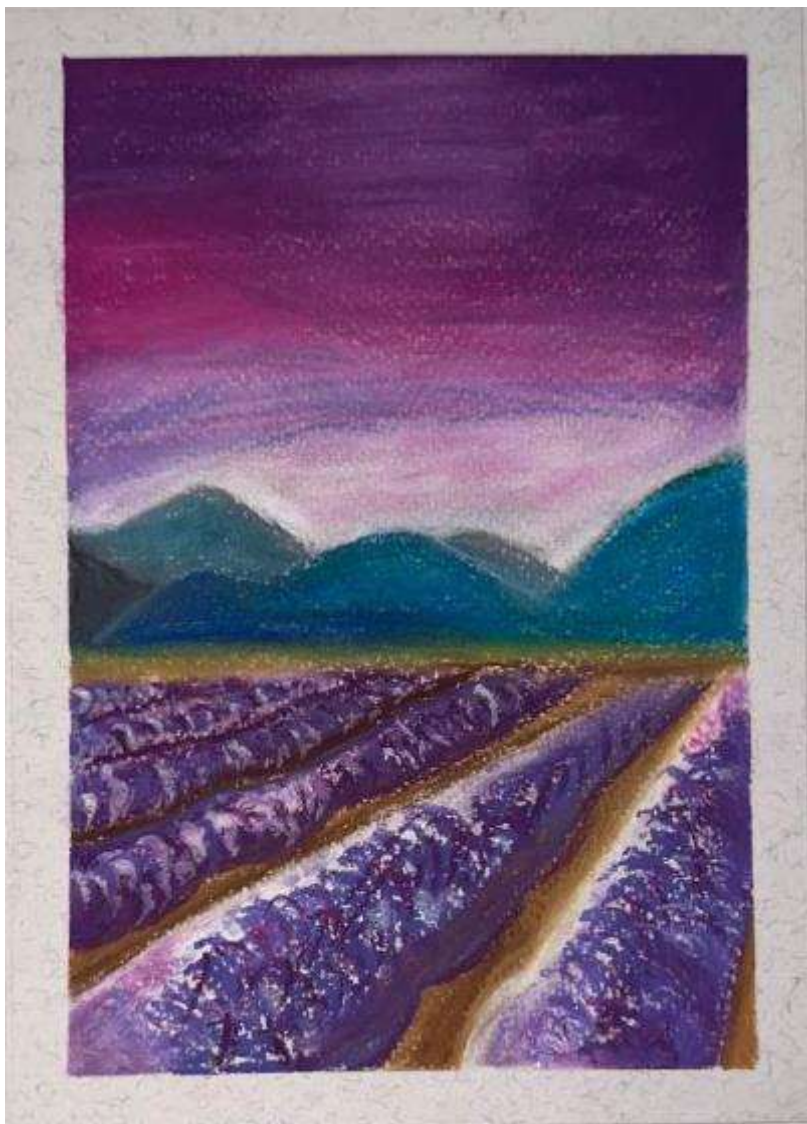

В облачных мечтах 2020 г., масло

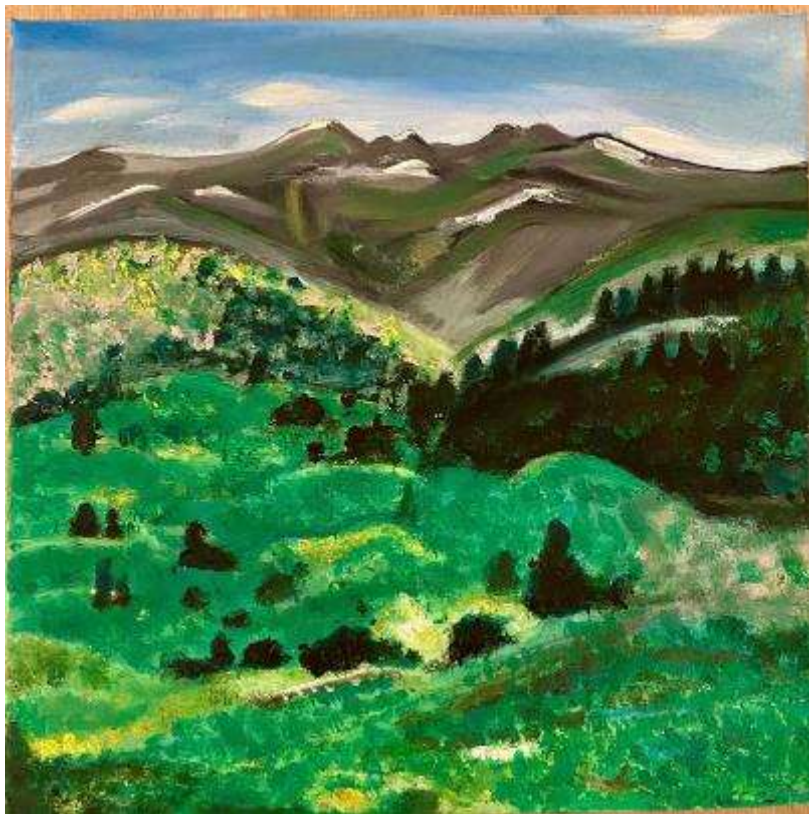

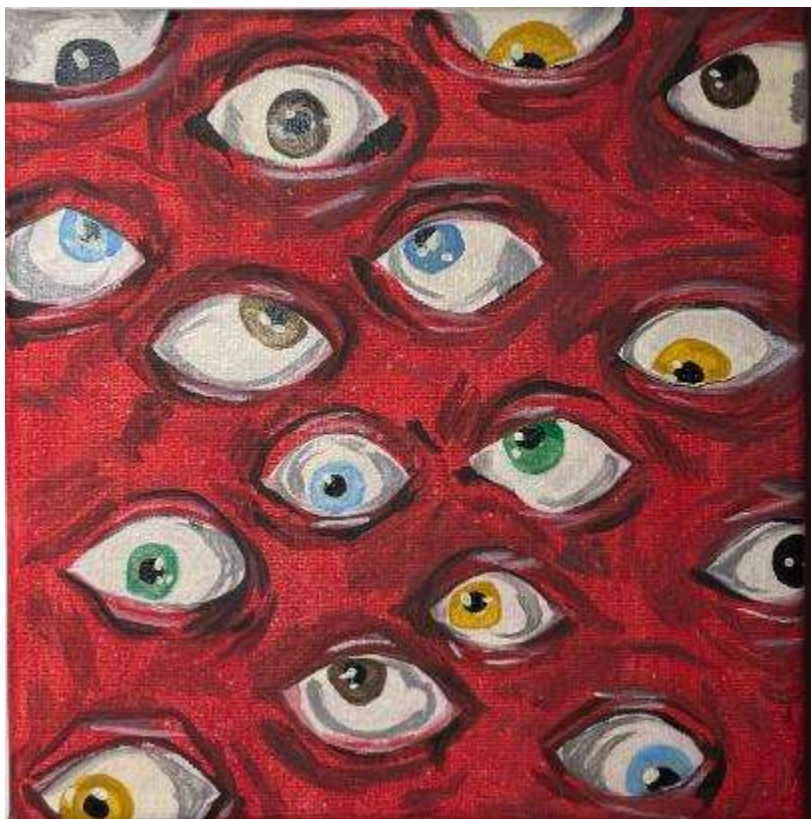
Розовый, 2020 г., масло

Лавандовые поля, 2021 г., пастель

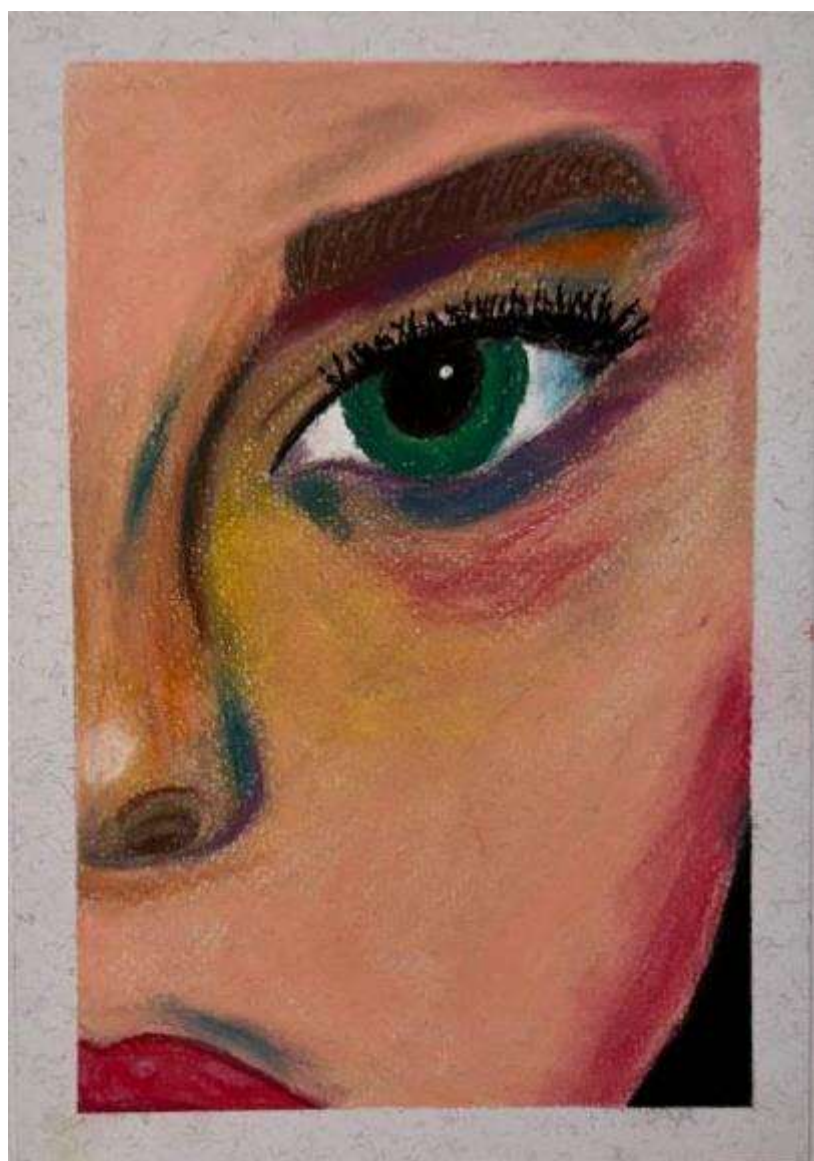
Карпаты, 2023 г. масло

Не скрыться, 2023 г., масло

Умиротворение, 2023 г., акварель

**Литературно-публицистический журнал
(((СОНАР))) № 12, 2024 г.
Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль**